Т-1044
Экз. 2.
Х 4с1х2к1
3-30

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ЗАПИСКИ

Выпуск II

ХАКГОСИЗДАТ — 1951

Т-1044

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ЗАПИСКИ

ВЫПУСК 2

Хакасская областная
БИБЛИОТЕКА

ХАКАССКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АБАКАН—1951

Редакционная коллегия:

Н. Г. Доможаков,
кандидат филологических наук (главный редактор),
Н. С. Мартынов, И. П. Чебодаев, В. И. Доможаков
Л. А. Алябьева (секретарь редколлегии).

Проф. Н. В. КЮНЕР

НОВЫЕ КИТАЙСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ КЫРГЫЗОВ (ХАКАСОВ) VII—VIII вв. н. э.

I. Историческое изучение кыргызов и китайская литература.

Среди различных представителей тюркских народов в Сибири и Центральной Азии киргизы (кыргыз) играли многократно на протяжении двух тысячелетий очень важную роль, выступая на историческую сцену в последовательных этапах своего развития, начиная со II столетия до н. э. Занимая обширную, хотя и окраинную, область распространения и разбиваясь на несколько самостоятельных групп, кыргызы в разное время оказывали решающее влияние на судьбы других народов, родственных им или иноплемённых, подчиняя их своей власти и налагая на них своё имя или поглощая их в собственной среде. Поэтому этнический (антропологический) состав современных кыргызов очень разнообразен и отразил в себе смешанную и разнородную историю народа в целом и отдельных частях (ветвях) его.

Обычно различают две территориальные группы кыргызов, хотя предположительно вышедших из общего центра, но в дальнейшем прошедших самостоятельную историю,—древнейшую (основную) восточную группу, или т. н. енисейских и монгольских киргизов по месту своего расселения на верхнем Енисее и соседней Монголии и позднейшую (ответвившуюся отсюда) западную группу, или т. н. тяньшаньских киргизов.

Здесь будет идти речь именно о восточной группе или ранних кыргызах, кыргыз по их самоназванию, история которых с древнейших времён оказалась связанной с китайской историей и историей других соседних народов, также вошедших в русло китайской истории [динлинов, хуннов, тугю, (жуцзюэ), уйгуров].

Не имея долго своей письменности, следовательно, и собственной писанной истории, восточные кыргызы сделались впервые известны через чужие, именно, китайские и позднее так-

же тюрские (орхонские) и уйгурские письменные сообщения, пока не стали открываться и изучаться относящиеся непосредственно к самим кыргызам археологические памятники. Таким образом, история этих кыргызов—енисейских и монгольских—начинается с ранних (со II столетия до н. э.) известий о них в китайской литературе.

2. Историческое наименование киргизов (кыргыз).

Китайцы также сообщили древнейшие наименования восточных киргизов. Вот последовательный ряд имён, под которыми киргизы, тогда хягас или сяцзясы, т. е. хакасы, были известны китайцам, как показывает выписка из объединенной редакции Старой (X в.) и Новой (XI в.) Танской истории, составленной в XVIII в., под заглавием (Синьцзю) Таншу-хечао [глава (цзюань) 259]:

Хягас (Сяцзясы) есть древнее государство Гяньгунь (Цзянь-гунь). Страна находится на Запад от Иу (ныне Хами), на север от Яньци (ныне Карашар), рядом с Белыми горами. Некоторые называют Гюйгу (Цзюйгу) или Гйегу (Цзйегу). Их племена смешались с динлинами. Именно это была западная окраина Хунну (Сюнну). Хунну пожаловали уделом китайского (ханьского от имени династии Хань) сдавшегося полководца Ли Лин, сделав его правым (на правом крыле), мудрым князем (Юсяньван—китайский титул), а Вэй Люй сделали князем над динлинами. Впоследствии Чжичжи-шаньюй (правитель хунну) разбил Гяньгунь. В то время они отстояли на востоке от двора Шаньюй на 7.000 ли, на юге от Чеши на 5.000 ли. Чжичжи утвердил здесь столицу. Поэтому в позднейшие века (поколения) владевшие этими землями ошибочно стали Гйегу (Цзйегу) называть хэгу, также хэясы и прочее.

Далее в том же сочинении говорится:

Впоследствии северные варвары в своем языке ошибочно сделали (подразумевается: из Гяньгунь или Гйегу) хягас (сяцзясы), ибо уйгуры (хуйгу) говоря о них, как бы называли: желтокраснолицые. Ещё ошибочно сделали Хягас (цзяцзясы).

Указанная выписка китайского текста изложена в классическом труде знаменитого нашего синолога Иакинфа Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», ч. 1, отд. 2, стр. 442—443 (был использован текст одной новой Танской истории) в следующем виде:

Хягас есть древнее государство Гяньгунь. Оно лежит от Хами на запад, от Харшара на север, подле Белых гор. Иные называют сие государство Гюйгу и Гиегу. Жители смешались

с динлинами[1]. Владение Хягас некогда составляло западные пределы Хуннов и Хунны покорившегося им китайского полководца Ли Лин возвели в достоинство западного Чжуки-князя[2], а другого, китайского же полководца Вэйлюй, поставили государём у динлинов. Впоследствии Чжичжи Шаньюй, покорив Гяньгунь, утвердил здесь свое пребывание, в 7.000 ли от орды восточного шаньюй на запад, в 5.000 ли от Чэжи на север; посему владетели сей страны впоследствии ошибочно хягас называли Гйегу и Гйегйесы.

Там же, стр. 449:

Впоследствии северные кочевые ошибочно хягас назвали **хакяньсы,** что на ойхорском (так Иакинф Бичурин называл уйгур) значит: краснолицый, и это слово ещё ошибочно выговаривали Гягяс.

В приведённом переводе Иакинф Бичурин разделяет оба названия (подчеркнутые мною.—Н. К.) хягас и хаканьсы, тогда как в китайском тексте противополагаются не эти названия, а древние названия: Гяньгунь или Гйегу и позднейшее (и ошибочное, по мнению китайского летописца) хягяс (сяцзясы), которому соответствует, очевидно, вторая форма хаканьсы, приведённая у Иакинфа Бичурина. Чтобы внести в этот вопрос нужную ясность, помещаем выдержку из известной энциклопедии Тайлин-хуаньюйцзи (X стол.), глава—(цзюань) 199, где изменения имени хягас (сяцзясы) излагаются так:

«Хягас есть государство северо-западней степи. Первоначальное имя Гйегу (Цэйегу), одинаково имя Гюйгу (цзюйу), ещё Гяньгунь (цзяньгунь). Исторические записки (Шицзи Сыма Цяна, I столетие до н. э.) называют их Гяньгунь (Цзяньгунь), Ханьская история (1 стол. н. э.) — гэгунь».

Здесь недвусмысленно устанавливается взаимосвязь между всеми перечисленными именами от древнейшего — Гяньгунь через Гйегунь и Гйегу (ещё Гюйву) до Хягас (сяцзясы), как обозначениями одного и того же народа, известного нам под именем киргизов (как его самоназванием). Впоследствии и имя киргиз (кыргыз) получило в китайской литературе более точную транскрипцию в форме Хэлицзисы (Бэйшицзи XIII стол.) и Цзилицзисы (Сышицзи, XIII стол.) и, в особенности, Юаньши (XIV стол.) в главе 63. Однако, в этом случае речь идёт преимущественно о западной группе киргизского

Примечания Иакинфа Бичурина:

[1] Динлины были монгольского происхождения. Они занимали южные земли Иркутской губернии от Байкала до Енисея. На южных пределах Енисейской губернии, где находилась столица хягасов и ныне коренные жители Тюркомонголы.

[2] Он был поставлен государем у хягасов. Уничтоживший ойхорскую империю был потомок его.

народа (Бэйшицзи XIII стол.), где упоминаются киргизы на р. Или, и Сишицзи (XIII стол.) о киргизах на Иртыше и Алтае; что же касается восточной группы киргизов на Енисее, то она подробно описывается в Юаньши (в главе 63). По времени эти позднейшие китайские сообщения о киргизах выходят из рамок трактуемой темы и указываются здесь лишь попутно.

3. Ранняя этнография кыргызов в китайской литературе.

Китайские сообщения касательно хягяс (хягас) являются более подробными, чем о многих других народах рассматриваемого района Центральной Азии, даже ближайших к Китаю. Это обстоятельство подчеркивает значение, какое сами китайцы придавали киргизам и знакомству с ними, исходя из практических соображений политики и отчасти экономической (торговой) деятельности, чем обычно во все времена руководились китайские правящие круги. Ограничиваясь только важнейшими китайскими сочинениями, использованными для настоящей статьи в более узких хронологических рамках, можно назвать в последовательном порядке не мало трудов, содержащих более или менее пространные описания жизни и быта киргизов под перечисленными древнейшими наименованиями, причём, по общепринятому китайскому литературному приёму одни и те же данные переходят из более ранних трудов в позднейшие, постепенно пополняясь и подвергаясь различным редакционным изменениям.

В ряду этих трудов значатся самые известные образцы китайской литературы из числа исторических сочинений и энциклопедий: Шицзи Сыма Цяня (I столетие до н. э.), Цяньхань шу Баньгу (I столетие н. э.) и Хоу Ханьшу фань Ху (V столетие н. э.), Таншу в её двух редакциях — Цэютаншу—старая Танская история (X стол. н. э.) и Синь Таншу (Оу Янсю). Новая Танская история (XI стол. н. э.), из которой заимствовал свой перевод о киргизах (хягас) Иакинф Бичурин в «Собрании сведений о народах, обитавших в средней Азии в древнейшие времена» (часть I, отделение 2, стр. 442—443).

Между обеими редакциями общего текста Танской истории имеются известные расхождения и возникающие таким образом варианты текста взаимно исправляют и дополняют содержание истории Танской династии, исключительно важной по сношению с народами Центральной Азии. Поэтому для более полного использования параллельного изложения обеих Танских историй следует предпочесть объединённую редакцию их, изданную в XVIII столетии под заглавием (Синьцзю) Таншу Хэчао, что и сделано в настоящей статье.

при оценке перевода Иакинфа Бичурина извлечений новой Танской истории о киргизах с точки зрения современных требований исторического исследования.

Из других китайских сочинений имеют важное отношение к настоящей теме ещё Танхуйхо—обозрение Танской династии [автор Ван Бо (X стол. н.э.)], энциклопедия Тайпин-хуань юй-цзи (X стол.), знаменитый труд Ма-Дуаньлиня Вэньсянь-тункао (XIII стол.) и, наконец, энциклопедия Юаньцзянь-лэй-хань (XVIII стол. н. э.).

Важно отметить, что во всех перечисленных сочинениях при описании киргизов под различными наименованиями в первую очередь излагаются сведения о стране киргизов, её произведениях, жизни, быте, социальной и политической организации этого народа, после чего делается переход к истории киргизов, главным образом, в связи с сношениями их с Китаем и другими народами, представляющими интерес для самих китайцев. Обработка части указанных этнографических материалов служит специальной темой настоящей статьи и основою для вытекающих отсюда выводов.

4. Китайская литература о кыргызах и русские переводы.

Наши историки и этнографы, обращавшиеся к китайской литературе в своих изысканиях о прошлом народов Центральной Азии и Сибири, в частности, учитывая важность китайских исторических сведений для кыргызов, но не владевшие сами китайским языком, обычно пользовались русскими переводами из китайских источников Иакинфа Бичурина, преимущественно в его замечательном «Собрании сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», СПБ. 1851, 3 части. Для хягас (хагас или кыргызов) в этом труде специально отведены стр. 442—452 второго отделения I части.

Как переводчик с китайского текста, Иакинф Бичурин обладает исключительными достоинствами по точности перевода и литературности изложения, несмотря на естественную старомодность стиля. Хотя прошло почти сто лет со времени издания указанного труда, значение его сохраняется полностью поныне. Однако, нужно признать, что с точки зрения современных требований, предъявляемых к научному переводу с китайского текста, переводы Иакинфа Бичурина не свободны от некоторых недочетов. Не говоря об устарелости терминологии, большей, чем устарелость языка, можно отметить и ошибочность отдельных исторических воззрений, ныне отвергнутых наукой, например, относительно прежнего размещения различных племенных групп в Центральной Азии, в частности, монгольской группы, из которых неизменно исходил

Иакинф Бичурин, подчеркивая повсеместное распространение с глубокой древности здесь монгольской народности, лишь в немногих случаях делая уступку в пользу тюркско-монгольской народности. Но самым важным недочетом являются пропуски, обнаруживаемые в переводе нашего прославленного синолога при сравнении с китайским оригинальным текстом. Эти пропуски как раз касаются частей текста, специально интересующих этнографа и объясняются тем, что переводчику они казались излишними, не представляющими ценности для его современников или недостаточно достоверными, даже фантастическими с точки зрения тогдашнего уровня науки, хотя в общем Иакинф Бичурин, даже будучи монашеского звания, держался передовых взглядов, также в науке. Многое из пропущенного переводчиком в то время или не переведённого полностью теперь нуждается в восстановлении или более дословном переводе или, наконец, в дополнении из позднейших редакций того же текста или вообще позднейших сочинений, так как по обычному правилу Иакинф Бичурин придерживался одной редакции текста или одной категории сочинений (т. н. отдела об иноземных народах в китайских династийных историях). Следующие примеры, взятые из перевода Иакинфа Бичурина для китайского описания киргизов (хягяс) из Танской истории и помещенного в указанном труде «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», как обозначено выше, должны подсказать желательность поправок к существующей редакции данного труда.

Стр. 443—444. Перевод Иакинфа Бичурина: «Мужчин было менее, чем женщин. Мужчины носили кольца в ушах», буквальный перевод: «Мужчин мало, женщин много; кольцами протыкали уши».

Стр. 444. Перевод Иакинфа: «Годы считают двенадцатью знаками, например, год в знак инь называют годом тигра»; буквальный перевод: «С помощью двенадцати животных (тварей) считают годы. Если год находится под циклическим знаком инь (т. е. по китайскому счету), то говорят: тигровый год». Тайпин-Хуаньюй-цзи, глава 199, приводит другие примеры: «Если год находится под циклическим знаком цзы, то называют годом мыши; если год находится под циклическим знаком сюй, то называют годом собаки» и заключает: «Это одинаково с хуйхэ (т. е. уйгурами)».

Стр. 444. Перевод Иакинфа «Есть верблюды и коровы; но более коров и овец;[2] богатые землепашцы водят их по нескольку тысяч голов». Примечание 2 (самого Иакинфа): «На русском языке нет общего названия сим двум родам домашнего скота». Буквальный перевод китайского текста: «Имеют верблюдов, коров, овец; коровы наиболее многочис-

денны; у богатых земледельцев достигают несколько тысяч...» Этот смысл подтверждается распространённым текстом из Тайпин-Хуаньюй-цзю, глава 199: «Их разный скот верблюды, коровы, овцы, но коровы наиболее многочисленны. Богатые семьи имеют 2—3 тысячи голов».

Стр. 444. Перевод Иакинфа: «Есть золото, железо, олово», далее пропущено сообщение о небесном железе, выпадающем с дождём, о чём будет подробнее сказано в следующем разделе статьи. Стр. 445 перевод Иакинфа: «Государь называется Ажо, почему и прозывается также Ажо. У него водружено знамя» (далее пропуск). Буквальный перевод: «Их государь зовётся Ажо, отсюда фамилия дом Ажо. Подчинённые все уважают красный цвет или можно перевести: подчиненные все лишены (не имеют знамен)». В Тайпин-Хуаньюй-цзи сказано просто: «Подчинённые все красные», а так как вторым значением китайского «чи» является «обнажённый», «лишённый», то можно перевести данную фразу: «Подчинённые все лишены, т. е. не имеют знамён».

Стр. 446. Перевод Иакинфа: «Из музыкальных орудий имеют флейту, бубен и два неизвестных». В китайском тексте перечислено пять музыкальных инструментов: флейта, барабан, свирель, дудка [«били», такой термин словарь Палладия и Попова (том 1, стр. 28) поясняет так: свисток для возбуждения коней] и литавры (цимбалы).

Стр. 446. Перевод Иакинфа: «Жертву духам приносят в поле». Буквальный перевод: «При жертвоприношении духам только охраняют воду и траву».

Стр. 446. Перевод Иакинфа: «Шаманов называют гань» Следует пояснить, что «гань» является транскрипцией древнетюркского слова «кам» для обозначения шамана, как указал уже Палладий. Старинные следы христианства в Китае: Восточный сборник, 1,1877, стр. 64.

Стр. 447. Перевод Иакинфа (о реке Гянь): «Через нее переплавляются на батах», к чему сделано Иакинфом примечание: «Монгольское слово: перевозное судно, сплоченное из двух выдолбленных брёвен». В китайском тексте сказано буквально: «соединяют (спаривают) суда для переправы». Вводя в перевод монгольский термин, Иакинф давал понять, что хягясы (киргизы) были монголо-тюрки, как он и подчеркивает на стр. 446, примечание 1: «Хягяс по первоначальному своему составу должно быть государство монголо-тюркское и состоит из двух народов: тюрков и монголов. Тюрки, иначе татары, суть коренные жители и монголы суть их повелители, известные прежде под названием хуннов, а в сию эпоху назывались они ойхорцами (т.е. уйгурами, как теперь мы называем их)». (Добавлено мною.—Н. К.).

Подобное утверждение вытекает из **общей ошибочной установки Иакинфа в отношении прежнего распространения монголов**, как сказано выше.

Стр. 447. Перевод Иакинфа: «Все реки текут из СВ. Минуя Хягяс, они соединяются и текут на север. Далее на восточную сторону моря пришли в Мума, где кочуют три дулгаские аймаки: Дубо, Милигэ, Эчжы». Буквальный перевод: «Воды (реки) сполна текут на северо-восток. Пройдя это государство (Хягяс) соединяются и на севере входят в море (озеро Косогол). На востоке (путешественник) достигает трёх поколений Тугю-Мума (или лыжные тугю; Мумы буквально значит: деревянные лошади, т. е. лыжи), называемые Дубо, Милигэ, Эчжы».

Далее в китайском тексте, как переведено и Иакинфом, описывается способ употребления лыж этими тюрками, что подробно разбирается в следующем разделе доклада.

Стр. 448. Описывая далее государство Хягяс и хягясов Иакинф всюду употребляет в переводе это имя Хягяс, тогда как в китайском тексте значится государство Гянь-Гунь (Цзяньгунь) и люди Гяньгунь (Цзяньгунь), что является древним наименованием хягасов (киргизов). В китайском тексте они сравниваются с государством и правящим домом Тугю (туцзюэ). В переводе Иакинфа всюду вместо Тугю говорится: Дулгаские владения и Дулгаский дом. Это монгольское название для Тугю отвечает общей установке Иакинфа о монгольском происхождении и племенном составе Тугю (Туцзюэ, как категорически заявляется на стр. 256 того же труда Иакинфа). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, 1 часть, отделение 2.

Стр. 256. «Дом Тугю по-монгольски называется Дулга. Ориенталисты Западной Европы пренебрегли уверением китайской истории, а обратили внимание на созвучность Тюгу с Тюрки и приняли в основание, что монголы, известные под народным названием Дулга, были тюрки; а как предки дулгаского дома происходили из дома Хуннов, то и Хунны были народ тюркского же племени. Сие-то смешение монголов с тюрками повело ученых западной Европы к превратным понятиям о народах монгольского племени, обитавших в Средней Азии в древние времена».

Стр. 448. Перевод Иакинфа: «Хягясский владетель имел трёх министров, которые были Гйе си Бей, Гюйшабо бей и Амибей. Они управляли всеми государственными делами». Буквальный перевод: «Их старшин (правителей) трое; называются Гйеси бэй (Цзйесибэй), Гюйшабо бэй (Цзюйшабо бэй) и Амибэй. Совместно управляют своим (тем) государством».

Стр. 449. Перевод Иакинфа: «Впоследствии северные кочевые ошибочно хягяс назвали хакяньсы, что на ойхорском

языке значит краснолицый, и это слово ещё ошибочно выговаривали гягяс». Буквальный перевод: «Впоследствии северные варвары в языке ошибочно сделали (из Гяньгунь) хягясы, ибо хуйгу, называя их, как бы говорили: желтокраснолицые и проч.». Еще ошибочно сделали (из хягясы) гягясы (цзяцзясы)».

Стр. 449. Перевод Иакинфа: «Сие государство было всегда в дружественных связях с Даши, Туфанию и Гэлолу, но туфаньцы при сообщении с хягясом боялись грабежей со стороны ойхоров, почему брали провожатых из Гэлолу». Буквальный перевод: «Однако (хягясы), постоянно взаимно поддерживали (сношения) с Даши, Туфань и Гэлу (Гэлолу). При сообщении (перевозке) из Туфань, опасаясь грабежей Хуйгу (уйгуров, у Иакинфа называемых ойхорами) непременно отправлялись в Гэлу (Гэлолу), чтобы подождать охраны из Хягясы».

Стр. 449. Перевод Иакинфа: «Из Даши не более 20 верблюдов приходили с узорчатыми шелковыми тканями, но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на 24 верблюдов. Такой караван отправляли один раз в каждые три года». Буквальный перевод: «Даши (название страны) имела узорчатые шелковые ткани. Их нагружали на 20 верблюдов. Если превышало, то нельзя было одновременно нагрузить. Поэтому, урезав, делали 20 кусков (нош). Каждые три года один раз снабжали (поставляли) Хягясы».

Стр. 450. Перевод Иакинфа: «Хан был убит в сражении и его Дэлэ разбежались». Буквальный перевод: «(Ажо) разбил и убил Хуйгуского (уйгурского) кагана. Все тэле (общее наименование уйгурских племён) потерпели поражение (бежали)».

Стр. 451. Перевод Иакинфа: «Надобно написать портрет их государя для показа будущим векам». Буквальный перевод: «Надлежит составить (написать) картины съезда вассальных князей (среди которых был и хягясский правитель) для показа будущим поколениям».

Стр. 451. Перевод Иакинфа: «(Ажо) просил войск у китайского двора. Император отправил сановника Лю Мын для обозрения границ. Четыре корпуса в северо-западном углу Китая изнурены были долговременной борьбою с Тибетом, а 18 округов истощены приходом кочевых войск». Буквальный перевод: «(Ажо) донёс сыну неба, прося войск. Император велел дать. Во-время этого дела Лю Хао был сделан инспектором границ. Двор вследствие того, что четыре крепости Хэлун и 18 областей давно наводнены восточными и северными варварами...»

Из этих примеров можно видеть, что перевод Иакинфа Бичурина в некоторых случаях имеет пропуски, в других

дает искаженный смысл, в немногих отходит от буквального текста, почему сличение перевода с китайским текстом значительно уточняет его, особенно, если вдобавок использовать параллельные версии других китайских сочинений, которых Иакинф не касался, ограничиваясь переводом одного сочинения.

Иакинф Бичурин свой перевод китайского сочинения о хягясах заканчивает словами: «Впоследствии были ли посольства и были ли даваны и жалованные грамоты, историки не вели записки (в подлиннике: «утратили записки»). Юань цзянь-лэй-конь (XVIII стол.) в главе 241 приводит иное окончание: «Сюй Вэньсянь тункао (XVIII стол) говорит: При Ляо'ском Тайцзуне в 6 г. Тяньсянь (931 г. н. э.) юго-западная граница руководила приходом стремившихся к просвещению людей государства Хягясы. При Муцзуне в 2 г. Инли (952 г. н. э.) и при Цзинцзуне в 8 г. Баонин (876 г. н. э.), (Хягясы) постоянно присылали посланников и дань».

5. Данные по этнографии кыргызов (хакасов) в китайской литературе, не использованные в переводе Иакинфа Бичурина.

К числу таких данных относятся в первую очередь сведения, недостаточно использованные переводчиком или вовсе отсутствующие в его переводе с китайского текста, касательно существования у ранних киргизов производства железа и широкого употребления ими, как и другими народами, их соседями, лыж в качестве средства передвижения на охоте.

Относительно производства железа вот что сказано в переводе Иакинфа Бичурина в описании хягяс: («Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», часть 1, отделение II, стр. 442—452) с указанием: извлечено из истории династии Тхан под заглавием: Хакяньсы-Хагас.

Стр. 444. Перевод Иакинфа: «Есть золото, железо[5], олово»; сюда же относится примечание 5 (Иакинфа): «Жители Сибири вообще инородцев называют Чудью и потому мины, разрабатываемые некогда около Алтая местными жителями, ныне называются Чудскими копями».

Полный китайский текст в Таншу-хэчао [объединенной редакции Старой и Новой Танской истории (Синь-изю-тиншу, глава 259) и Юаньцзянь-лэйхань, глава 241, которая берет его из Новой Танской истории], в буквальном переводе из описания страны и народа хягясы гласит следующее: «Имеется золото, железо, олово. После каждого дождя непременно (в Таншу-хэчао: при каждом дожде обыкновенно) получают (достают) железо, называют «цзяша», выделывают оружие, крайне острое. Всегда ввозят к тугю (туцзюэ)».

Тайпин-Хуаньюй-цзи сообщают подробности об этом: «Их земля производит золото, железо и олово. Ван-хуй-ту (картины съезда князей) говорит: Их государство имеет железо небесного дождя, собирают, чтобы выделывать ножи и мечи, отличается от железа (т. е. обычного железа). Некогда спросили посланника, скрыл и не ответил. Только сказал: Железо очень крепко и остро, работа также отборна и искусна. Их земля производит железо так. Вследствие бурного дождя деревья леденеют и производят (железо). Как только (дождь) пройдёт дольше, земля поглощает. Поэтому отборно и остро. При этом, если каждый раз, вслед за небесным дождём, люди собирают, непременно случаются убитые и раненые. Причина, наверное, не понятна. Цзя Дань говорит: обыкновенно производят хорошее железо, называют «цзяша». Постоянно вывозят к Тугю (Туцюэ). Это и есть то самое».

Приведённое описание «небесного железа» и своеобразных условий его появления прямо указывают на его источник. Это метеоритное железо, происходящее от падения метеоритов, явление широко распространенное в районах сибирской тайги и ныне специально изучаемое советской наукой через снаряжение особых экспедиций к месту падения крупнейших метеоритов. Любопытно отметить, что это явление было давно описано китайским автором именно для страны, обитаемой киргизами (хягясами) с указанием на практическое использование падавших метеоритов местными жителями (самими хягясами) для производства железа и железных изделий (оружия) лучшего качества, которые затем служили для вывоза к народу Тугю (орхонским тюркам). На это обстоятельство указывают и выписки из китайской литературы (в русском переводе), сделанные Козьминым Н. Н., в книжке Хакасы (Иркутск, 1925)—глава I, стр. 6: «Китайские источники передают, что жужаны (народ, господствовавший в Центральной Азии перед тюрками в IV—VI столетии — пояснение мое. Н. К.), называли тюрок, живущих на Алтае, своими кузнецами. Кыргызы Минусинских степей также брали с жителей нынешнего Кузнецкого уезда дань железом, преимущественно в поделках (например, котлах).

Ещё более подробные и конкретные сведения китайские источники сообщают об употреблении различными народами Центральной Азии—киргизами (хагасами) и их соседями лыж для передвижения на охоте. Вот что говорится на этот счёт в том же переводе Иакинфа Бичурина:

Стр. 447. «Все реки текут на северо-восток минуя Хягас, они соединяются и текут на север. Далее на восточную сторону моря[9] пришли в Мума, где кочуют три дулгаских ай-

[9] Примечание сюда Иакинфа: озеро Хусугул, иначе Косогол.

мака: Дубо, Милигэ, Эчжы. Князья их называются Гиегинь Живут в избах, берестою покрытых. У них много хороших лошадей. В обыкновении кататься по льду на деревянных лошадях. К ногам подвязывают лыжи, а подмышками упираются на клюки. При каждом упоре подаются шагов на сто вперёд чрезвычайно быстро». Буквальный перевод этого текста по Таншу-хэчао, глава 259, содержит следующее: «Реки все текут на северо-восток. Пройдя это государство, соединяются и на севере входят в море (т. е. озеро Косогол, как и отмечает Иакинф). На востоке достигают (говорится о путешественнике) трёх поколений цзюэ Мума (Мума значит буквально: деревянные лошади, т. е. лыжи) или лыжных тугю; называются Дубо, Милигэ и Эчжи. Их старшины все являются Сяцзинь (Гйегины в транскрипции Иакинфа). Березовою корою покрываются дома. Много хороших лошадей. Обычно ездят на деревянных лошадях (мума, т. е. указанных лыжах) бегая по льду. Досками подпирают (подставляют) ноги; если на кривое дерево (палку) упереть подмышку, то внезапно с силою устремляются на 100 шагов».

В этом случае говорится не о хягясах, а их соседях тюрках и Иакинф ограничивается данным текстом, но вот дополнительные данные из других китайских источников об употреблении лыж самими хягясами и, параллельно с этим, их соседями — ближайшими и более далёкими.

Тайпин-Хуаньюй-цзи, глава 199, где речь идет о хягасах. «Люди (мужчины) любят охотиться на животных. Все употребляют деревянных коней (мума, т. е. лыжи). Поднимаясь и спускаясь по северному склону горы, преследуя, несутся, точно летят».

Для сравнения ниже приводятся аналогичные данные о народе Вайегу (Баигу), т. е. Баырку орхонских подписей из Тан-хуй-яо (X стол.) глава 98: «На деревянных конях по льду преследуют оленей». О том же упоминает и Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 1, отделение 2, стр. 433: «(Байегу)... страстно любили звериную ловлю, землепашеством мало занимались. Гонялись по льду на лыжах за оленями».

Другие китайские авторы повторяют в несколько измененном виде эти же сведения о байегу: Тайпин-Хуаньюй-цзи (X столетие), глава 198: «На деревянных ногах по льду преследуют оленей. Занимаются землепашеством и охотой».

Юаньцзянь-лэйхань (XVIII столетие), глава 241: «Охотятся, мало пашут. Ездят на дереве, преследуют оленей по льду».

Особенно подробно китайские авторы описывают устройство лыж и езду на лыжах у народа Басими. (Басмюль орхонских надписей), приближаясь к современному описанию лыж и езде на них у туземного населения Сибири.

Тайпин-Хуаньюй-цзи (X столетие), глава 199. «Их люди (мужчины) мужественны и сильны. Все умеют охотиться. В стране много снега. Их (лыж) вид походит на щит, но голова (верхняя часть) высокая. Под их низом имеется лошадиная шкура. Вдоль волоса надевают их, давая шерсти касаться снега и скользить. Как бы надевая деревянные башмаки, привязывают к низу ноги. Если спускаются по склону, то бегут, преследуя убегающего оленя. Если на ровном месте ступают по снегу, то палку втыкают в землю и бегут, точно корабль. Также, когда убегающий олень поднимается по склону, то рукою придерживаются и поднимаются».

Этот же текст с небольшими редакционными изменениями помещен в Юаньцзянь-лэйхань (XVIII столетие) в главе 241. Напротив, в Таншу-хэчао и вообще в Танской истории, где даются очень краткие сведения об указанном народе (Басими), эти данные вовсе отсутствуют. Нет их и в переводе Иакинфа. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, часть 1, отделение 2, стр. 438—39 (о народе Басими), взятые из Танской истории.

Несомненно, что дальнейшие поиски в китайской литературе, особенно позднейшей, обычно повторяющей все более ранние сведения по любому предмету, обнаружат новые подробности по обеим затронутым здесь темам — о производстве железа и употреблении лыж среди киргизов (Ганьгунь или хягясов), возможно, откроют иные этнографические данные о них, еще неизвестные. В этом заключается несомненная польза от более широкого и углублённого изучения китайских сообщений разных времен, но в особенности древнейших о туземных народах вне границ собственно Китая в первую очередь на западе и севере (в Центральной Азии и Сибири).

6. Задачи дальнейшего изучения истории и этнографии кыргызов по данным китайской литературы.

Наличие отмеченных пробелов и прочих недочётов в прежних русских переводах из китайских источников, даже в переводах такого замечательного знатока китайского языка и испытанного мастера перевода с китайского текста, как Иакинфа Бичурина, побудило пишущего эти строки предпринять 15 лет назад работу по учету имеющейся китайской литературы о народах Севера нашего Союза, в дальнейшем распространенную на другие разделы этой литературы, посвященные туземным народам Амура, Сибири, Монголии и Средней Азии. В 1947 г. расширенная и пополненная таким образом «Библиография китайской литературы о народах Севера, Амура, Сибири, Монголии и Средней Азии», была закончена

в новой редакции и теперь доступна для ознакомления. Вслед за данной «Библиографией» стоит на очереди составление аналогичной библиографии для японской и корейской литератур, в которых также имеются не только заимствованные из китайской литературы, но и самостоятельные сведения, по крайней мере, о некоторых из перечисленных народов. Эта работа также начата пишущим настоящие строки.

Одновременно с работой над «Библиографией» выполнялась работа по проверке старых переводов и составлению новых переводов из китайских источников по двум группам народов Амура и Сибири под заглавием «Китайские известия о народах Амура (выпуск I) и о народах Сибири (выпуск II данного сборника)». Такой сборник фактически закончен и требует лишь окончательной редакции и издания в печатном виде.

Положенное начало обязывает продолжить предпринятую работу по переводу китайской литературы для специального отбора материалов по отдельным народам или меньшим группам народов. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории поручил пишущему эти строки, как первый опыт, подобрать соответствующие сообщения китайской литературы о хакасах и перевести на русский язык под общим заглавием «Китайские историки-летописцы о хакасском народе». Настоящая статья является предварительным результатом обработки части подготовленного материала из китайской литературы о киргизах под китайским именем хягясах или хакасах. Но желательно не ограничиваться этой одной работой или вообще работою одного лица над китайской литературой по указанной и однородным темам, так как материалы китайской литературы об иноземных народах очень велики и требуют для обработки труда многих переводчиков и исследователей.

М. В. МИНОКИН,
кандидат филологических наук.

ТИМОФЕЙ МИХАЙЛОВИЧ БОНДАРЕВ.

Полвека тому назад в с. Иудино, Минусинского уезда, Енисейской губернии умер крестьянин Т. М. Бондарев — писатель-публицист и общественный деятель, оказавший влияние на Г. И. Успенского и Л. Н. Толстого. Благодаря этим писателям, особенно Толстому, имя Бондарева стало известно как в России, так и заграницей. Его главный памфлет «Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца» был издан во Франции и Австро-Венгрии. Запрещенное в России цензурой, сочинение Бондарева распространилось по стране в многочисленных списках. Единственное дореволюционное издание на русском языке (1906 г.) было изъято из продажи, но в 1917 г. быстро разошлось в среде крестьянства. Наконец, в годы советской власти памфлет был опубликован в более полном и неискаженном виде (Красноярск, 1938 г.).

О Бондареве и его взаимоотношениях с Л. Н. Толстым имеется целый ряд статей. Кроме того, осталось богатое мемуарное и эпистолярное наследство, содержащее сведения о Бондареве и его сочинении. До 1917 г. о Бондареве писали, в основном, две группы авторов: 1) Г. И. Успенский и народники; 2) Л. Н. Толстой и толстовцы. Как те, так и другие памфлет Бондарева оценивали неправильно. Успенский использовал его для иллюстрации народнической «теории» Н. К. Михайловского. Толстовцы считали Бондарева предшественником и единомышленником Толстого в его реакционных «теориях»: непротивленство, любовь к ближнему и т. п. Те и другие, кроме Толстого, замалчивали сильную, обличительную сторону памфлета Бондарева.

Ряд работ был написан в наше время, однако ни одна из них не может удовлетворить современного читателя и литературоведа: в большинстве своем они повторяют сведения дореволюционные или ошибочные по своей методологии.

Главным источником сведений о жизни Бондарева является его сочинение «Трудолюбие и тунеядство», написанное в 1890 г., в нём

Хакасская обл... БИБЛИОТЕ...

автор не даёт полной автобиографии, но по многим страницам памфлета разбросано большое количество биографических сведений. В этом смысле чрезвычайно ценным является предисловие к тому экземпляру сочинения, который был отправлен автором Г. И. Успенскому.[1] В нем Бондарев подробно останавливается на времени своей жизни у помещика, т. е. на том периоде, который почти не освещен в литературе. Изучение данного экземпляра, переписанного рукою автора, дало нам возможность восполнить этот пробел. Большую помощь в составлении биографии Бондарева оказали другие сочинения Бондарева и его письма, хранящиеся в Минусинске, Красноярске, Москве, многие из которых еще не опубликованы.[2]

Для создания биографии Бондарева нам пришлось использовать не только печатные источники и архивные материалы, но и свидетельства жителей села Иудина, Хакасской автономной области—бывшего места ссылки писателя. Летом 1947 г. мы беседовали с внуком Бондарева, М. И. Борисовым, с бывшими учениками Бондарева: Д. Г. Федяниным, А. А. Милюхиным и др.

Печатных работ, содержащих те или иные сведения о Бондареве, не так много. Неполные, но вполне достоверные сведения дают в своих воспоминаниях И. П. Белоконский, В. С. Арефьев и К. И. Горощенко, встречавшиеся с Бондаревым в с. Иудино. Из специальных работ о Бондареве, дающих более или менее точные сведения о его жизни, следует назвать большую статью К. С. Шохор-Троцкого «Сютаев и Бондарев»; комментарии к юбилейному Полному собранию сочинений Л. Н. Толстого, составленные К. С. Шохор-Троцким, Н. Н. Гусевым и Н. К. Гудзием; книгу Е. И. Владимирова «Т. М. Бондарев и Л. Н. Толстой»; к ним примыкают соответствующие разделы биографии Толстого, написанные П. И. Бирюковым, Н. Н. Гусевым, Н. С. Ашукиным и др., а также статьи в курсах «Истории русской литературы» и в энциклопедических словарях».[3]

[1] Центральный Государственный литературный архив. Единица хранения 1256/44 (фонд Т. М. Бондарева).

[2] В музее Л. Н. Толстого хранится 15 писем Бондарева к Толстому. Их хронология и аннотация дана в книге «Корреспонденты Л. Н. Толстого», М. 1940, стр. 24—25. (Составил Ф. В. Буслаев, под ред. Н. Н. Гусева).

[3] Горький А. М. «История русской литературы XIX в.», т. V, М. 1910, стр. 381. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых под ред. С. А. Венгерова, 1897 г., т. 5, стр. 332–334. Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1912, т. 7, стр. 495—496. Сибирская советская энциклопедия, 1929, т. 1, стр. 379 и др.

1. Крепостной раб.

Тимофей Михайлович Бондарев родился 3 апреля 1820 г. в имении помещика Чернозубова, Нижнечеркасского округа, области Войска Донского; имение было расположено на берегу речки Быстрой, впадающей в реку Гнилую, приток Донца.

Дата рождения неоднократно указывается в сочинениях самим Бондаревым. Сложнее обстояло дело с выяснением места рождения. Из всех сочинений нам ясно лишь одно, что Бондарев родился на Дону, в имении Чернозубова. В одном из поздних списков «Трудолюбия и тунеядства», отправленного Г. И. Успенскому, Бондарев пишет: «Я до 37 лет был Войска Донского помещика Чернозубова или Янова крестьянином...»[1] В тексте последнего списка автор эту фразу уточняет, делая ее более заостренной социально: «Я был Новочеркасской области помещика Чернозубова крепостной раб». Название села или станицы Бондарев нигде не упоминает, поэтому вызывает недоумение необоснованное утверждение Е. И. Владимирова: «Он (Бондарев) родился... в станице Михайловской, в имении помещика Чернозубова».[2]

Бондарев был «крепостным рабом, на хребте которого помещик ездил и удила в рот закладал». Он не раз подчеркивает, что он именно «крепостной крестьянин», и притом не какой-нибудь лизоблюд, а до изнеможения трудящийся в земледелии работник».

Писатель заявляет, что Петр Чернозубов, владелец его, был не только жесток и груб, но и вообще «никакой заслуги и никакого чина не имевший». Но благодаря насилию над крестьянами и подкупу властей он владел десятью тысячами десятин «самой лучшей, плодородной земли», имел десятин двадцать леса, десятин сорок лугов и много рыбных озер. «А земля, почему, откуда и как сделалась его вечной собственностью? Купил ли ее?.. Имеет ли какие-либо права на нее?» — спрашивает Бондарев. И свой лаконичный ответ: «нет» — он иллюстрирует примером: «С предков своих люди имели фруктовые сады, среди которых и родного моего брата Ивана Бондарева сад в сорок яблоней, он, этот Чернозубов, эти сады их отобрал и в свою вечную собственность присвоил».

Повествуя свою горестную историю, Бондарев не считал, однако, что в таком положении находилась только его семья. Подчеркивая, что его участь была общей участью всего русского крестьянства, он восклицает: «А сколько тогда людей

[1] Как здесь, так и в дальнейшем привожу цитаты из этой рукописи. Исключения оговариваю.

[2] «Бондарев и Толстой», стр. 20.

было в крепостном рабстве? 24 миллиона!». Сообщив о многострадальной жизни своих дедов и собственной у помещика, писатель тут же делится горем: «Бывшие крепостные как страдали! Беда и горе! При одном воспоминании о страданиях холодная дрожь пробегает по всем жилам; да лучше бы тем людям и на свет не родиться... Не могут уста человеческие выразить страдание их...».

Кроме общего отзыва Бондарева о своем положении крепостного, в котором он очутился со дня рождения, в сочинениях он дает множество картин и сцен, характеризующих обстановку его жизни у помещика.

В числе немногих счастливцев ему в детстве удалось обучиться грамоте; первым и единственным учителем Бондарева был сельский дьячок. Надо полагать, сам «учитель» и те церковно-славянские книги, по которым овладевал «премудрость» грамоты крестьянский мальчик, наложили на его миросозерцание отпечаток религиозности, что будет давать знать себя в продолжение всей его последующей жизни.

Но не только «священное писание» было первой книгой Бондарева. Едва научившись читать, он знакомится с произведениями А. С. Пушкина и И. А. Крылова; в дальнейшем, в юности, Бондарев знакомится и с такими запретными произведениями, как стихотворение «Деревня», попадавшими в среду крепостных в рукописном виде. В это же время он впервые узнает об А. Н. Радищеве. Об этом рассказал сам писатель своему современнику и общественному деятелю Минусинского уезда М. И. Осколкову, с которым его связывала тесная дружба. Осколков сообщил эти исключительно ценные сведения в 1933 г. Владимирову, приводящему их в своей книге о Бондареве.

«Об Александре Николаевиче Радищеве,—говорил Бондарев,—я слышал, еще когда был у помещика рабом, а потом приходилось читать «Путешествие» его, будучи солдатом... С Александром Сергеевичем Пушкиным я познакомился давно, еще при жизни его, когда учился у соборного дьячка по складам слова «под титлами» читать. И что бы мы, наш брат крепостной, ни читали, а стихи «Деревня» всегда наизусть знали. — И Тимофей Михайлович прочитал мне наизусть эти стихи...».[1] Из этого заявления Бондарева мы видим, во-первых, что Бондарев уже тогда знал о крестьянском защитнике—Радищеве; во-вторых, что окружавшие Бондарева крепостные, равно как и он сам, читали или слушали вольнолюбивые стихи великого русского поэта уже при его жизни и, в-третьих, что Бондарев знал наизусть стихотворение его «Деревня» до самой старости.

[1] «Бондарев и Толстой», стр. 26.

Крепостному крестьянину, сыну и внуку крепостных рабов, были близки и понятны скорбные пушкинские слова:

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей, избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность и время земледельца.[1]

Нетрудно догадаться, какое впечатление произвели эти стихи на Тимофея Михайловича и какую роль они сыграли в формировании его взглядов, его стихийно назревавшей ненависти к угнетателям-крепостникам.

Под ярмом господина прошло детство и молодость Бондарева. Еще тяжелее стала его жизнь, когда он стал хозяином. В 22 года он уже был главой семьи, которую составляли: старики-родители, пятнадцатилетняя сестра и десятилетний брат, а также жена с ребенком на руках. Надо было взамен сгнившей избенки строить новую, а лесу не было. Бондарев стал возить за шесть верст камень, откапывая его из-под земли. Три дня он работал на помещика, себе в помощь никого нанять не мог, а все-таки построил каменный пятистенный домик, амбар, хлев. Как признается Бондарев, его «семейство крайне нуждалось хлебом», хотя он и «вина в рот не брал и в поле хорошо трудился»: «Я, Бондарев, такой работник, что если косят самый хороший хлеб на крюк (на грабки), где пять разов отрежут косою сноп, тут нужно самых лучших двух работников успеть вязать снопы за одним косарем, а я один вяжу, так что с косы граблями хватаю...» Очень рано Бондарев понял, что «от праведных трудов не наживешь каменных домов», что его помещик Чернозубов— это «пузырь, чужим трудом надутый»...

Несмотря на то, что Бондарев был трудолюбив и трезв, считался послушным сыном и хорошим семьянином, на 38-ом году жизни барин отдает его в солдаты. Вот как об этом вспоминает Бондарев: «Изнуренный я тяжкими работами и сухоядением, старик уже был, трое маленьких детей, а четвертое за поясом, остались с одной матерью при крайней бедности и в его же тигрских когтях». Поводом к этому, как рассказывает сам Бондарев, послужил следующий случай:

«Иду я к обедне, когда должно быть водосвятие, и несу

[1] Пушкин А. С. Полное собр. соч. в шести томах, т. 1, 1930, стр. 310—311.

бутылку с водой в руках, и мне рассудилось, что эта вода не нужна будет, не останавливаясь, вылил эту воду из бутылки на ходу. И это случилось против помещичьих ворот, в отдаленности на 200 саженей. Помещик и увидел из окна, что я воду лил против его ворот, признал меня колдуном-чародеем и в том же году отдал меня в солдаты...» И тут же с возмущением добавляет: «Вот какие варвары были помещики, по данной им неограниченной власти что хотели, то и делали».

Этим и исчерпывается объяснение причин отдачи Бондарева в солдаты. Так он освещается и в существующей литературе. Но так ли это было на самом деле? Разумеется, можно допустить, что барин был невежественным и суеверным человеком, но нельзя считать, что описанный «проступок» и послужил действительно главной причиной солдатчины Бондарева — наказания даже по тем временам слишком жестокого, если учесть, что Бондареву тогда было около сорока лет и он имел четверых-пятерых детей. Да к тому же помещику не было никакого расчета отдавать в солдаты трудолюбивого крестьянина... Причину надо искать в другом. Бондарев мог быть у барина на плохом счету по более важным мотивам.

Не приходится сомневаться в том, что грамотный, умный и начитанный крестьянин, уже в юности познакомившийся с революционными произведениями Пушкина (а это помогло ему уяснить его собственное положение), оказывал определенное влияние на окружающих его угнетенных людей. И в то же время за ним, как человеком, занимавшимся чтением книг, что по тогдашним временам в среде крестьян представляло большую редкость, вполне могла установиться репутация «колдуна-чародея», чернокнижника.

Ясно, что помещик, давно присматривавшийся к Бондареву и искавший случая, чтобы избавиться от него, нашел повод в известном поступке и отправил Бондарева служить «царю и отечеству».

2. Солдатчина.

Если первый период жизни Бондарева прошел на полях помещика, то второй в казарме царской армии и в строю под ружьем. В произведениях самого писателя сведений об этом периоде содержится очень мало, но и они показывают, как тяжело переносил Бондарев свое новое рабство. Особенно же его угнетала разлука с семьей. «И как эта разлука, также и служба, были горше не одной, многих смертей горше!» — восклицает Тимофей Михайлович.

Срок службы для Бондарева, мужчины 37 лет, был определен в 25 лет. По отбытию его, если б он не погиб на войне

или не был забит офицерами, что было вероятнее всего, он возвратился бы домой старым, не способным прокормить не только семью, но даже себя. Правда, ему пришлось послужить царю «верой и правдой» только 10 лет.

Солдатчину он отбывал в 26-ом Кубанском полку на Северном Кавказе, в станице Михайловской. Нам неизвестно, участвовал ли Бондарев в военных операциях, происходивших в то время на Кавказе[1], но по тому, что он был награжден медалью, можно предположить, что Бондарев не только был участником войны, но и отличился в боях. Но также очевидно, что большая часть службы Тимофея Михайловича проходила не в походах и сражениях, а в трудовой деятельности солдата, в казарме, в строю, в муштре. Все это не могло не угнетать такого человека с проснувшимся самосознанием, каким был Бондарев. Большой интерес представляют высказывания писателя об отношении его к службе в царской армии. «Николай I брал людей в солдаты сорока годов—это с какой целью?—спрашивает Бондарев во вступлении к «Трудолюбию и тунеядству».—С тою, что он, начиная с десяти годов, проработает ему, помещику, до 30 годов, да до десятка детей народит и вскормит, потом начнет клониться к старости, и силы у него слабеют, он его тогда в солдаты на 25 годов—ведь это помещику и царю польза!»

Когда крепостной попадал от помещика в солдаты, то он получал вместо одних цепей другие. Унижения, грубости, зуботычины, палки сопровождали весь период его страшной службы. «Без вины, без причины, без милости и без пощады драли (били) на службе солдатов»,—заключает свою мысль Бондарев. Но еще более страшное зрелище являли в армии кантонисты, о которых Тимофей Михайлович пишет: «Солдатских детей, этих кантонистов, брали в солдаты, а отцы и матери их кормились именем христовым».

Так у бывшего крепостного, а ныне «слуги царя» зреет классовая неприязнь к царскому правительству, как до того она уже созрела к дворянам-помещикам. Эти настроения усиливались от знакомства с песнями К. Ф. Рылеева и тайно распространявшейся рукописью «Путешествия из Петербурга в Москву» уже знакомого ему А. Н. Радищева. Нет сомнения, что агитационные песни времен декабристов тогда еще хранились в памяти солат, тем более на Кавказе, куда большинство войск, «зараженных» идеями декабристов, было направлено в действующую армию. Иначе мы никак не можем объяснить фразы, написанной вслед за перечислением всех страданий и мук русского народа: «А куда пойдешь и

[1] Несколькими годами раньше там служил Л. Н. Толстой (до 1854 г.).

кому скажешь? Пойти до бога высоко, пойти до царя далеко»,—которая своим истоком имеет знаменитую рылеевскую песню «Ах, тошно мне», заканчивающуюся словами:

А до бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.[1]

В ярких картинах и характерах таких глав «Путешествия», как «Зайцево», «Вышний Волочок», «Пешки», он увидел себя и крепостных помещика Чернозубова. Его изумило правдивое, неприкрашенное изображение крепостной действительности, где миллионы русских людей «работали до изнеможения», «леса бесплодные и горные дебри претворяли в нивы плодоносные», но, находясь на положении «сельского рабства и рабства домашнего», за это получали в «мясоед пустые щти, а в посты и в постные дни—хлеб с квасом».

Первоначальное брожение мыслей, получивших определенное направление под влиянием пушкинских вольнолюбивых стихов и песен Рылеева, теперь окончательно вылилось в настроение, враждебное всей системе самодержавия. И Бондарев читал слова, полные гнева и пафоса, как будто он сам написал их: «Сокрушите орудия его земледелия; сожгите его риги, овины, житницы, и развейте пепл по нивам, на них же совершалося его мучительство; ознаменуйте его яко общественного татя, дабы всяк, его видя, не только его гнушался, но убегал бы его приближения, дабы не заразиться его примером».[2]

В книге Радищева Бондарев увидел не только свое прошлое, свою жизнь у помещика, но и свое настоящее, горькую солдатчину. В главе «Городня» он читал о рекрутском наборе: «Подошед к одной куче узнал я, что рекрутский набор был причиною рыдания и слез многих толпящихся. Из многих селений казенных и помещичьих сошлися отправляемые на отдачу рекруты.

В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня, вопила:—«Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительской?...»[3]

[1] Рылеев К. Ф. Полное собрание сочинений. *Akademia*, 1934 г. стр. 271.
[2] Радищев А. Н. „Путешествие из Петербурга в Москву", *Akademia*, 1935, стр. 358.
[3] Там же, стр. 370—371.

Как его собственная служба, так и служба его товарищей по казарме, зарождали в сознании Бондарева мысли о несправедливости такого длительного срока военной службы, какой в то время еще существовал в России. Вполне естественно, что у Бондарева, как человека самого грамотного и развитого в солдатской среде, возникает требование сокращения службы и гуманного отношения к солдатам со стороны офицерства. Это требование позднее, в ссылке, писатель изложит в следующих словах своего памфлета: «нужно солдатскую службу сделать короче (как тогда было 25 годов) и не старше 20-летних брать и притом учить добрым словом и не бить и человеческой крови не проливать».

Страстный правдоискатель, Бондарев не раз обращался к офицерам полка за разъяснением о причинах попирания всех естественных и человеческих прав солдата, за что имел немало неприятностей. Однако, как повествует писатель, нашлись два «умных» офицера, давших «чистосердечное» признание: «Писание[1] сделали умные люди только с той целью, чтобы покорить вас, безумных баранов, под ноги свои, вот и покорили; и притом сказали: «Несть власти аще не от бога».

Не приходится сомневаться в том, что поиски истины заставили Бондарева перейти из православия в секту «субботников», исповедывавших иудейское вероисповедание. Все предшествовавшие годы Бондарев оставался человеком религиозным, больше того: из письма М. С. Рогова[2] мы узнаем, что он некоторое время даже отправлял обязанности полкового дьякона. На первый взгляд может показаться странным то, что пожилой русский человек, научившийся читать от сельского дьячка и, вероятно, добровольно изъявивший желание послужить «богу», вдруг отошел от православия. Однако, вникнув в суть дела, мы ничего странного в этом не найдем.

В первой половине XIX века царское правительство высылало из центральных губерний большое количество «раскольников» на окраины Российской империи. Много крестьян, отпавших от православия, было переселено и на Северный Кавказ. Несмотря на жесточайшие преследования правительства, количество «раскольников» во второй половине XIX века увеличивалось. Одной из причин этого являлась все усиливающаяся эксплоатация как со стороны помещиков, так и со стороны капиталистических элементов в деревне. Неудовлетворенное официальной религией, крестьянство кидалось от одной крайности к другой; легко поддавалось проповедям всевозможных сект и меняло свое вероисповедание.

[1] Речь идет о священном писании (библии, Евангелиях).
[2] Архив Л. Н. Толстого.

Объяснение этого факта мы находим в марксистской литературе. В. И. Ленин в 1899 году о сектантстве писал: «Наличность в русском крестьянстве революционных элементов, вероятно, не станет отрицать никто. Известны факты восстаний крестьян и в пореформенное время против помещиков, их управляющих, защищающих их чиновников, известны факты аграрных убийств, бунтов и пр. Известен факт растущего возмущения в крестьянстве (в котором даже убогие отрывки образования начали уже пробуждать чувство человеческого достоинства) против дикого произвола той шайки благородных оборванцев, которую напустили на крестьян под именем земских начальников. Известен факт все учащающих голодовок миллионов народа, которые не могут оставаться безучастными зрителями подобных «продовольственных затруднений». Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма,—а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России. Наличность революционных элементов в кретьянстве не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению».[1] Эти слова В. И. Ленина помогают нам правильно оценивать разрыв Бондарева с официальной религией.

Это брожение среди русского крестьянства второй половины прошлого столетия нашло отражение в творчестве крупнейших писателей: в очерках М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского, Ф. М. Достоевского, в рассказах и статьях Л. Н. Толстого и Н. С. Лескова.

Как мы говорили выше, особенно много сектантов было на Северном Кавказе. Там, должно быть, Бондарев впервые встретился, а затем и сошелся с сектой иудействующих и под её влиянием перешёл в их вероисповедание.

Несомненно, что причиной перехода Бондарева в иудейство была его неудовлетворенность официальной религией, которую проповедывала православная церковь; уж слишком парадоксально звучали слова священнослужителей о «любви к ближнему» и проч. в обстановке страшного закабаления трудящихся. С другой стороны, Бондарев видел людей, крепко державшихся своей веры и противостоящих официальной религии, за что они подвергались гонениям, которые ещё более их укрепляли в их религиозных суевериях.

Надо было очень разувериться в православии, чтобы малограмотному крестьянину, в возрасте более сорока лет, ко-

[1] В. И. Ленин. Соч. III изд., т. II, стр. 520.

торому это ничего доброго не сулило, отважиться на такой решительный шаг. Что такое решение не было простым увлечением Бондарева, говорит тот факт, что он совершил обряд обрезания. Об обстоятельствах перехода Бондарева в секту «субботников» сообщает уже упомянутый выше Моисей Самуилович Рогов в своём письме от 8 ноября 1895 г. Рогов — житель деревни Иудиной, бывший ученик Бондарева, со дня своего рождения принявший иудейское вероисповедание. Он уехал на Северный Кавказ и там, в г. Владикавказе, на мельнице И. И. Худякова, куда Рогов поступил работать, встретил друзей Бондарева—Зувижинова, Алексеева и Лунева. Они-то и рассказали Рогову, что Бондарев служил в станице Михайловской и там в их присутствии совершил обряд обрезания. О своей встрече он написал Тимофею Михайловичу. Позднее это письмо, видимо, от Бондарева попало к Л. Н. Толстому.[1]

Со вступлением в секту «субботников» Бондарев принял другое имя: Давид Абрамович. До конца жизни он носил два имени: православное и иудейское. В своем сочинении «Памятник» Тимофей Михайлович пишет: «Всё это я на этом месте в гробе покоившийся крестьянин Минусинского округа, Бейской волости деревни Иудиной по крещению Тимофей Михайлович, а по обрезанию Давид Абрамович Бондарев на 76 году жизни моей писал своею рукою в 1896 г. октября 25 дня». Даже в официальных документах, наряду с православным именем, указывалось и второе. Так, запись о смерти Бондарева в книге Бейского волостного правления начиналась словами: «Тимофей (Давид) Михайлович (Абрамович) Бондарев»... Некоторые лица, писавшие о Бондареве, иногда путали его имена (например, Горощенко называет его Тимофеем Абрамовичем!).

Разумеется, начальству и священнику полка, в котором служил Бондарев, чрезвычайно не понравился поступок последнего. Это тем более наносило ущерб их престижу, что Бондарев, вне всякого сомнения, пользовался среди солдат большим авторитетом, и его переход в секту мог пагубно отразиться на солдатской массе. Поэтому, вероятно, и решено было наказать виновного. В 1865 г. Бондарев был заключен в Усть-Лабинскую тюрьму, а через 2 года военно-судная комиссия приговорила его к ссылке в «места не столь отдаленные», в Сибирь.

О времени ареста и ссылки мы имеем самые точные данные как в произведениях и письмах самого писателя, так и в официальных документах. В упоминавшейся уже выше кни-

[1] Ныне оно хранится в архиве Л. Н. Толстого.

ге Бейского волостного правления значится, что Бондарев «сослан в 1867 г... из казачьего 26 полка Кубанского войска, по решению военно-судной комиссии. Лишен установленной медали в память минувшей войны и воинского звания».[1] В этой краткой и небрежной записи (в ней допущены ошибки: Бондарев умер якобы в возрасте 69 лет, а сослан в Сибирь 26 лет!), к сожалению, не указана причина ссылки.

Все дореволюционные авторы, писавшие о Бондареве, эту причину ссылки видят исключительно в переходе Бондарева в секту иудействующих. Об этом пишет П. И. Бирюков, К. С. Шохор-Троцкий и И. П. Белоконский, а за ними повторяют остальные. Ту же точку зрения излагают уже после 1917 года снова П. И. Бирюков, Н. С. Ашукин, Н. К. Гудзий и другие. Все названные авторы, зная лишь о переходе Бондарева в иудейство, совершенно упускают из вида одно весьма важное обстоятельство пребывания Бондарева в солдатах— его знакомство с произведениями Радищева, Пушкина, Рылеева, его неприязнь к службе и всему общественному строю. Не приходится сомневаться в том, что Бондарев высказывал свои соображения в солдатской среде и это было известно начальству. Поэтому мы, вопреки утвердившемуся в литературе мнению о том, что Бондарев был сослан за отпадение от православия, склонны считать другую причину, а именно политическую. Эта наша точка зрения может быть подтверждена словами самого писателя из рукописи главного памфлета: «За что я сослан в Сибирь? За воровство или за убийство? Нет. За грабеж или поджог? Нет. За грубость или лихоимство? Нет. За какие-нибудь другие злодеяния? Нет. А за что же? Не обо всем нам теперь распространяться. Но только не без причины, не напрасно...» (Разрядка моя. — М. М.).

Правда, такой ответ выглядит загадочно, но если мы скажем, что эта рукопись первоначально предназначалась для царя, то поймем, что иначе Бондарев и не мог сказать о причине ссылки его в Сибирь. Если бы это был переход в иудейство, то ему не нужно было бы его скрывать.

Таким образом, можно с полным правом утверждать, что причиной ссылки Бондарева является его политическая «неблагонадежность», а не переход его в иудейство, который является лишь поводом.

3. Ссылка.

Сибирской ссылкой начинается третий, последний период жизни Бондарева. Как о причинах, так и некоторых обстоятельствах ссылки в литературе о Бондареве имеется много

[1] Красноярский краевой Гос. архив.

неясных вопросов и, что еще хуже, ряд вопросов просто запутан. Одной из первых напечатанных работ, где упоминается о переселении Бондарева в Сибирь, является статья Г. И. Успенского «Трудами рук своих» (1884). По всей вероятности, Успенский, руководствуясь неправильной информацией, полученной им из Минусинска, откуда ему была переслана рукопись сочинения Бондарева, и мог допустить следующую досадную ошибку: «Рукопись эта написана крестьянином из молокан,[1] добровольно переселившимся в Енисейскую губернию».[2] (Разрядка моя. — М. М.). П. И. Бирюков в своей «Краткой биографии Л. Н. Толстого» (1911) уже в то время, когда обстоятельства ссылки Бондарева были вполне установлены как по воспоминаниям людей, лично знавших Бондарева, так и по первоисточникам, сделал непростительную ошибку. На стр. 152 он говорит: «Сосланный в Сибирь с целой группой крестьян, его сообщников, за распространение секты субботников, Бондарев поселился близ Минусинска, где он с единомышленниками образовал общину» (Разрядка моя.—М. М.). В III томе большой биографии Л. Н. Толстого этот же автор допускает курьез, когда пишет, что Бондарев был сослан в Сибирь «за пропаганду своего учения из области войска Донского в Сибирь, в г. Минусинск, и там вскоре умер после знакомства своего с Л. Н-чем» (Разрядка моя. — М. М.).[3]

Как легко заметить, в обоих источниках неправильно указывается причина ссылки («пропаганда учения»—то же, что «распространение секты субботников»). Кроме того, Бондарев сослан был не из области войска Донского в Минусинск, а после десяти лет солдатчины с Кубани в Минусинский уезд; умер же он через 13 лет после знакомства с Толстым и на месте ссылки не образовал никакой общины. Все эти обильные искажения в двух фразах из различных книг свидетельствуют, между прочим, не только о желании Бирюкова причислить Бондарева к своим «единомышленникам», но и ставят под сомнение вообще ценность фактического материала, собранного и в книгах о великом русском писателе — Толстом.

О действительной причине ссылки Бондарева речь шла выше. Теперь остановимся на обстоятельствах ссылки Бондарева. В 1906 г. в издательстве «Посредник» было опубли-

[1] Вслед за Г. И. Успенским Бондарева молоканином называет и Л. Н. Толстой.

[2] Успенский Г. И. Полное собр. соч., 6-е изд., т. V, СПБ; 1908; стр. 377.

[3] Бирюков П.И. Биография Л. Н. Толстого, т. III, М, Госиздат, 1922, стр. 42.

ковано сочинение Бондарева, это издание не мог не знат Бирюков. На стр. 7—8 сам автор недвусмысленно сообщает: «По прибытии моем в Сибирь в 1867 г. с женой и двум детьми, на нас было по одной рубахе, да и те казенные, а более никаких пожитков не было. В эти же 14 годов я нажил домик со всеми к нему принадлежностями, так что могу равняться с порядочным и вечно здесь живущим крестьянином».

Возможно, по этапу Бондарев и был направлен с группо переселенцев, но у нас, во-первых, нет основания утверждать, что они были его «сообщники», т. е. лица, принадлежавшие к секте иудействующих, во-вторых, достоверно известно, что Бондареву по прибытии в Минусинск, по предписанию уездных властей, было предложено поселиться в д. Иудиной Шушенской[1] волости. Определение места поселения для Бондарева было не случайно: в д. Иудиной жили «раскольники»— молокане и субботники (иудеи). Так что Бондарев попал в сложившуюся среду людей, исповедывавших две веры, в такую обстановку, где уже выделилась зажиточная верхушка крестьянства, и потому он не мог организовать никакой общины и секты. Именно поэтому еще более нелепым представляется нам утверждение А. В. Амфитеатрова: «...секта Бондарева, до сих пор существующая в Минусинском уезде и заполняющая собою богатейшее хлебное село Юдино, открыто иудействует: соблюдает субботу...»[2] Он в своих измышлениях заходит так далеко, что иудинских субботников и молокан даже именует... «бондаревцами»!

Амфитеатров явно исказил факт. Дело в том, что при основании Иудиной (а это было лет за 30—35 до поселения Бондарева в ней), там существовала общинно-уравнительная форма землепользования, которая вскоре распалась. Вот что об этом пишет И. П. Белоконский, один из первых посетивший с. Иудино и собравший подробные сведения о его старожилах: «То обстоятельство, что субботникам и молоканам был воспрещен переход из раз избранного места на другое и что облюбованная ими для деревни местность была окружена землями татар,[3] послужило сначала причиной основания в Юдиной общинного землевладения, а впоследствии повлекло за собой оскудение сектантов».[4]

Для того, чтобы лучше понять новую обстановку, в которой оказался Бондарев, и уяснить его взаимоотношения с местным населением и администрацией, нам придется сделать

[1] Позднее из Шушенской волости была выделена Бейская, куда входила д. Иудина.

[2] Амфитеатров А. В. Собр. соч., т. 22, стр. 28—29.

[3] Хакасов—коренного населения Минусинского края.

[4] Белоконский И. П. Воспоминания, стр. 329.

небольшое отступление, в котором мы покажем, как, когда и где была основана та деревня, где суждено было прожить Бондареву безвыездно 30 с лишним лет. Но прежде мы остановимся еще на одном обстоятельстве поселения Бондарева —на вопросе о его семье.

Выше мы уже видели, что у Бондарева, в момент отправления его в солдаты, было четверо или пятеро детей. Переехала ли семья к нему на Кубань, которая лежит недалеко от Дона, или нет, подлинно неизвестно, хотя такая возможность после 1861 г. представлялась, тем более, что служба его на протяжении всех десяти лет проходила в одном месте. Новое упоминание о семье относится к моменту переселения Бондарева в Сибирь. Вероятно, ему разрешили взять семью, была ли она в станице Михайловской, или все десять лет находилась у помещика Чернозубова. Однако с Бондаревым в Сибирь приехало только двое детей. Вероятно, старшие, ставшие взрослыми, или остались на прежнем месте, или умерли еще в детстве.[1]

Обратимся наконец, к истории с. Иудино, из которого позднее Л. Н. Толстой будет получать страстные памфлеты от мужицкого писателя.

«Возникновение села Иудино, как это видно из дел Шушенского волостного правления, относится к 1838 г., когда в поисках свободных земель для расселения прибыли сюда три ходока—крестьяне Богданов, Аникин и Борисов, — пишет Е. И. Владимиров.—Ходоки эти были представителями помещичьих крестьян, «отпавших от православия», высланных с Северного Кавказа и водворенных на поселение в село Заледеево, Красноярского уезда. Село Заледеево, в 25 верстах от Красноярска, расположенное по обеим сторонам Московского тракта и служившее последним «станком» под городом, привлекло к себе много проезжего начальства и духовенства; да и местное духовенство, волостной старшина, заседатель и пристав беспокоили поселенцев своими придирками и увещеваниями». Это вынудило поселенцев искать для себя наиболее подходящего, отдаленного от начальства и духовенства и проезжего тракта, места, причем, это место должно быть хлебородным, богатым выпасами для скота, близко к лесу, обильному зверем и дичью, а также к реке для сплава и рыбной ловли.

Таким требованиям, по мнению ходоков, отвечал участок, расположенный в плодородной долине речек Сос и Кындыра, впадающих справа в Абакан и текущих с Западных Саян.

[1] В 1949 году в с. Иудине умер внук Т. М. Бондарева, Моисей Иувич Борисов, более 90 лет (сын от дочери Т. М.).

Место, где был намечен поселок, отстояло от уездного города Минусинска на 150 верст, от волостного правления (сел. Бея)—на 35 верст, и находилось вдали от проезжего тракта. Ходоки основали там поселок и назвали его «Богдановым», а когда приехали туда переселенцы из села Заледеева, они, пораженные красотами природы и плодородием долин, назвали свою деревню «Обетованною».

Енисейский губернатор, получив от смотрителя казенных поселений в Минусинском округе, князя Голенищева-Кутузова, донесение о возникновении новой деревни под названием «Обетованная», пришел в ярость, увидел в этом кощунство и поругание православной веры и, поскольку в числе «отпавших от православия» поселенцев были перешедшие в иудейское вероисповедание, распорядился: «впредь именовать деревню ту «Иудиною».[1]

Вот в этой деревне Иудиной (Обетованной), позднее превратившейся в большое село, растянувшееся по обеим сторонам дороги на несколько верст, и провел 30 с лишним лет Тимофей Михайлович Бондарев.

Чем он занимался все эти годы?

Выше мы приводили слова Бондарева о том, что он в первые 14 лет своей жизни поселенца «нажил домик со всеми к нему принадлежностями», т. е. надворными постройками и сельскохозяйственным инвентарем. «А чем нажил? — спрашивает он себя. — Одним только земледелием» (Разрядка моя. — М. М.).

Следовательно, основным источником его существования был крестьянский труд, занятия же его были самые разнообразные. В отношении к труду земледельца-труженика у него резко проявились две характернейшие черты: 1. выполнение сельских работ им расценивалось как исполнение важнейшей обязанности человека; 2. несмотря на то, что он был крестьянин, т. е. мелкий собственник, ему не свойственно было стремление к наживе, к обогащению, наоборот, на эти «слабости человеческого рода» он смотрел с презрением. В труде же он находил не только источник существования, но и глубокое моральное удовлетворение.

«У меня месяц и два денег твоих ни копейки не бывает,— говорит Бондарев в «Трудолюбии и тунеядстве», — а я как поработаю до усталости, сделаю тюрю, наемся слаще и сытнее твоих лакомств, да опять пошел на работу козырем песенки припеваючи».

Однако радость труда на своем поле, какое бы удовлетворение он ни приносил, омрачалась подневольным, зависи

[1] «Бондарев и Толстой», стр. 28.

мым от последнего волостного писаря положением поселенца, который без разрешения не мог даже выехать в соседнее село. Несомненно, это действовало на Бондарева удручающе.

Бывший крепостной и разжалованный солдат, а ныне вечный ссыльно-поселенец, он и на новом месте выступил защитником интересов трудового крестьянства. Вот что сам Бондарев говорит об этом: «Да, здесь, на месте жительства своего, я не молчу, а во все колокола, и от всех сил звоню об этом».

Вся его общественная и литературная деятельность является убедительным доказательством этого.

4. Для «мира».

Все годы жизни Бондарева заполнены кипучей деятельностью. Можно с полным основанием сказать, что он в этот период выше всего и, несомненно, выше своих личных интересов ставил интересы «мира», крестьянства, всего трудового народа. Одной из первых обязанностей, исполнявшихся Тимофеем Михайловичем для «мира», являлась его работа учителем. «Я в этой деревне Иудиной был 30 годов учитель грамоты»,—писал незадолго до смерти Бондарев. Местные власти не заботились об обучении детей «раскольников», не просили от уезда учителя, и иудинцы на сходе решили пригласить на эту должность Бондарева. Этот выбор объясняется не только тем, что Бондарев был наиболее грамотным из немногих грамотеев деревни, но и его быстро возросшим авторитетом среди односельчан.

Этот важный момент в жизни Бондарева почти не освещен в статьях, посвященных ее сибирскому периоду. Даже в книге Владимирова, посетившего село Иудино, и то сказано об этом всего несколько общих фраз. Из писем Бондарева к Толстому и другим лицам, а также со слов старожилов Иудина—бывших учеников Тимофея Михайловича, нам удалось получить более полное представление об этом предмете.

Прежде всего, для Бондарева, равно как и для Толстого, учительство было средством проповеди своих идей. В 1889 г. Тимофей Михайлович в письме к Толстому писал о своих школьных делах: «Я занимаю в своей деревне должность учителя, у меня 60 человек учеников, которые могут свободно читать, с какою жадностью читают ваши книжки...».[1] Кроме детских изданий «Посредника», Лев Николаевич выслал Бондареву и свою «Азбуку», за что Бондарев благодарит его в письме от июля 1897 г.: «Вот столько (развел руками ши-

[1] Архив Л. Н. Толстого.

роко) великая благодарность, Л. Н., за Азбуку, которую ты составил для обучения детей».[1] Таким образом, между Толстым и иудинской школой установилась связь. Разумеется, Бондарев не имел представления о так называемом «свободном» воспитании, обо всей системе воспитания Толстого. О этом свидетельствуют бывшие ученики Бондарева, дожившие до наших дней.

Одним из первых учеников Бондарева, живущих и сейчас в с. Иудине, является его внук М. И. Борисов.[2] К сожалению, этот дряхлый старик почти ничего не мог припомнить о школе. Много интересного сообщил А. А. Милюхин, член колхоза «Красный пахарь», 1880 года рождения, учившийся у Бондарева зиму 1889—1890 гг. «Школьного здания не было, занимались в доме какого-нибудь богатея, сдававшего «горницу» под школу и кормившего вместе с батраками учителя,—рассказал нам Милюхин в 1947 г.—Казна жалованья не давала. Учил Бондарев по псалтири и св. писанию. Вскоре я научился правильно писать буквы и цифры, составлять слова и читать. Многие из детей, как и я, в одну зиму «заканчивали» свое образование. Вместе с русскими учились и дети хакасов из соседних улусов. Учились и девочки. Тимофей Михайлович никогда нас телесно не наказывал, особо провинившихся иногда ставил в угол. Задав нам урок, он часто размышлял вслух. Я был очень мал, поэтому не все понимал, но одно хорошо помню: Тимофей Михайлович говорил, что нет пуще греха, как тунеядство».

Старше А. А. Милюхина из учеников Бондарева еще живы Д. Г. Федянин (род. в 1875 г.), З. М. Петров, Д. В. Иванов. Федянин не только учился у Тимофея Михайловича, но и до самой его смерти наблюдал за его работой учителя, потому что тот учил детей в доме его отца, зажиточного крестьянина Г. П. Федянина (ум. в 1909 г.). О методике и характере преподавания Федянин подтвердил все сказанное Милюхиным. Зато он мог рассказать подробнее о содержании его разговоров. Когда Бондарев сказал, что трудиться должны все, а кто не трудится, тот тунеядец, ученик Федянин спросил: «А зачем работать генералу?» Ответ Федянин также хорошо помнит: «Трудиться должен каждый, кто бы он ни был. Все должны в поте лица своего зарабатывать себе хлеб. Даже генерал может обработать одну десятину: больше от одного человека и не требуется».

Однажды Тимофей Михайлович в класс пришел возбужденный. «Какой предмет самый важный на мельнице?—спро

[1] Архив Л. Н. Толстого.
[2] Как указывалось выше, М. И. Борисов умер в 1949 г. (Редакция).

сил он учеников и, когда те не знали, что ответить, торжественно сказал:—Жернов! Он обращает зерно в муку. Его нельзя ценить ни на серебро, ни на золото. Что же можно сказать о том, кто добывает это зерно? Земледелец, всю жизнь работающий хлебную работу,—тот же жернов, нет ему цены—он бесценный».[1]

Видимо, вольномыслие учителя из «раскольников» стало известно духовным властям: в школу явился поп, с которым Бондарев горячо спорил, однако дело осталось без последствий.

Заканчивая рассказ о педагогической деятельности крестьянского писателя, следует еще добавить, что в 1897 г. у Бондарева был коллега—учитель П. В. Великанов. Он работал в школе вместе с Бондаревым 8 месяцев и после этого уехал в Москву. Как видно, учителя были дружны, ибо Бондарев считал Великанова первым своим другом после Толстого. Об этом свидетельствует и тот факт, что Великанов принимал горячее участие в составлении Бондаревым надгробной надписи.

У Бондарева за 30 лет учительствования перебывали без малого все дети с. Иудиной, в последние годы учились дети его первых учеников. Все они глубоко были благодарны своему учителю и наставнику.

Большая заслуга принадлежит Бондареву в устройстве оросительных каналов на полях иудинцев. Это было вызвано бедствием, которое разразилось над головой поселенцев через несколько лет после основания Иудиной. Дело в том, что никогда раньше не пахавшиеся земли, страдая от засухи, все меньше и меньше давали урожай. Более тридцати лет бедствовали крестьяне от неурожаев. Наблюдая это и испытывая сам губительное стихийное бедствие, Бондарев стал искать выхода из создавшегося положения. В первое свое посещение минусинского музея Бондарев от его основателя Н. М. Мартьянова узнал об оросительных каналах, устраивавшихся древними народами, населявшими долину Енисея. Сохранившиеся следы этих канав и решил использовать Бондарев со своими односельчанами. Результат оказался блестящий: в течение одного лета было орошено почти пятьдесят десятин земли, которые дали обильный урожай в 250—300 пудов с десятины. После этого с каждым годом орошаемая площадь увеличивалась.

Но иудинцев подстерегало другое несчастье. Снимая хороший урожай, крестьяне не имели возможности сбывать

---

[1] Интересно отметить, что жернов фигурирует в ряде произведений Бондарева.

излишки урожая на рынке, так как им запрещалось куда-либо выезжать. Это затруднение использовали кулаки Мясины, которые стали скупать за бесценок хлеб и наживать на этом огромные барыши. На помощь иудинцам снова пришёл Бондарев. Он подал прошение на имя енисейского губернатора, и жители Иудиной получили разрешение отправлять хлеб вниз по Енисею. С тех пор для золотых приисков г. Енисейска стала поступать знаменитая иудинская пшеница.

Однако кулаки, на стороне которых стояла местная власть, вскоре захватили лучшие мочажные земли, и бедняцко-середняцкая часть села снова оказалась в бедственном положении, несмотря на все протесты Бондарева. О взаимоотношениях Бондарева с зажиточными односельчанами ценные сведения в своих воспоминаниях приводит Горощенко;

«Особенно памятен мне вечер, проведенный им в доме местного богача, где мне пришлось переночевать. После колебаний хозяйка дома согласилась с мужем на приглашение Бондарева «чай пить», т. е. в гости, а колебаться было почему: во всем доме была поразительная чистота и умеренная роскошь; столовая, где собралось несколько человек, прямо таки сияла, освещенная большою висячею лампой, пол блестел, как зеркало, скатерть на столе ослепляла своей белизной и вся обстановка комнаты говорила тоном почти аристократическим. И вот приходит сюда Бондарев. Долго он обтирал сапоги от грязи в передней, дверь в которой из столовой была открыта, и лишь после приглашения хозяйки: «Заходи, когда пришёл», окончил приведение сапог в порядок и вошёл в комнату. Здесь он чувствовал себя совершенно свободно, решительно не обращая внимания на окружающую обстановку и, сидя за чаем, который он пил прерывисто, как бы исполняя неприятную обязанность, стал все с большим и большим увлечением отстаивать принцип работы своими руками и попутно громить тунеядцев, к числу которых должны были отнести себя и хозяева дома. С Бондаревым сперва спорили, но потом отступились, тем более, что он под конец очень повышал голос, и слушатели, чувствуя неловкость, предпочли дать Бондареву излить свою душу: они, повидимому, хорошо знали старика и хотя не обижались на него, но, понятно, избегали такого собеседника.

Доставалось от него, как я потом слышал, и всем остальным жителям с. Иудино, благодаря чему он почти не имел там доброжелателей».[1]

Эти заметки Горощенко проливают свет на вопрос взаимоотношений Бондарева и местного населения. В одном толь-

[1] К. Горенко. Тимофей Абрамович Бондарев. Исторический вестник, 1913, № 7, стр. 213—214

ко автор не прав: хозяева, как вообще все кулаки в Иудиной, не только не «обижались», но и ненавидели общественного деятеля и «ходатая всего народа», защитника бедноты, среди которой он как раз и имел своих доброжелателей.

Спрошенные нами старожилы Иудина все в один голос подтвердили, что Тимофей Михайлович своими «проповедями» о всеобщем труде и тунеядстве имущих навлек на себя гнев богачей, последние распускали о нем клеветнические слухи, подкрепляемые придирками духовных и светских властей.

Бондарева сокрушала мысль о разрозненности крестьянства, его отсталости и невежестве. Хотя почин с мелиорацией им был сделан, но не получил всеобщего распространения среди окружающего населения. «Почему же сами собой не делают этого, т. е. не мочат землю?—спрашивал он.—Первое потому, что не знают, а второе затем, что тут нужно общественное согласие, а этого сами собой они устроить не могут». Далее писатель вполне справедливо сравнивает мужиков с крыловскими персонажами—лебедем, раком и щукой. По словам Д. Г. Федянина, Бондарев первым в Иудиной заговорил о плуге, удобрении, применении в сельском хозяйстве технических достижений. Он неустанно повторял, «что можно землю удобрить до того, что одна десятина принесет пользы за 50 десятин нынешних». До конца своих дней Тимофей Михайлович наблюдал, как хлеб жали серпом и молотили «молотилом», а в соседних хакасских улусах колосья зажимали между двумя половинами бревна, а солому сжигали. «Сколько много на свете хитростей,—с горечью писал крестьянский деятель,—на всякое изделие придуманы машины; где бы нужно ста человекам работать, там одна машина чище всяких человеческих рук работает; хлебная же работа, — как крестьяне сами придумали еще с незапамятных времен, так и мучаются». Во всем этом Бондарев обвиняет государственную власть, которая не интересуется ни жизнью, ни трудом земледельца, своего кормильца. А неорганизованное крестьянство, разъедаемое внутренними противоречиями, не в состоянии было что-либо сделать. Кулаки оказывали давление на тех, кто шел против их интересов.

Враждебность зажиточной части иудинцев особенно ярко выявилась в отношении к организации общественной торговли на селе. Это мероприятие также было вызвано потребностями населения, которое втридорога платило торгашам-лавочникам за товары широкого потребления. Инициатива принадлежала опять же Бондареву, который стал ходатайствовать перед енисейским губернатором о разрешении открыть общественную лавку, видя в этом одно из средств улучшения материального положения бедноты. В 1895 г. на имя губернато-

ра он подает прошение, представляющее из себя блестящий политический памфлет.[1] Это своеобразное «прошение» не ограничивается просьбой об открытии лавки, но и содержит резкую критику существующих порядков, перекликаясь с главным произведением Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца».

«С целью избавления людей от нищеты, без всяких корыстных видов, с понесением великих трудов, среди забот и попечениев крестьянских,—говорит автор в памфлете, — 19 годов ходатайствовал я перед правительством о разъяснении и распространении трудолюбия в мире, которое есть главнейший источник всех благ света всего».

Требуя введения общественной торговли, Бондарев одновременно критикует мероприятия правительства, направленные на укрепление своей опоры в деревне—кулачества. Со свойственной ему прямотой и резкостью «проситель» обращается к губернатору, как представителю государственной власти: «Вы сделали государственный банк, чтобы из оного деньги людям давать, а в пользу ли им это? Нет: они сегодня деньги из банка получили, а завтра они (деньги) перешли в кулак к кулаку. И вы этими миллионами обогащаете одних только мироедов, а не людей».

Чувствуя свою правоту, видя за собой не только крестьян-тружеников с. Иудино, но и всей угнетенной России, Бондарев смело заявляет: «это все я говорю не об одной нашей деревне, а о всем мире, о всей России, потому что эти мироеды—они везде есть». Однако губернатор Теляковский предписал минусинскому окружному исправнику объявить Бондареву от его имени, что «его (Бондарева) ходатайство оставлено без последствий».

Узнав об этих хлопотах Бондарева, Н. М. Мартьянов познакомил его с крестьянином села Тесинского, той же волости, Михаилом Ивановичем Осколковым, инициатором первого в Сибири общества потребителей. Встреча двух крестьянских деятелей состоялась в минусинском музее, после чего Осколков навещал своего приятеля в Иудиной. В 1933 г. М. И. Осколков в своей беседе с Владимировым сообщил: «Н. М. Мартьянов рассказывал мне о Т. М. Бондареве и о том, что тот уже несколько лет подряд ходатайствует об открытии общественной торговли в с. Иудиной и все бесполезно». Правда, многолетние хлопоты самого Осколкова в конце концов увенчались успехом: в конце 1898 г. официально было разрешено открытие Тесинского общества потребителей. Но Бондареву не суждено было поздравить своего единомышленника, так как за несколько месяцев до открытия общества он умер.

[1] «Бондарев и Толстой», стр. 61—64.

Бондарев в период своей жизни в Сибири проявил себя как талантливый сельский общественный деятель, имя которого по праву может занять место в славной фаланге прогрессивных деятелей дореволюционной Сибири.

5. Мыслитель и публицист.

Когда Тимофей Михайлович был еще крепостным, а затем солдатом, уже в те времена у него проявились черты мыслителя и проповедника своих идей. В Сибири, куда он попал после длительных мытарств по тюрьмам и этапам, Бондарев не прекращал своих поисков причин неравенства людей в современном ему обществе. Вторая половина XIX в., для которой характерно бурное развитие русского капитализма и, как следствие, дифференциация деревни, давали мыслящему крестьянину богатейший материал для его обобщений и выводов. Ни хозяйственные заботы и семейные хлопоты, ни старость и болезнь, ни учительствование и общественная деятельность не заставили Бондарева отказаться от разрешения волновавших его вопросов. Наоборот, с каждым годом его мысль работала интенсивнее и настойчивее, а выводы становились более зрелыми и решительными.

Но деятельной и активной натуре Бондарева недостаточно было только объяснить явления жизни, ему хотелось их еще изменить в соответствии с его общественными идеалами. Понимая, что одной устной проповедью едва ли что можно достигнуть, он решает изложить свои мысли и впечатления на бумаге. Позднее эти наброски, заметки составили большую рукопись объемом более двухсот листов. Сочинение было им озаглавлено: «Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца», и было направлено против помещиков, капиталистов, чиновников, попов и прочих эксплоататоров русского народа.

Хорошо грамотный крестьянин показал в нем свои незаурядные способности писателя-публициста, трезвый, реалистический ум. Вот как объясняет автор причину, заставившую его взяться за перо: «В 1874 году, в августе месяце, на закате солнца, иду я с уборки хлеба. Первое—от преклонных годов, а второе — от тяжких дневных работ едва ноги передвигаю, а дорога моя состоит из пяти верст. Едет навстречу один мало-мальски знатненький господин на легком тарантасе, облокотился на красные подушки, лицом на мою сторону. Я, не поравнявшись с ним пять шагов, снял шапку и ему поклонился. И что же? Он на мой поклон ни рукою, ни головою никакого признака в ответ не сделал, а только с каким-то омерзением сподлоба взглянул на меня. И этот варварский его поступок против меня, как острый нож, прошел

сквозь сердце мое и убил печалью нестерпимою мою душу. И тут я поговорил кой-что заочно с ним и от него перешел к ко всем ему подобным шарлатанам. Прежде я чувствовал усталость в ногах, а теперь про нее забыл, иду и ног под собой не слышу. Вот это был первый толчок, принудивший меня принять на себя труд этот».

В этих словах потрясающей исповеди весь Бондарев. Ни барщина, ни солдатчина, ни тюрьма и ссылка не убили в нем чувства человеческого достоинства. Его впечатлительная душа невероятно возмутилась таким «варварским поступком представителя власти. Бондарев прекрасно понимал, что этот случай не является исключением, а чиновник—из ряда вон выходящим. Общая черта представителей господствующих классов и их прихлебателей—презрение к трудящимся, унижение их достоинства, угнетение их самых—была подмечена зорким глазом крестьянина уже давно. «Подобных шарлатанов» он много встречал за свою долгую жизнь. Описанный же случай, по выражению Белоконского, явился искрой брошенной в заряженную порохом голову. Этот же случай показывает нам характернейшую черту Бондарева-мыслителя и страстного памфлетиста, переходящего от наблюдений над фактами жизни, отдельными, разрозненными эпизодами к обобщениям, к выводу о непримиримости с положением угнетенного человека.

После этого случая Бондарев уже не знал покоя, он был одержим одной мыслью—поведать всему миру обиды крестьянства, обличить перед всем человечеством тунеядцев-мироедов, разрубить «гордиев узел» противоречий жизни.

По свидетельству Белоконского, «Бондарев не выходил из дома без клочка бумаги и кусочка карандаша для того, чтобы записывать каждую мысль, возникающую в его голове. Боронил ли он, пахал ли, ехал ли в лес или просто шел куда, он вечно думал и, раз приходила какая-либо достойная внимания мысль — Бондарев останавливался и заносил ее на бумажку, чтобы внести в «учение».[1] И далее автор этих воспоминаний делает ценные замечания, помогающие нам уяснить условия работы Бондарева над своим памфлетом. «Трудно было крестьянину понять Бондарева,—говорит он,—крестьянин сначала удивлялся, а потом махнул рукой: «пусть мол, чудит» — и неудивительно: оригиналы, выдающиеся личности нередко порицаются даже интеллигенцией. А. В. Амфитеатрову в Минусинске о Бондареве рассказывали, как о «величайшем энтузиасте земледельческого труда

[1] Белоконский И. П. Воспоминания, стр. 345.
[2] Там же.

как о «человеке необыкновенной энергии и глубочайшей веры в себя». Иудинские богатеи в литературных занятиях Бондарева, как и в общественной его деятельности, усмотрели прежде всего враждебную им деятельность и распространили слух о том, что он «тронулся умом». Ироническое отношение к Тимофею Михайловичу проявлял даже его сын Даниил, не разделявший его взглядов. Вскоре после женитьбы он разбогател и построил дом, позднее даже служил волостным писарем. Отца Даниил совершенно не уважал, считал его пустым человеком. Эта неприязнь еще более возросла, когда Тимофея Михайловича за «прошения» и письма к высокопоставленным особам стали часто вызывать в волостное правление. А к тому же Бондарев в глаза осуждал своего сына, шедшего по пути стяжания, чем еще более раздражал его.[1] На этой почве у них происходили ссоры, они подолгу не разговаривали друг с другом и жили врозь.

К. И. Горощенко вспоминает: «Бондарев жил почти отшельником: он приютился в маленькой избушке вроде бани («зимовьё») на дворе своего довольно большого дома, в котором проживала остальная семья. Бондарев моего появления не ждал, а я, по указанию его сына на избушку, вошёл туда «за всякого просто», без доклада. Бондарев сидел на чём-то низеньком перед столом, сгорбившись над рукописными листами; в его взгляде, перенесённом с рукописи на меня, пришедшего неизвестно откуда и зачем, довольно долго держалась сосредоточенность прерванного мною размышления, пока я не поторопился объяснить цель моего прихода». «Вообразите положение старца, над которым уже закатывалось солнце жизни, заброшенного на край света и кричащего оттуда далёкой толпе через головы непонимающих и чуждающихся его соседей, чтобы выслушали последнее слово его, и в ответ встречающего явное нежелание что-либо слышать. Ведь это настоящие «муки Тантала!»[2]

Такое же впечатление от встречи с Бондаревым вынес и И. П. Белоконский: «Тяжело было смотреть на этого библейского старца (ему тогда было более 70 лет), с воспаленными (большими черными), вечно поднятыми вверх глазами, с руками, поднятыми кверху, когда он говорит; плавно и необыкновенно медленно излагая нам свое учение, он весь погружался в мысли свои, не чувствовал, кажется, присутствовавших и витал в ином мире». «Уезжая, мы от души пожалели эту выдающуюся личность, волею судеб поставленную в

---

[1] В годы советской власти, в период коллективизации, Д. Т. Бондарев был раскулачен и выслан из села.

[2] Ист. вестник, 1913, № 7, стр. 212—213.

такие условия, что он не может быть тем, чем быть бы мог, — а сколько сил таких гибнет, сколько пропадает недюжинных жизней под бременем нужды, тьмы, печали!..»[1]

В конце своих воспоминаний Белоконский замечает, что чрезвычайно «глубоко страдал этот непонятый в своей среде человек». Мы привели большие выдержки из воспоминаний двух очевидцев жизни Бондарева в 80—90-е годы, так как считаем, что для уяснения причин пессимизма писателя они имеют большую ценность, чем все рассуждения многих лиц, писавших о Бондареве. Однако не следует думать, что только окружающая обстановка была причиной тех нот пессимизма, которые иногда встречаются в сочинениях Бондарева. Положение «непонятого» в своей среде было бы еще терпимым, если бы Бондарев видел выход для своего народа, истинные пути освобождения крестьянства. Но этого писатель как раз и не мог правильно понять, что усиливало его разочарование в людях, в их добром начале, неизбежно приводило его к пессимизму социальному.

То обстоятельство, что в непосредственном окружении Бондарева почти не было людей, которые поняли бы его, а, наоборот, находились до фанатизма религиозные «молокане» и «субботники», явилось в основном и причиной его религиозного умонастроения, от которого Бондарев не отрешился до конца жизни.[2]

Некоторые из авторов статей о крестьянском писателе пытались доказать, что Бондарев-де оригинальный, хотя и своеобразный философ; другие утверждали, что он создал некую экономическую «теорию»... Ни философской, ни экономической системы Бондарев не создал, но его требование передачи земли крестьянам, требование обязательно трудиться каждому, его горячая вера в преобразующую силу труда, глубоко знаменательны сами по себе. Эта мысль и является самым ценным во всей «философии» Бондарева, именно она вела писателя к критике эксплоататорских классов, а с ними и всех существующих порядков России. В этом положительная сторона его творчества и деятельности.

Единственным утешением Т. М. Бондарева в его многострадальной жизни были его редкие посещения Минусинского городского музея, где он познакомился с передовой интеллигенцией, а та в свою очередь направляла политических ссыльных на свидание к «иудинскому мудрецу». Приезд в

[1] Белоконский И. П. Воспоминания, стр. 345—346.

[2] См. письмо Бондарева к Д. П. Маковицкому от 6 октября 1898 г. (К. С. Шохор-Троцкий. Сютаев и Бондарев. Толстовский ежегодник за 1913 г., стр. 39—43).

Иудино кого-либо из «временной» интеллигенции, интересовавшейся деятельностью и сочинениями писателя-самородка, был большим праздником среди однообразных будней жизни Бондарева.

Минусинский музей во главе со своим основателем Николаем Михайловичем Мартьяновым в те времена был центром культурной и политической жизни уезда. Его сотрудниками и просто частыми гостями являлась «временная» интеллигенция, т. е. политические ссыльные, и поселенцы. Именно через музей, при посредстве Н. М. Мартьянова, Бондарев познакомился с И. П. Белоконским, Л. Н. Жебуневым, В. С. Лебедевым и др. Все они беседовали с ним, давали советы, снабжали его литературой. Благодаря им о Бондареве узнали Г. И. Успенский и Л. Н. Толстой. Из сохранившейся переписки Бондарева нам известно о том, что Жебунев снабжал литературой даже иудинскую школу. Так, в январе 1886 г. Бондарев писал ему: «Сколько рады, а сколько благодарны Вам были в моем училище те дети, которые могут уже свободно читать».[1]

Из жителей Иудиной близким человеком к Бондареву был Гавриил Петрович Федянин, который понимал и ценил Тимофея Михайловича, но это не мешало им полемизировать. Однако в главном—огромном значении труда для человека—Федянин соглашался с Бондаревым полностью. Кроме Федянина, непродолжительное время в Иудиной проживал упомянутый выше учитель П. В. Великанов; его Бондарев называл своим другом. Из местной минусинской интеллигенции большим приятелем Бондарева был Михаил Прокопьевич Попов, окружной врач. В письме к Толстому Бондарев его рекомендует как «уважаемого человека». Позднее Тимофей Михайлович сошелся с М. И. Осколковым, сельским общественным деятелем.

К сожалению, эти встречи и знакомства были редкими и, естественно, не могли существенно повлиять на ход мыслей писателя из крестьян. В этом смысле больше Бондареву дали книги, их чтение.

Всего лишь один раз посетивший Тимофея Михайловича антрополог К. И. Горощенко без всякого основания в своих воспоминаниях пишет, что Бондарев «никогда ничего, кроме библии, не читал»... Как раз, наоборот, многие из знавших лично Бондарева говорят о том, что он в сибирский период своей жизни много читал. «Бондарев читал все, что попадалось под руки,—свидетельствует Белоконский,—читал внимательно, с наслаждением, запоминая все выдающееся. Из «уче-

[1] Архив Л. Н. Толстого.

ния»[1] и разговоров с ним мы могли узнать, что кроме св. сания..., он читал: Крылова, Пушкина и Мильтона...».[2]

В Минусинске он прочитал полную рукопись «Путешес вия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, о котором впе вые услышал еще юношей и отрывки из сочинения которо читал еще солдатом. После Радищева, Рылеева и Пушки: Бондареву по душе были особенно басни И. А. Крылова; М. Осколков вспоминал: «Крылов,—говорил Тимофей Михайл вич,—это такой писатель, который много не говорит, а многом скажет. Его словами не сам он говорил, а горе наше м жицкое изливалось, находчивость наша народная через е басни на свет появлялась».[3] Кроме того, он читал Н. А. Н красова, Л. Н. Толстого, Г. И. Успенского, Н. Н. Златовра ского и др. русских писателей, своих современников. Из ин странной литературы Бондарев был знаком с произведения Вольтера и Мильтона. Одаренный памфлетист, он не прос читал, а все почерпнутое из книг творчески преломлял в св их сочинениях. Не случайно в «Трудолюбии и тунеядстве» н поражает изобилие примеров из литературы, начиная с дре ней и кончая современной, сведений из истории и различн областей знаний.

Произведения Радищева, Рылеева, Пушкина, Крылова п могали Бондареву уяснить свое отношение к крепостно праву, помещикам, солдатчине, самодержавию, закаляли е ненависть к ним. На произведениях Вольтера и Мильтона учился обличительному, сатирическому изображению действ тельности. Рассказы и очерки Толстого, Успенского, Злато ратского служили дополнительным материалом к собственны его наблюдениям над современностью. Церковно-славянск литература обогатила творчество Бондарева легенда библейскими образами, притчами, афоризмами и т. п.

Над первым вариантом своего главного сочинения Ти фей Михайлович работал с 1874 г. по 1883 г., т. е. пример в течение десяти лет.

Это не может вызывать сомнений, так как сам автор у зывает, что он начал работу над сочинением в августе 18 года.[4] Первое же упоминание о «Трудолюбии и тунеядств содержится в воспоминаниях Белоконского. «В Минусинск музей,—сообщает он,—кажется, в 1883 году прислана бы не то посылка, не то бандероль, озаглавленная: «В Минус

[1] Так автор именует памфлет Бондарева.

[2] Белоконский И. П. Воспоминания, стр. 348.

[3] «Бондарев и Толстой», стр. 27.

[4] В сочинении «Памятник» (1896) Бондарев говорит о том, чт 22 года ходатайствует перед правительством (т. е. с 1874 года).

кую городскую музею, в дом Белова, где собраны со всего света редкости».[1]

Интеллигенция города, центром общественной деятельности которой был музей, заинтересовалась трудом крестьянина-поселенца из Бейской волости. «Нужно ли говорить, — продолжает Белоконский,—что многие из нас пожелали познакомиться с автором сочинения, а в числе этих многих был и я»[2]

В 1884 г. Белоконский уже посетил Иудину. Следовательно, к этому году сочинение Бондарева уже было закончено. Но еще раньше поездки Белоконского Бондарев приехал в Минусинск сам и явился в музей. Он, прежде всего, обратился к Н. М. Мартьянову с просьбой показать ему «со всего света редкости» и библиотеку. Тот показал ему экспонаты музея и книги в библиотеке, стараясь охарактеризовать основные отделы. Бондарев внимательно слушал и записывал названия интересовавших его книг, а потом сказал: «Да, много люди написали... Сколько не держите вы книг на полках, во всех вместе нет и сотой доли того, что у меня в течение одного дня проходит вот здесь».

И он торжественно коснулся перстом чела своего».[3]

Так пишет А. В. Амфитеатров, услышавший об этом от самого Н. М. Мартьянова. Целью приезда Бондарева в Минусинск была отправка рукописи памфлета царю. Мартьянов отговаривал его от этого шага, но Бондарев все же понес ее на почту. «Отправление этой рукописи,—сообщает Амфитеатров,—сделало эпоху на патриархальной минусинской почте. Бондарев принес претолстый пакет с простым адресом: С. Петербург, царю». Почта пришла в ужас и изгнала Бондарева, «яко злодея, нечестно пхающе». Упрямый мужик исходил все минусинские присутственные места и добился-таки способа послать рукопись императору».

«Очень может быть, что его обманули, и рукопись не была послана, хотя какую-то расписку в отправлении Бондарев хранил до конца жизни своей, как обличительную святыню. Во всяком случае, рукопись канула, как в воду»[4].

В архиве Минусинского музея нам удалось найти письмо Бондарева к Н. М. Мартьянову; оно не имеет даты, но из приписки на конверте («При этом один рубль денег, два письма Толстому и на высочайшее имя прошение») видно, что оно написано не ранее 1885 г., т. е. после того, как Бондарев познакомился с Л. Н. Толстым. Следовательно, упоминаемое прошение «на высочайшее имя» было отправлено после пам-

[1] Белоконский И. П. Воспоминания, стр. 328.
[2] Там же.
[3] Амфитеатров А. В. Собр. соч., т. 22, стр. 29.
[4] Там же, стр. 30.

флета, о котором говорит А. В. Амфитеатров. В рукописном сочинении «Польза труда и вред праздности» (1896 г.), также хранящемся в Минусинском музее, Бондарев пишет: «Подавал два прошения на высочайшее имя, на одно из них получил отказ такой: «По неосновательности сего ходатайства соизволения не последовало»,—а другое бесследно исчезло. Вероятно, первым прошением и было то, которое автор отправил с памфлетом; стало быть, рукопись не «канула в воду», а дошла по назначению. Иное дело, что полученный ответ ни в коем случае Бондарева не мог удовлетворить».[1]

Вскоре после отправки рукописи царю Тимофей Михайлович один экземпляр памфлета посылает министру внутренних дел, а второй енисейскому губернатору. Для вручения последнему Бондарев передал рукопись земскому заседателю Бейской волости Семенову. Прошло несколько лет, а ответа из Красноярска не приходило. На самом же деле губернатор сочинения Бондарева не получил, а узнал о нем лишь в 1893 г. из «Добавления» к «Трудолюбию и тунеядству». «Добавление» губернатору было вручено. Автор отправил его по инстанции через минусинского окружного исправника. В препроводительном листке, помеченном 26 марта 1893 г., Бондарев пишет: «Вот теперь вы, г. исправник, прочитали мое Бондарева, сочинение, через которое, как в зеркало, увидели самое дно сердца моего, насколько много делаю я всему миру всего на свете лучшего и при этом настолько пламенно желаю, что даже не щадю благополучия жизни своей.

Птичка одним коготком попадает в силок и там навеки погибает. Это и со мной может случиться, 99 полезных моих сказаний пройдут молчанием, а на одном слове, которое не замечено мной, прокралось вредное под видом полезного, на нем остановятся и к нему привяжутся, где я должен, подобно помянутой птичке, погибнуть. Все это я воображаю и перед своими очами представляю, но ревность к истине этот страх во мне уничтожает.

Тимофей Бондарев».[2]

Александрович, минусинский окружной исправник, считая, что памфлет Бондарева действительно находится в руках губернатора, направил секретно последнему и бондаревское

[1] Об ответе «командующего императорскою главной квартирой, по канцелярии для принятия прошений, на высочайшее имя приносимых» Бондарев пишет и в письме к Толстому в 1888 г. (Архив Л. Н. Толстого).

[2] Этот документ и последующие, упоминаемые в разделе, хранятся в Красноярском краевом Гос. архиве. Опубликованы в сборнике «Бондарев и Толстой».

«Добавление». Донесение исправника за № 37 от 3 апреля 1893 г., отправленное вместе с рукописью, является одним из первых и характерных отзывов официальных лиц о деятельности Бондарева и его сочинении. В «Добавлении» исправник в первую очередь усмотрел «много оскорбительных и поносительных выражений для правительства». Обращая внимание на связь Бондарева с «крамольным» графом Толстым, якобы внушившим мужику его обличительное сочинение, Александрович надеялся получить от губернатора определенные указания о применении более радикальных мер к автору столь «поносительного» писания.

Губернатор же Теляковский, получив «Добавление», в котором простой мужик обличает в его лице царское правительство, заинтересовался и его главным сочинением, которое должно было быть передано ему и которое он почему-то не получил. Земский заседатель Семенов, успев провиниться, находился в это время в Красноярском тюремном замке. И губернатор смотрителю замка в секретном порядке предписывает: «Лично истребовать и представить мне отзыв г. Семенова о том, когда и какую рукопись он имел от Бондарева и почему не представил таковую мне». Несомненно, губернатор придавал большое значение произведению, автор которого осмелился через него дерзко говорить с правительством, притом не просто говорить, почтительно просить у «его превосходительства», а требовать и обличать.

Ответ смотрителя замка не заставил себя долго ждать. К рапорту был приложен отзыв «отставного титулярного советника» Семенова. Оказалось все просто: Бондарев просил Семенова вручить в руки губернатора рукопись «Трудолюбия и тунеядства», когда тот отдыхал на курорте озера Шира. Но Семенову передать рукопись почему-то не удалось или он не хотел этого сделать, и она затерялась. В то же время Семенов старается уверить «его превосходительство», что сочинение Бондарева—«чушь» и «не заслуживает внимания».

Так губернатору и не удалось познакомиться с «поносительным» произведением ссыльного крестьянина Бондарева, которому Толстой посылает письма и статьи. Дело осталось без последствий. Но, как сообщалось выше, на этом взаимоотношения Бондарева с уездной и губернской администрацией не оборвались. В 1895 г. он опять же через окружного исправника посылает на имя губернатора прошение о разрешении общественной торговли в д. Иудиной и «повсеместно по Енисейской губернии». Исправник, прочитав этот острый политический памфлет, пришел в ужас и не решился пересылать его губернатору. Но Бондарев, зная по опыту, что его прошение может быть не отправлено адресату, теперь пишет губернатору через голову исправника, причем указывает, что пер-

вое прошение его послано по инстанции. Губернатор распорядился срочно представить прошение Бондарева и исправник направил его со своим донесением. Вероятно, с целью оправдать задержку представления прошения этот верный холоп сообщает, что Бондарев «уже несколько лет занимается исключительно составлением проектов и статей преимущественно обличительного характера». Ярким доказательством того и было прилагаемое «Прошение», после ознакомления с которым губернатор вспомнил и о «Добавлении», присланном два года назад, и о недоставленном ему «Трудолюбии и тунеядстве». Всю переписку о Бондареве, «Добавление» и последнее «прошение» он направил в губернское жандармское управление, поручив ему заняться личностью и деятельностью Бондарева.

Жандармы «потрудились» и представили губернатору подробное донесение: «Конфиденциально. Его превосходительству господину енисейскому губернатору. На отношение вашего превосходительства от 18 ноября 1895 г. за № 1.680 имею честь уведомить, что по тщательно собранным помощником моим в Минусинском и Ачинском округах, негласным путем, сведениям о крестьянине Тимофее Бондареве оказывается нижеследующее: означенный Бондарев уже старик под 70 лет, человек начитанный, много пишет обличительных статей и сочинений по поводу «Трудолюбия и тунеядства»; некоторые из своих сочинений, как плохо грамотный, посылает на исправление к известному писателю графу Льву Толстому, которому он, очевидно, хорошо известен и с которым состоит в переписке. По слухам, какое-то из сочинений Бондарева было исправлено графом Львом Толстым, но неприятием этой статьи русскими журналами таковая графом Толстым была направлена в Париж и там напечатана в одном из французских журналов.[1]

Обо всем этом, как говорят, граф Толстой сообщил Бондареву.

Среди своих односельчан Бондарев проповедует против кулачества и легкой наживы. Односельчане Бондарева считают «тронувшимся умом», хотя, повидимому, он рассуждает здраво.

При сем имею честь возвратить вашему превосходительству дело енисейского общего губернского управления за № 423 Полковник Женбах».

Таким образом, последние годы Бондарев находился под «негласным» надзором. Считая его опасным деятелем и сочинителем, им занимается не только окружной исправник, но

[1] Памфлет Бондарева был напечатан не в журнале, а отдельной книгой в издательстве Эрнеста Фламмариона в 1890 г.

даже губернатор и начальник губернского жандармского управления. Вполне понятно, что губернатор Бондареву на его ходатайство по вопросу открытия общественной торговли, боясь «вредного» влияния со стороны его на крестьянскую массу, отказал. Это сейчас тем более становится очевидным, что спустя некоторое время официально было разрешено открыть Тесинское потребительское общество в том же Минусинском уезде, инициатором которого был друг Бондарева — М. И. Осколков.

Бондарев, разумеется, не мог знать всех этих документов, но он не мог не понять, что все его попытки путём хлопот перед губернатором, правительством и царём потерпели крах. В сочинении «Спасение от тяжкой нищеты», написанном в последние годы жизни, он говорит: «Вот уже 20 годов ходатайствую об этом перед главным правительством—и что же? Как в мёртвые руки подаю, как в слепые очи показываю, и как в глухие уши говорю—ответа нету».

В то время, как представители власти, начиная от исправника и кончая министром внутренних дел, делали всё возможное для того, чтобы памфлет Бондарева не увидел света, — два крупнейших писателя второй половины XIX века прилагали все усилия к его обнародованию. Это были Г. И. Успенский и Л. Н. Толстой.

Успенскому сначала попала сокращенная рукопись «Трудолюбия и тунеядства», та самая, которая была получена Минусинским музеем. В статье «Трудами рук своих»[1], напечатанной в журнале «Русская мысль» за 1884 г., № 11, Успенский замечает: «В заголовке её (т. е. рукописи.—М. М.) значится, что автор адресует её «В М-скую[2] (т. е. Минусинскую. —М. М.) городскую музею, в дом Белова, где собраны со всего света редкости».

Позднее, в 1889 г., Тимофей Михайлович через «социалиста» Бубновского, возвращавшегося из ссылки в Петербург, переслал Г. И. Успенскому более полный вариант рукописи «Трудолюбия и тунеядства».[3] Как в приписках в рукописи, так и в своих письмах к Г. И. Успенскому[4], Бондарев преисполнен уважения к русскому писателю, защитнику угнетенного крестьянства.

---

[1] Из цикла очерков «Скучающая публика».

[2] Очевидно, из цензурных соображений Успенский не упоминает полного названия города, как не называет совсем и имени автора «Трудолюбия и тунеядства».

[3] Центральный литературный архив. Единица хранения 1256/44 фонд Т. М. Бондарева).

[4] Эти письма хранятся: в Центральном литархиве (одно) и в Красноярском Государственном краевом архиве (одно).

Писем Успенского к Бондареву не сохранилось, да, вер ятно, их и не было. Первая рукопись, как было сказано, был получена Успенским не от самого Бондарева, к тому же нём даже не сообщили точных сведений. Полная же рукопис получена Успенским в 1889 г., когда у него началась пси хическая болезнь. В письме к Толстому от 10 мая 1891 Бондарев жалуется на то, что от Успенского долго нет отв та. Видимо, Бондарев не знал о болезни писателя, приведше последнего в следующем году в психиатрическую лечебниц

Так что, кроме одной статьи о сочинении Бондарева, наследии Успенского мы ничего не имеем. Зато эта стат свела Бондарева с «великим писателем земли русской» Л. Н. Толстой, действительно, впервые узнал о Бондареве и статьи Успенского в «Русской мысли». Заинтересовавшись со чинением и личностью автора, он через этот журнал хлоп чет о доставке ему полной рукописи. Сотрудник Минусинско го музея, сосланный народоволец В. С. Лебедев выслал То стому сочинение Бондарева.[1] Но это был не оригинал, а сок ращенный экземпляр, написанный самим Лебедевым или ке нибудь из «временной» минусинской интеллигенции. По проч тении сочинения Толстой написал В. С. Лебедеву письмо, по лученное им 6 августа 1885 года.

«Василий Степанович!

Вчера я получил через редакцию «Русской мысли» руко писи Бондарева, присланные Вами. Моё мнение, что вся ру ская мысль (конечно, не журнал), с тех пор, как она выра жается, не произвела со своими университетами, академиями книгами и журналами ничего подобного по значительност силе и ясности тому, что высказали два мужика—Сютаев Бондарев. Это не шутка и не интересное проявление мужиц кой литературы, а это событие в жизни не только русского народа, но и всего человечества. Вчера я прочёл эту рукопис в семейном кругу, и все встали после чтения молча и присты женные разошлись. Всё это как будто знакомо, но никогда не было так просто и ясно выражено, без того лишнего, что невольно входит в наши интеллигентные рассуждения.

Очень, очень Вам благодарен за сообщение мне этой р кописи: она произвела на меня большое впечатление и буде иметь на мои работы большое влияние. Пожалуйста, сообщи те мне ещё подробности о Бондареве: 1) его звание, семейно положение, его религиозные убеждения (как бы хорошо был

[1] Немного раньше Л. Н. Жебунев отправил Толстому «большую» ру копись, но Толстой получил ее только в марте 1886 г. (см. его письмо Бондареву, том 63, стр. 337).

если бы они ограничивались первородными законами и законами только нравственными, связанными с ними); 2) его образ жизни. Я хочу написать ему, но если не напишу, то скажите ему, что есть человек—я—совершенно, без всяких оговорок согласный с его учением и желающий посвятить остаток своей жизни на то, чтобы убедить в ней людей и словами и делом. Я не получил от редакции «Русской мысли» большой рукописи, а очень бы желал иметь её.

Вы, должно быть, тот Лебедев-медик, которого два года тому назад выслали из Москвы; если Вы тот, то я немного знаю про Вас. Во всяком случае дружески жму Вашу руку и от всей души благодарю Вас за то, что Вы вспомнили обо мне и сообщили мне рукопись.

Адрес мой: Тула.

Л. Толстой».[1]

Итак, на великого писателя сочинение Бондарева произвело огромное впечатление. К этому времени Толстой уже перешёл на позиции патриархального крестьянства, и голос Бондарева был для него голосом всего трудового народа. О сильном и неотразимом впечатлении от бондаревского памфлета Толстой писал и другим лицам, примерно, в те же дни. Так, в письме к В. Г. Черткову от 13—14 июля 1885 г. он сообщает: «Вчера получил письмо с рукописью того сибирского мо локанина, про (которого), помните, пишет Успенский, о первородном законе «в поте лица снести хлеб». Удивительно верно и сильно»[2] (разрядка моя.—М. М.).

Насколько это впечатление было длительным, свидетельствует тот факт, что на протяжении 1885—88 гг. Толстым было написано 18 писем к Бондареву и другим лицам о нём и его памфлете (большинство их опубликовано в томе 63). Почти в каждом из них он заявляет, что рукопись Бондарева «будет иметь на его работы большое влияние». Из письма к В. С. Лебедеву мы видим, что Лев Николаевич заинтересовался и личностью Бондарева. И он написал через несколько

[1] Текст этого письма опубликован в сборнике «Т. М. Бондарев и Л. Н. Толстой» (стр. 37—38) с копии, снятой А. В. Прибылевым (Корба) в 1911 г. и ныне хранящейся в Красноярском Государственном краевом архиве. В 63 томе Сочинений Толстого, где напечатаны письма к разным лицам за 1880—86 гг., в том числе к Бондареву за 1885—86 гг., оно отсутствует совсем и о нем даже не упоминается в приложенном в конце тома «Списке писем Л. Н. Толстого за 1880—1886 гг., текст которых не дошел до редакции». Более того, из сохранившейся в Мишусинском музее переписки явствует, что все письма Толстого, находившиеся в музее до 1928 г., отправлены в редакторский комитет юбилейного издания Сочинений Толстого. Однако, в 1946 г., разбирая архивные материалы, я обнаружил в бумагах о Бондареве оригинал письма Толстого к В. С. Лебедеву от 1885 г.

[2] Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений, том 85, стр. 241.

дней Тимофею Михайловичу письмо.[1] Это письмо от великого русского писателя, одобрившего его труд, было большим событием в жизни Бондарева. Он тотчас написал Толстому ответ, и с тех пор до смерти Бондарева у них не прерывалась переписка.[2]

6. Памятник.

Заканчивая страстный памфлет «Трудолюбие и тунеядство», Бондарев писал: «И похоронить меня прикажу я сыну своему не на кладбище, а на той земле, где руки мои хлеб работали, и, четверти на две не досыпавши песком или глиною, досыпь её плодородною землею, а оставшуюся землю свези домой так чисто, чтобы и знаку не было, где гроб покоится, и таким же порядком продолжай на ней всякий год хлеб сеять. А со временем перейдёт эта земля в другие руки и также будут люди на моём гробе сеять хлеб до скончания века...».[3] Желая подчеркнуть разницу между ним и тунеядцами не только в образе жизни, но и в обряде погребения, писатель даёт характерное «примечание»: «Этот мой памятник будет дороже ваших миллионных памятников, и о такой от века неслыханной новости будут люди пересказывать роду родам до скончания века...».[4]

Следовательно, Бондарев не ищет внешнего проявления внимания к своей особе, наоборот, он хочет раствориться в своем деле, находя большое удовлетворение в мысли об огромной пользе осуществления его идеалов. Но эти слова Бондарев писал в начале 80-х годов, когда он, полный вдохновения, заканчивал свой труд и был уверен, что этот труд сделает переворот в жизни. Ясно, что при условии осуществления его идеалов ему не нужно было бы никаких памятников, надмогильных сооружений. Однако, к концу жизни Бондарев понял, что власти не только не собираются преобразовать мир, но даже не позволяют напечатать его сочинение.[5] Поэтому в целях пропаганды своего «учения», в целях

[1] Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений, том 84, стр. 276—277.

[2] Письма Бондарева к Толстому хранятся в архиве Л. Н. Толстого, все письма Толстого к Бондареву напечатаны в сборнике «Бондарев и Толстой» (1938).

[3] Завещание Толстого о погребении сделано под несомненным влиянием Бондарева.

[4] Этих слов в сохранившейся рукописи нет. В том варианте, который получил Толстой в 1886 г., они имелись (см. «Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца», изд. «Посредника», 1906 г., стр. 64).

[5] Бондарев, конечно, не знал, что в это время русский пролетариат уже имел «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», организатор и руководитель которого В. И. Ленин отбывал ссылку в соседней Шушенской волости того же Минусинского уезда.

распространения своих мыслей, даже после своей смерти, он и принимает решение, противоположное первому.

По Минусинскому краю много разбросано древних курганов, над которыми возвышаются камни, иногда с изображениями и письменами, сделанными легендарными народами. Много их и вокруг Иудиной. Бондарев, повидимому, и пришел к мысли поставить над могилой такие же камни, а на них высечь свои заветные слова—завещание для потомства. Последние годы жизни Тимофей Михайлович занимался почти исключительно приготовлением этой будущей могилы и памятника над ней. Собственными руками он выкопал яму, посадил вокруг нее несколько тополей, сделал оградку. Особенно больших трудов стоило высечь надпись[1], занимавшую 5 рукописных страниц. Эта надпись, значительно сокращенная, являющаяся оригинальным сочинением, была им размещена на двух песчаных плитняках. Вот начало этой своеобразной эпитафии, высеченной на камне, поставленном у изголовья:

«На этом месте покоится прах Давида Бондарева. Все это я, Бондарев, написал при жизни моей своею рукою... Родился я, Бондарев, в 1820 году апреля 3 дня, а окончил многострадальную жизнь свою в..... Все это я пишу не современным мне жителям, а тем будущим родам, которые после смерти моей через 200 лет родятся. О, какими страшными злодеяниями и варварствами переполнен белый свет! И по всей России всю плодородную при водах землю, луга, леса, рыбные реки и озера, все это цари от людей отобрали и помещикам да миллионерам и разным богачам отдали на вечное время. А людей подарили в жертву голодной и холодной смерти».[2]

На второй плите, стоявшей направо от могилы, содержалась остальная часть надписи, к которой автор просил вдуматься в его слова: «Прошу и умоляю читателей и слушателей: соберите вы рассеянные мысли по светским суетам и посоветуйтесь с ними, как затвердить на память и положить на самое дно сердца вашего следующее мое к вам слово и

[1] В архиве Минусинского музея хранится копия надписи, снятая в 1899 г. Евг. Яковлевым (см. «Материалы о Бондареве»). В примечании к ней Яковлев пишет: «Надпись снята мною летом 1899, спустя почти год после смерти старца; очень скоро надпись совершенно изгладится. Настоящая копия с текста памятника снята по моей рукописи С. А. Кубницкой, удержана орфография подлинника. 1901. VIII. 25».

[2] Н. Н. Гусев свидетельствует, что после этих слов Бондарев высек слова: «А виной всему царь», но боясь, чтобы за это власти не снесли памятника, он соскоблил фразу (см. предисловие к книге «Бондарев и Толстой»).

при этом вообразите, что звук этих слов исходит не от читателя, а от меня, на этом месте покоившегося Бондарева...» И вот как оценивает Бондарев свою многолетнюю, полную трудов деятельность: «Я... разыскиваю возможность, чем и как избавиться им (т. е. трудящимся.—М. М.) от тяжкой нищеты, а это дело немаловажное, его не вдруг и не сразу, и не всякий и не каждый сделает!»

Это средство избавиться от «тяжкой нищеты», по мнению писателя, он и открыл, изложив его в своем сочинении: «Услыхав все сказанное мною в полном моем сочинении о «Трудолюбии и тунеядстве», которое писано на 200 листах, тогда он, этот в нищете погрязший человек, не удвоит и не утроит, а удесятерит охоту к трудам с целью достижения вечных благ, потому что эти люди—все эти труды будут казаться ему легкими, усталости этот человек чувствовать не будет, и сон убежит от глаз его, и заживет на свете приневаючи и, признается всем миром и правительством честным и благородным человеком, вместо того, как ныне признается,—высшей степени негодяй».

Надпись заканчивается словами о больших трудах «ходатая о блаженстве всего мира без различия звания, веры и происхождения»: «Вот как я 22 года ходатайствовал перед правительством о благополучии всего мира, среди забот и попечениев житейских тихим почерком 3.500 листов исписал бескорыстной цели, ради благополучия всего мира. Прощайте, читатель, я к вам не приду, а вы ко мне прийдете».

Тут же у могилы Бондарев поставил сколоченный им самим столик, в который он положил переписанную набело рукопись.[1]

3 ноября 1898 г. родственники и близкие исполнили последнее желание Тимофея Михайловича. Так на 78-м году жизни сошел в могилу оригинальный мыслитель, одаренный крестьянский писатель-публицист и замечательный общественный деятель. Большинство односельчан не могло понять его благородных мыслей, с недоверием относилось к его деятельности. Наоборот, местные, уездные, губернские власти, понимая, какую опасность представляет распространение идей Бондарева среди крестьянства, чинили ему всевозможные препятствия. Но и через голову темных крестьян и властей вести о Бондареве распространились по всей России и даже за ее пределами.

---

[1] Это был последний вариант памфлета, самый острый и художественно совершенный. Он попал в руки красноярского библиофила Юдина и сохранился до советской власти. Красноярский краевой Государственный архив. Юдинская коллекция. Отрывки из него напечатаны в сборнике «Бондарев и Толстой».

Л. Н. Толстой получил письмо от сына Бондарева с извещением о смерти его друга: «Многоуважаемый Лев Николаевич! Родитель мой Тимофей Михайлович Бондарев посланное вами письмо от 11 сентября сего года получил 27 сентября, но после того писал вам или нет, я не знаю; но в настоящее время его в живых нет, он после трехдневной болезни умер 3 ноября. Перед кончиною приказал первым долгом уведомить вас и пожелать вам пожить для пользы человечества. Остаюсь с искренним почтением к вам Даниил Бондарев. Прошу сообщить от себя о смерти знающих покойного».[1]

Из этого письма видно, что и в последние минуты своей жизни Бондарев думал только о счастьи народа, завещал своему гениальному другу «пожить для пользы человечества». В свою очередь, Толстой высоко оценил его деятельность, в своем письме к сыну Бондарева от 30 декабря 1898 г. он писал: «Очень благодарю, вас, Даниил Тимофеевич, за сообщение очень для меня печальное о смерти родителя вашего, человека очень замечательного и оставившего после себя значительное сочинение. Вы бы очень обязали меня, сообщив мне о нем и о последнем времени и часах его жизни как можно больше подробностей.

Кроме того, что я высоко ценил его, как писателя, я любил его, как человека. И потому рад буду всем самым мелким подробностям о нем.

Исполнили ли вы его желание похоронить его в поле?[2]

С совершенным уважением остаюсь готовый к услугам Лев Толстой».[3]

Не так смотрели на дело Бондарева местные власти. Даже после смерти они не оставили его в покое. Вскоре могила его тайно была вскрыта. А с молчаливого поощрения властей «недоброжелатели» Бондарева—кулаки—разрушили памятник и оградку. Когда в 1902 г. Горощенко проезжал через Иудину, то ни стола, ни камней над могилой уже не было. Рукопись исчезла. Незадолго до Октябрьской революции красноярская газета «Енисейская мысль» в заметке, посвященной памяти Т. М. Бондарева, писала, что могила этого философа-крестьянина забыта, запущена, плиты на ней разбиты, надписи, вырезанные им, замазаны грязью. И ниже, упрекая минусинский музей, основатель которого и друг Бондарева Н. М. Мартьянов также к этому времени умер, газета пишет: «Из уважения к памяти этого подвижника, труд которого полностью по цензурным условиям еще не напечатан, и в па-

[1] Бондарев и Толстой, стр. 51.

[2] Видимо, Толстой не знал об изменении первоначального намерения Бондарева.

[3] Летописи Гос. лит. музея, том II, Л. Н. Толстой. М. 1938, стр. 56.

мять Л. Н. Толстого, следовало бы могилу Бондарева привести в порядок, что должно бы лежать на обязанности комитета Минусинского музея».[1]

Зачем нужно было полиции вскрывать могилу Бондарева? На этот вопрос дают ответ сами очевидцы похорон. Внук Бондарева, М. И. Борисов, рассказал нам, что Тимофей Михайлович перед смертью дал ему пакет и велел вложить ему в руку, когда он умрет. Но во время похорон внук не вспомнил об этом наказе деда. Кроме того, Бондарев завещал ему положить в гроб все бумаги, оставшиеся после смерти. Борисов с товарищем принес их к могиле, но Г. П. Федянин почему-то не дал положить их в гроб, а велел положить их сверху на гроб. То же рассказал Д. Г. Федянин, сын Г. П. Федянина: «Моего отца Тимофей Михайлович перед смертью просил вложить ему в руки письмо, с которым он явится к богу». Федянин слышал от отца, что могила Бондарева вскоре, ночью и тайно, была вскрыта. Об этом свидетельствует и Борисов. 16 июня 1940 г. сотрудником минусинского государственного музея В. П. Левашовой, Е. И. Владимировым и поэтом Ив. Ерошиным[2] была вскрыта могила Бондарева, но никаких бумаг там не оказалось, зато были найдены обломки плит, которые после погребения находились над могилой. Следовательно, могила была действительно вскрыта полицией и все бумаги изъяты ею.

Сейчас над прахом Бондарева стоят лишь пять тополей, посаженных рукою покойного пятьдесят лет тому назад. Листья этих тополей словно рассказывают ему о том, что сбылись его заветные мечты о «торжестве земледельца», о свободном труде на свободной земле, о таком общественном строе, где нет «тунеядцев»—эксплоататоров и в большом почёте «трудолюбие». Бывшая маленькая деревушка Иудино давно уже превратилась в огромное село, где имеются средняя школа, детский дом, клуб, ясли. Жители Иудина лет 20 тому назад объединились в колхоз «Заветы Ильича», где работают правнуки Т. М. Бондарева.[3]

Живы ещё ученики Тимофея Михайловича, а уже имеет Иудино собственных агрономов, учителей, врачей и другую сельскую интеллигенцию. Молодёжь не забывает своего замечательного односельчанина—защитника интересов крестьянства и борца за счастливую жизнь народа. Старики рас-

[1] «Енисейская мысль», 1914, № 46. Памяти Бондарева.

[2] См. его статью в газ. «Советская Хакассия» № 139 за 20 июня 1940 г.

[3] Баутина Мария Моисеевна, 50 лет; Борисова Анна Моисеевна, 43 лет; Рябоконенко Софья Моисеевна, 36 лет. В 1947 г. умер Борисов Яков Моисеевич. У правнуков уже есть взрослые дети, также работающие в колхозе.

сказывают детям и внукам о деятельности Бондарева, и для детей эти воспоминания о прошлом стали давно преданиями.[1] Молодежь с гордостью произносит имя самородка-мыслителя и талантливого писателя.

В годы Великой Отечественной войны молодые жители с. Иудина ушли на фронт защищать завоевания своих отцов. Колхоз «Заветы Ильича», один из богатейших во всём Красноярском крае, объединивший к этому времени 360 дворов, имевший 750 голов только крупного рогатого скота, 4.500 тонкорунных овец, фруктовый сад в 50 гектаров, звероферму, где разводили лисиц и енотов,—отлично помогал в войне против оголтелых гитлеровцев. Молодых колхозников, ушедших на фронт, заменили женщины, дети, старики. Конечно, не легко было им вести такое сложное хозяйство, но они отлично справились с задачей—помочь фронту, советским воинам. В годы войны колхоз ежегодно давал государству 70 тысяч пудов хлеба, 4 тысячи пудов мяса, 270 тысяч литров молока, 6 тысяч килограммов шерсти и много других продуктов и сырья.

Летом 1943 г. 500 иудинских колхозников о своей героической работе в глубоком тылу написали воинам Карельского фронта, тринадцати минерам-гвардейцам.[2] В письме этом несколько теплых слов сказано и о Бондареве: «Когда-то в селе нашем жил крестьянин Тимофей Михайлович Бондарев —из ссыльных поселенцев...

Тимофей Михайлович был первым ирригатором Кайбальской долины: он оросил 50 десятин земли, он пытался создать потребительское общество-кооперацию. Но мог ли труженик-крестьянин избавить крестьян от нищеты во времена царского гнета, засилья кулаков, торговцев и царских чиновников? Мечты Тимофея Михайловича могли стать былью только при советской власти благодаря объединению крестьян в колхозы. Теперь у нас под орошением 500 гектаров земли, хлеб растет там, где когда-то была выжженная солнцем степь».[3]

Да, мечты Бондарева, как и миллионов крестьян бывшей Российской империи, в наше время осуществились... Этого крестьянство добилось потому, что оно стало союзником ра-

[1] Мне приходилось слышать рассказы о том, что Бондарев, якобы, побывал в Ясной Поляне и, наоборот, Толстой—в Иудиной.

[2] Полностью письмо помещено в брошюре «13 минеров» (Материалы Красноярской краевой комиссии по составлению летописи событий Великой Отечественной войны советского народа с германским фашизмом, Красноярск, 1944 г.). Отрывки письма были напечатаны в газ. «Красная звезда» за 28 сентября 1943 г.

[3] «13 минеров», стр. 21—22.

бочего класса и шло по пути, указанном партией Ленина—Сталина. Бондарев не знал и не мог знать, что «только вполне победившая революция сможет дать крестьянину все в области земельных реформ, всё то, чего крестьянство хочет, о чем оно мечтает, что действительно необходимо ему».[1] Но он мужественно защищал интересы крестьян, требовал передачи в их руки всей земли. «Земля с трудом непрерывным канатом связана, т. е. чья земля, того и труды должны быть над ней». В другом месте своего памфлета писатель еще более решительно заявляет: «Я говорил и говорить буду, что земля не вам, белоручкам-помещикам, принадлежит, а нам, крестьянам». Октябрьская социалистическая революция уничтожила частную собственность на землю, и ныне земля передана колхозам в вечное и бесплатное пользование. Иудинские колхозники, внуки и правнуки Бондарева, строят свою культурную и зажиточную жизнь на свободной земле.

Еще полвека тому назад крестьянский писатель сокрушался о том, что вся Россия обрабатывает землю дедовскими средствами. Во времена Бондарева иудинцы еще не знали железного плуга... Как бы удивился и обрадовался Бондарев, если бы он увидел иудинские поля сегодня!... Вместо серпа и «молотила»—комбайны и сложные молотилки. По дорогам реже встретишь подводу, чем автомашину. Иудинский колхоз обслуживает целый парк агрегатов машинно-тракторной станции.

Бондарев был близок к мысли о коллективном хозяйстве. Он понимал, что для счастливой жизни далеко недостаточно крестьянину одной земли и техники... «От праведных трудов не наживешь каменных домов»,—говорил он. «Самая главнейшая и самая вреднейшая язва в нашем классе, неволей влекущая в нищету и убожество, и в разного рода бедствия —это разделение братьев на одиночество». К этому выводу Бондарев пришел после многолетних наблюдений и размышлений. Удачно начатое им орошение в то время не могло получить распространения. Без «общественного согласия» Бондарев не добился и открытия общественной торговли. Все это стало возможным только при советской власти. Как и все крестьянство СССР, население Иудина объединилось в колхоз, и сразу стало возможным и орошение в огромных масштабах, и применение новейшей техники на полях, и общественная торговля и т. п.

Через все свои сочинения Бондарев проводит красной нитью одну мысль: каждый человек должен, обязан трудиться, в поте лица своего добывать хлеб. «Нет в свете отврати-

[1] Ленин В. И. Сочинения, 3-е издание, том 8, стр. 94.

тяльнее нечистоты,—пишет Бондарев,—как чужих трудов хлеб». Тунеядство, паразитизм, эксплуатация являются тягчайшим преступлением: «Кто не работает для себя хлеб своими руками, а чужие труды пожирает, тот вор,—возьмите его и предайте суду». Потомки Бондарева уже давно очистили свою землю от тунеядцев. Они живут и работают под солнцем Сталинской Конституции, принцип которой гласит: кто не работает, тот не ест.

Бондарева удручало угнетенное положение труженика, особенно близкого ему крестьянина, труд которого не ценили царским правительством и эксплоататорскими классами. Бондарев требовал для крестьянина не только прав, но и почетного места в обществе. Он говорил: «как у вас в великосветском классе, высшая степень—генерал, так и в нашем—заслуженный земледелец». Продолжая полемику с господствующим классом, писатель заявляет: «Если кто сделает незначительное и маловажное изобретение—и вы удостаиваете его медали «За трудолюбие и искусство».... «Было ли от начала века, кто бы получил за хлебное трудолюбие и искусство награду?—спрашивает Бондарев и отвечает:—Не было!» А если и получали, то только те, которые «по 1.000 десятин засевали хлеба чужими руками, а сами и близко не подходили к этой работе. Те получали и получать будут награды...».

В октябре 1917 года рабочий класс в союзе с крестьянством под руководством большевиков завоевал политические права для всех трудящихся. Теперь у нас труд стал «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства». (Сталин). Колхозники, как и все трудящиеся, за свою трудовую доблесть получают правительственные награды, а за выдающиеся успехи в сельском хозяйстве их удостаивают высокого звания Героя Социалистического Труда. Президиум Верховного Совета СССР в числе нескольких сот хакасских хлеборобов наградил орденами и медалями многих пудинцев, внуков и правнуков бывших учеников Бондарева, в том числе орденом Ленина: Федянина Е. Р., Захватова Я. А., Романова И. М., Петрову А. М., орденом Трудового Красного Знамени: Аникину А. Я., Рогова А. М., Деревягина М. А. добившихся богатых урожаев. Пятьдесят три Героя Социалистического Труда являются гордостью сегодняшней колхозной Хакассии. В какой другой стране может стоять Герой-генерал рядом с Героем-крестьянином!..

Бондарев искренне верил в светлое будущее своего народа, в торжество социальной справедливости, он смело боролся за это будущее. И осуществление надежд и чаяний крестьянства при социализме является лучшим памятником замечательному крестьянскому деятелю и писателю-мыслителю.

В. И. ДОМОЖАКОВ

ХАКАССКИЕ ЗАГАДКИ.

Хакасский народ, как и все народы нашей Родины, богат устным народным творчеством. Произведения хакасского фольклора разнообразны по жанрам. Среди них мы находим героические сказания и сказки, песни и тахиахи, легенды и предания, пословицы и поговорки, загадки и другие. Разнообразие и оригинальность произведений народного творчества хакасов издавна привлекали к себе внимание многих путешественников и исследователей.

Начало записей этих произведений было положено еще во второй половине XVIII века. Так, первые записи хакасского фольклора опубликовал русский ученый И. Гмелин в 1752 г., а затем в 1772—73 г., путешествуя по Сибири, Хакассию посетил натуралист Паллас,[1] который записал несколько хакасских сказок. В 1845—49 гг. несколько записей кайбальских сказаний произвел Кастрен. Его записи были переведены на немецкий язык немецким ученым Антоном Шифнером в его работе «Героические сказания минусинских татар». Записью хакасского фольклора также занимался этнограф Костров[2] и другие.

Наиболее полные и точные записи почти по всем жанрам хакасского фольклора оставил Н. Ф. Катанов.[3]

Не ставя задачи анализа первых записей хакасского фольклора, можно сказать, что они были случайными и служили подсобным материалом для основных работ естествоведов, путешественников, этнографов, лингвистов. Тем не менее эти записи являются ценным вкладом в дело изучения

[1] Паллас, «Путешествие по разным провинциям Российского государства». СПБ, 1773—1788 г.

[2] Кн. Н. А. Костров «Очерки быта минусинских татар» (труды четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. Том первый). Казань 1884 г.

[3] Н. Ф. Катанов «Образцы народной литературы тюркских племен» изданные И. Радловым, ч. IX, СПБ, 1907 г.

акасского устного творчества. При этом необходимо учитывать буржуазную классовую ограниченность взглядов дореволюционных исследователей.

Только в советское время и особенно после создания Хакасского научно-исследовательского института положено начало плановому систематическому изучению и записи хакасского фольклора. В настоящее время научно-исследовательский институт языка, литературы и истории накопил большое количество записей различных жанров хакасского устного народного творчества. Эти записи непрерывно пополняются и изучаются.

В настоящий сборник мы сочли необходимым включить наиболее ценные и художественно полнозвучные образцы загадок, в основном записанных работниками института во время комплексных фольклорно-лингвистических экспедиций 1945-48 гг., а также сюда включены записи корреспондентов-фольклористов института.

Хакасские загадки интересны тем, что в них отражаются умы и чувства широких масс трудящихся хакасов, это краткие афоризмы мудрости и жизненного опыта. Самобытные и богатые метафорическими образами загадки весьма разнообразны по тематике. Они отражают почти все стороны жизни хакасов: классовые отношения, быт, орудия труда и т. д. Поэтому, сообразно тематике самих загадок, они сгруппированы в соответствующие разделы.

Все тексты даны на литературном хакасском языке с подстрочными переводами без сохранения диалектальных особенностей. При переводе на русский язык, составитель, насколько это было возможно, старался сохранить особенности оригинала.

Данная работа, являясь первой попыткой обработки малых жанров хакасского фольклора, отнюдь не претендует на полноту и точность, а только кладет начало изучению указанных образцов. Тем не менее составитель считает, что публикуемые загадки будут полезны не только для учительства и учащихся, но и для широких масс читателей, интересующихся хакасским устным народным творчеством.

СИСПЕКТЕР.

ІСТЕНІС ПАЗА ІСТЕНІС ТИРІҐЛЕРІ.

1. Чӯгӯріп, чӯгӯріп симір-парча.

(*Орчых*).

2. Ікі пуға сӯсклесче, ортызынань көбік ахча.

(*Тербен пазл ун*).

3. Сағалаа сап-сарыг, пілечее пір тудым.

(*Көче*).

4. Сағалычаа сап-сарыг, сағызынъ читсе, аны тап. Пілегічее пір тудым, пілізінъ полза, аны тап.

(*Колос*).

5. Пур-пар чорыхтыг, пулан-сыын табыстыг.

(*Хол тербені*).

6. Чӯс хой аразында тӯгдӯр хучам ойлап чӯр.

(*Талған хоорганы, пулгас*).

7. Пӯгӯр торбаам чар сӯсклепче.

(*Іткіс*).

ЗАГАДКИ.

ТРУД И ОРУДИЯ ТРУДА

1. Бегает, бегает, да ожиреет.

(*Веретено*)

2. Два быка бодаются, а между ними пена течет

(*Мельничные жернова и мука*)

3. Бороденка желта пре желта, а толщиной одну горсть.

(*Стебель и колос ячменя*)

4. Бороденка желта-пре желта, если ума у те бя хватит—отгадай: са толщиной водну горсть если ты знающий—от гадай.

(*Колос и стебель*)

5. Ходит шумя и гремя а голос как у ло си и марала.

(*Ручная мельница*)

6. Между ста овец мой мохнатый баран бегает

(*Поджаривание толокна жаровня*)

7. Мой горбатый торбак[1] яр бодает.

(*Пехло*[2])

[1] Торбак—телёнок по второму году.
[2] Пехло—орудие для отгребания снега, мусора.

8. Кисчем, кисчем узағы чоғыл.

(*Тимір кискені*).

9. Көні ағас пазында тоғыр ағас, тоғыр ағас пазында тоғыс ағас.

(*Тырбос*).

10. Хая пазы хағдых-хуғдых, чалғыс ағас чалтых-чултух полча.

(*Хол тербені*).

11. Пазырған, пазырған, че ибге киліп, оорған алтында сунада чат-салды.

(*Палты*).

12. Көнъдей алтында көк пӱр чатча.

(*Палты*).

13. Тігде тох, мында тох, ортызында тимір тох.

(*Одынъ тоорғаны*).

14. Іки пуға ахсыларынанъ кипсеніп, азырып тоосполбинчалар, тосханнарын даа пілбинчелер, астааннарын даа пілбинчелер.

(*Тербен*).

15. Азағы чох аладым аал ибре чӧредір.

(*Хол тербені*).

16. Узун ағас пазында улай хус одырчадыр.

(*Пасха*).

17. Іки пӱр тигір анъдысчалар.

(*Соор пастары*).

18. Пір таг тооза ӱттіг.

(*Хулас, саржим*).

8. Режу, режу — щепок нету.

(*Резание железа*).

9. На конце прямого дерева поперечное дерево, а на поперечном дереве девять других деревьев.

(*Ручные грабли*).

10. Вершина скалы гремит, одно дерево качается.

(*Ручная мельница*).

11. Молился, молился, а в юрту войдя, под кроватью растянулся.

(*Топор*).

12. Под нарами серый волк лежит.

(*Топор*).

13. Там стук, тут стук, а в середине железом стук.

(*Рубка дров*).

14. Два быка жуют и глотают без конца, и ни сытости, и ни голода они не знают.

(*Жернова мельницы*).

15. Мой безногий пегашка по всему улусу ходит.

(*Ручная мельница*[1]).

16. На конце длинной палки большая птица сидит.

(*Молоток*).

17. Два волка на небо смотрят.

(*Головки саней*).

18. Одна горався в дырах.

(*Поленница дров*).

[1] В старом улусе не каждый имел ручную мельницу, поэтому одной пользовались многие.

19. От чох хайнапча.
(Известка хайнатханы).

20. Кизек чирде хар чаапча.
(Ун илгені).

21. Тӧрт харындас тура киртіпчелер.
(Ух палғаҷаны иньелер).

22. Тимір таяхтыг, садра сырайлыг тош-тош полнарир.
(Ниме тіккені, „таяғы"—інье, „сырайы"—хурчу).

23. Пис оол сӯрізіп ойнапча
(Ух палғаны).

24. Ах чазыда пураанах пурлапча.
(Ун илгепчеткені).

25. Ікі оол пір хурлыг.
(Толғахтап салған ӧргеннер).

26. Ай алтынанъ чорттым, чорттым, алтын пырғым тарттым, тарттым. Кӯн алтынанъ чорттым, чӧрттым, кӯмӯс пырғым тарттым, тарттым.
(Ниме тіккені)

27. Сарыг хойым санап тооспадым.
(Кӧче).

28. Пір ах пинденъ чӯс ах пин тӧріпче.
(Сиир тараны).

29. Ізік алнында хая ӧсчедір.
(Одынъ сығарғаны).

19. Без огня кипит.
(Гашение извести)

20. На одном месте снег идет.
(Сеяние муки)

21. Четыре брата дом строят.
(Вязальные иголки)

22. Имеющий железный посох и щербатое лицо, идет гремя.
(Шитье чего-либо, иглы и наперсток)

23. Пять парней играют в догонялки.
(Пять вязальных иголок)

24. В белой степи буранчик веет.
(Сеяние муки)

25. Два парня одним кушаком[1] опоясаны.
(Колья изгороди)

26. Под луной бегаю, бегаю, золотым рожком играю; под солнцем бегаю, бегаю, серебряным рожком играю.
(Шитье)

27. Серых овец моих не перечесть.
(Ячмень)

28. От одной белой кобылицы сто белых кобылиц родятся.
(Расчесывание воловьих жил)[2]

29. Перед дверью скала растет.
(Заготовка дров из хвороста)[3]

---

[1] Под кушаком имеется ввиду завертка из молодых тальников, которой скручиваются колья.

[2] Раньше хакасы вместо ниток употребляли „сиир чіп" т. е. нитки ссученные из воловьих жил—сухожилия.

[3] В степных районах Хакассии весной производили заготовку дров на зиму, т. е. с острова вывозили хворост (чащу) и складывали их в кучи перед домом (жильем).

30. Салып-салып — пілекке, салып-алып — пілекке.
(*Ас кискені*).

31. Чирімде чирліг, чуртты полғабын. Пеер килип, мойныма пағ сығылчых.
(*Тайгадаңь ағылған ағас*).

32. Сарадым саалада сілігін-тур.
(*Ас саргаары*).

33. Алтон алып аар-пеер чүгүрісчелер.
(*Пила*).

34. Ығырт-соғырт чорыхтыг, ікі торсых азыхтыг.
(*Паланы абыхтаны, эмчектепчеткені*).

35. Хаас мойынныг хастар чирге сығырызып түсчелер.
(*Тамах сапчаңь тохпахтыр*).

КУЛЬТУРА ПАЗА ТЕХНИКА.

36. Күзүр-хазыр түсче, көп чонны хырча.
(*Машина от сапханы*).

37. Харны чоғыл—азранча, мойны чоғыл—тартынча.
(*Трактор*).

38. Суланаңь азрабинчалар, сырыпнаңь сүрбинчелер, чир талап сыхса, читі салда тартынча.
(*Трактор*).

39. Ойадымнынь таңьмазы онь пудында поладыр.
(*Пічік пасханы, анынь адрезы*).

40. Ағас нимес—пүрліг, көгенегі чоғыл—тігілген.
(*Книга*).

30. Кладут, кладут на руки и с руки же берут.
(*Жатва хлеба*).

31. На родине я имел землю и стойбище, придя сюда, я оказался с веревкой на шее.
(*Дерево, привезенное из тайги*).

32. Мой соловый конь встряхивается с шумом.
(*Веяние хлеба на ручной веялке*).

33. Шестьдесят богатырей[1] бегают взад и вперед.
(*Пила*).

34. Имеет ход скрипучий, а провизии два торсука[2].
(*Качание люльки и кормление ребенка грудью*).

35. Гуси с ременной шеей со свистом на землю садятся.
(*Цепы для молотьбы*).

КУЛЬТУРА И ТЕХНИКА.

36. Шумит, гремит, множества народу падает.
(*Сенокосилка, „народ" трава*).

37. Живота нет—питается, шеи нет—везет.
(*Трактор*).

38. Овсом не кормят, хлыстом не гонят, а как начнет пахать—семь плугов тащит.
(*Трактор*).

39. У моего буланого коня тавро на правом стегне.
(*Письмо и адрес*).

40. Не дерево, а листья имеет, сам сшит и рубашки не имеет.
(*Книга*).

---

[1] „Шестьдесят богатырей"—зубья пилы.
[2] Торсук—сосуд, сшитый из сыромятной шкуры для хранения жидкости.

41. Илденъ килген ооллар идек тартысчалар.

(*Вагоннар*).

42. Арыгданъ килген ах ооллар, ах ханъза тартыпчалар.

(*Телеграф столбтарынынъ ах изоляционнай стаканнары*).

43. Ханат сабынминча, ханаттыг хустанъ асча.

(*Самолёт*).

44. Узун арғамчым тӯріп тооспадым.

(*Чол*).

45. Суныбыссам—тигірге дее чидерчікпін. Холым полған полза, оғырны даа тударчыхпын.

(*Чол*).

46. Хара асхырым кістепче—халых чонға істілче.

(*Паровоз*).

ОБЩЕСТВЕННАЙ ОТНОШЕНИЕЛЕР.

47. Харны педек, ірімчік нимес; хан сорча, сек нимес.

(*Пай, кулак*).

48. Аларға холы узун, пирерге—хысха.

(*Пай, кулак*).

49. Харны ірімчікти осхас—педек, харағы абысти осхас—тоспас.

(*Пай, кулак*).

50. Кізі тізенъ, улупча; анъ тізенъ, ырлапча.

(*Хам*).

41. Парни, прибывшие издалека, тянут друг друга за подолы.

(*Железнодорожный состав, сцепленные вагоны*).

42. Из леса пришедшие белые парни курят в белую трубку.

(*Изоляционные стаканы телеграфных столбов*).

43. Крылом не машет, а крылатую птицу обгоняет.

(*Самолёт*).

44. Я свертывал свой длинный аркан (веревку), но не мог всего свернуть.

(*Дорога*).

45. Если бы могла вытянуться, то до неба бы достала; если бы были руки—вора бы поймала.

(*Дорога*).

46. Мой вороной жеребец ржет—всему народу слышно.

(*Паровоз*).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

47. Пузатый, но не паук; кровь сосёт, но не комар.

(*Бай, кулак*).

48. Брать—руки длинны, а отдавать—коротки.

(*Бай, кулак*).

49. Живот пузатый, как у паука, а глаза ненасытны, как у попа.

(*Бай, кулак*).

50. Сказать человек—воет, сказать зверь—поет.

(*Шаман*).

51. Аар айланза, айнаа тöй, пеер айланза, ӳзӳтке тöй.

(*Хам*).

52. Холы хамахта, харағы тасхахта.

(*Абыс*).

53. Хара адым хазағда, хамчызы тиргіде.

(*Хамнынъ тӳӳрі; хамчызы орбазы*).

54. Хурап-сарап тон тіктім, Хул кізее чарабачых.

(*Хамнынъ тоны*).

55. Пачазы чох ниме пар ба? Паары чох ниме пар ба?

(*Пачазы чох адай полчанъ, паары чох хам полчанъ*).

56. Пур-пар чорыхтығ пулан, сыын табыстығ.

(*Хам*).

57. Точилдай теен тоным пар, тоньзам даа кисеспін.

(*Хам тирии*).

ПРИРОДА.

58. Хызыл пуғдайым пуска чайыл-партыр.

(*Чылтыстар*).

59. Частых алтында чарымдых булка.

(*Ай*).

60. Пір хузух ағазында он ікі салаа, он ікі салаанынъ назында 365 торым.

(*Чыл, айлар, кӳннер*).

51. Туда повернется — на чорта похож, сюда повернется — на дьявола похож.

(*Шаман*).

52. Рука на лбу, а глаза на полке.

(*Поп*).

53. Вороной мой конь на приколе, а кнут его в тороках.

(*Шаманский бубен, „кнут"—его колотушка*).

54. Я сшила шубу из разных лоскутков, которая не годилась рабу.

(*Шуба шамана*).

55. Есть ли кто, не имеющий свояка. Есть ли кто, не имеющий сердца.

(*Не имеющий свояка есть собака, не имеющий сердца есть шаман*).

56. Ходит шумя и гремя; кричит, подражая сохатому и маралу.

(*Шаман*).

57. По названию „точылдай" шуба есть у меня, но и замерзая не одену ее.

(*Костюм шамана*).

ПРИРОДА.

58. Моя красная пшеница на льду рассыпалась.

(*Звезды*).

59. Под изголовнем полбулки.

(*Луна*).

60. На одном кедре двенадцать сучьев, на двенадцати сучьях 365 шишек.

(*Год, месяцы, дни*).

61. Пір хузух ағазы, анда он ікі салаа, полған на салаанынъ пазында 4 торым.
(*Чыл, айлар, позырахтар*).

62. Сырлыг түүзім азыбыссам, сымычаам иді тадылыг!
(*Хузух*).

63. Ибге кірзе ыс полбас, тасхар сыхса тан полбас.
(*Күн харағы*).

64. Хан харлап тур—халых чон пазырын-тур.
(*Чилде ағастарнынъ чайхалғаны*).

65. Узун ағас пазында улай хус одырча.
(*Хузух*).

66. Хайдар паризынъ, Харбатай. Паза сонъ килем, Сирбетей!
(*Пүрлер, салаа*).

67. Таягы чох, чөлегі чох турчатхан ниме, нимедір.
(*Тигір*).

68. Чар алтында чарымдых інегім чадыр.
(*Ниа төреен ай*).

69. Кидертін киис килир, ікі пуды чох килир.
(*Пулут*).

70. Суг кичіре чібек тастадым.
(*Пус чарылғаны*).

71. Айға күнге көрінминче, ағаснанъ тинъ.
(*Ағас өзенін*).

72. Ағас аразында ах платтыг хыс одырча.
(*Пазына хар чаап парған төкпес*).

61. Один кедр, на нем двенадцать сучьев, на каждом суку по 4 шишки.
(*Год, месяцы и воскресные дни*).

62. Крашеный свой тузс открою, а в середине какая сладость!
(*Орех*).

63. В юрту войдет—не дым, а на улицу выйдет—не ветер.
(*Лучи солнца*).

64. Хан ругается, а весь народ кланяется.
(*Качание деревьев во время ветра*).

65. На вершине высокого дерева птица сидит.
(*Кедровая шишка*).

66. Куда идешь, Харбатай?[1] На будущий год приду, Сирбетей!
(*Листья, сучья*).

67. Что стоит без опоры и подпорки?
(*Небо*).

68. Под берегом лежит краюха хлеба.
(*Молодая луна*).

69. С запада кочма без ног идет.
(*Облако*).

70. Через речку я перебросил шелковину.
(*Трещина во льду*).

71. Ни луне, ни солнцу не показывается, а рост имеет с дерево.
(*Сердцевина дерева*).

72. В лесу сидит девушка в белом платке.
(*Пень зимой*).

[1] Харбатай, Сирбетей—собственные имена.

73. Позы кічичек, позынанъ улуғох пӧрік кисче.

(*Миске*).

74. Чӱс хойым чӱгӱре халды, Чӱс-Алдай тура халды.

(*Ай, чылтыстор*).

75. Палазы парыбысчых, пабазы чат-халчых.

(*Суғ тасса, хум паза тас халганы*).

76. Чазыда чалаас оол турча.

(*Хастырығы чох агас*).

77. Айнынъ алтынча алтын торғы тарттым.

(*Тубан*).

78. Іскертін ах шляпалыг абахай килир.

(*Танъ чарып одырганы*).

79. Кӧк пуғам мустапча, халых чонға истілче.

(*Кӱгӱрт*).

80. Турам ибре чибек тартып салдым.

(*Торбас*).

81. Ӧзені чох, нимедір?

(*Тас*).

82. Чир ӧтре ӧс-килче, хызыл плат таап алча.

(*Хандых*).

83. Хооғасха хан урып, хорбы талға палғадым.

(*Хызылхат*).

84. Сӱріп, чит-полбадым, тудып, тут-полбадым.

(*Суғ*).

73. Сам маленький, а шапку носит больше себя.

(*Гриб*).

74. Сто овец моих убежали, а Чюс-Алдай[1] остался.

(*Звезды, луна*).

75. Ребенок ушёл, а отец остался.

(*Песок и камни, оставшиеся на берегу после разлива реки*).

76. В степи голый парень стоит.

(*Дерево, с которого снята кора*).

77. Под луну золотой шёлк я растянул.

(*Туман*).

78. С востока в белой шляпе красавица идёт.

(*Наступление рассвета*).

79. Синий мой бык мычит — всему народу слышно.

(*Гром*).

80. Вокруг избы шёлком обтянул.

(*Мох, использованный для дома*).

81. Что есть без сердцевины?

(*Камень*).

82. Сквозь землю вырастает, красный платочек находит.

(*Кандык*).

83. В бычий пузырь крови налив, я привязал его к молодому ивняку.

(*Красная смородина*).

84. Догонял, догонял, но не мог догнать; ловил, ловил, но не мог поймать.

(*Вода*).

[1] Чюс-Алдай собственное имя.

85. Он ікі харындас сүрек-тезіп, сүректезіп пірсі пірсін чит-полбинча.

(*Чылнынъ 12 айы*).

86. Позрах адым пір таґны тооза оттап парыбысты.

(*Орт кӧйгені*).

87. Атхан уґым таґ ас-парды.

(*Чылтыс чүгүргені*).

88. Позрах адым чүгүрі-бісті, ӱчӱргӱзі чат-халды.

(*Орт, „ӱчӱргӱзі"—күл*).

89. Хуруґ сӧӧк, хуруґ сӧӧк-тінъ істінде тас чүрек, тас чүректінъ істінде чаґ чүрек.

(*Торым, хузух, изіре*).

90. Тізі чох инейек хузух хасча.

(*Сурках*).

91. Күзүрт-хазырт түс-пари, күренъ чорґам ас-пари; Нызырт-назырт түс-пари нызырабинанъ то-зыл-пари.

(*Часхыда пус тибреені*).

92. Уучам тігі чирде, ызыр-ґазы пу чирде.

(*Сип*).

93. Ах хой „паранъ" тіпче, Хара хой „чаданъ" тіп-че.

(*Хар, чир*).

94. Пірсі „паранъ" тіпче, пірсі „чадань" тіпче.

(*Суґнань тас*).

85. Двенадцать братьев друг друга догоняют и догнать не могут.

(*12 месяцев года*).

86. Мой рыжий конь съел всю траву одной горы.

(*Палы*).

87. Выстреленная пуля через гору улетела.

(*Падение метеорита*).

88. Рыжий конь мой убежал, а потник отстал.

(*Палы, потник золы*).

89. Сплошная кость, а внутри её каменное сердце, внутри каменного сердца—жирное сердце.

(*Кедровая шишка, орех и его ядро*).

90. Беззубая старушка орехи щелкает.

(*Сосульки, намерзшие на крышах и падающие капли*).

91. Шумя-гремя идет мой бурый иноходец; шумя-гремя идет и с шумом исчезает.

(*Весенний ледоход, тающие льды*).

92. Моя бабушка на том свете, а серьги на этом свете.

(*Сарана*).

93. Белая овца „пойдем"—говорит, черная овца „полежим"—говорит.

(*Снег, земля*).

94. Один „пойдем"—говорит, другой „полежим"—говорит.

(*Вода и камень*).

95. Түктіг кибізім түріп тооспадым, чалаас кибізім чазып тооспадым.
(*Чир, тигір*).

95. Стал свертывать свой пушистый ковер и не мог всего свернуть; стал развертывать гладкий ковер, но не мог всего развернуть.
(*Земля и небо*).

96. Холы чоғыл, азағы чоғыл, таға сых-парды.
(*Орт*).

96. Без рук, без ног, а на гору залазит.
(*Палы*).

97. Пабазынанъ пурун палазы төріді.
(*Көпен, улам*).

97. Сын родился раньше отца.
(*Копна, стог*).

98. Халбах-хулбах хулахтығ, хара нинчі чачахтығ.
(*Нымырт*).

98. Уши имеет отвислые, а кисти из черных бус.
(*Черемуха*).

99. Хызыл оолаам хығыртыға парир, чалаас оолаам чаага парир.
(*Хыбын, орт*).

99. Мой красный сынок посыльным идет, а голый сынок на войну идет.
(*Искры, палы*).

100. Азағы, холы чоғыл, тағны талапча.
(*Суг*).

100. Рук, ног не имеет, а горы ломает.
(*Вода*).

АНЪНАР, ХУСТАР, ПАЛЫХТАР ПАЗА ХУРТ-ХООСТАР.

ЗВЕРИ, ПТИЦЫ, РЫБЫ И НАСЕКОМЫЕ.

101. Суғданъ даа табрах, харданъ даа ах.
(*Хозан*).

101. Быстрее воды, белее снега.
(*Заяц*).

102. Сирт-сарт чорыхтығ, сикпен хара поріктіг.
(*Саасхан*).

102. Скок да скок, а шапочка из черного сукна.
(*Сорока*).

103. Пилде Пидет, арығда Адат, хырда Хызарт.
(*Пүүр, хозан, кишк*).

103. Пидет на перевале, Адат в лесу, Хызарт[1] на хребте.
(*Волк, заяц, коза*).

104. Харағайға хар чухпас.
(*Кишк мүзі*).

104. На сосну снег не пристает.
(*Рога дикой козы*).

105. Чазыда—чағлығ хаас.
(*Чылан*).

105. В степи—ремень, пропитанный жиром.
(*Змея*).

[1] Пидет, Адат, Хызарт—собственные имена.

106. Чазыда чағлыг хазан.
(*Күзер*).

107. Таға сыхса, анъ осхас, тағданъ инзе, сана осхас, суға кірзе, сортан осхас.
(*Хамнос*).

108. Аалданъ сыхпас алат.
(*Саасхан*).

109. Тоғыс хадыл ибнінъ істінде тоғызон солдат.
(*Аарлар*).

110. Көзөчеем пазы көеліг.
(*Харахузурухтынъ хузурии*)

111. Таға[1] таналыг хыс сыхпарир.
(*Киик*).

112. Інъезі пар, тік-полбинча.
(*Тіктірбе*).

113. Чазыда от көйче.
(*Пүүр харағы*).

114. Пирзе,—чибес, пиктезе—оғырлапча.
(*Күске*).

115. Төрт ханаттыг—хус нимес, түктіг—анъ нимес.
(*Өрбекей*).

116. Аалға кірбес ахат.
(*Хозан*).

117. Хара,—харға нимес. мүстіг—пуға нимес
(*Харахурт*).

118. Тапчах көгістіг, таг тобыра табыстыг.
(*Көөк*).

106. В степи котел, наполненный жиром.
(*Муравейник*).

107. На гору залазит, как зверь, с горы спускается, как лыжи, в воду залезет, словно щука.
(*Выдра*).

108. Пегий конь, который не выходит из улуса.
(*Сорока*).

109. Внутри девятистенного дома девяносто солдат.
(*Пчёлы*).

110. Конец моего сучка в саже.
(*Хвост горностая*).

111. Девушка с перламутровой пуговицей на гору поднимается.
(*Дикая коза*).

112. Иголка имеется, а шить не может.
(*Ерш*).

113. В степи огонь горит.
(*Волчьи глаза*).

114. Даешь—не ест, прячешь—ворует.
(*Мышь*).

115. С четырьмя крыльями, но не птица, с шерстью, но не зверь.
(*Бабочка*).

116. Белый конь, который никогда в улус не заходит.
(*Заяц*).

117. Черный, но не ворона, рогатый, но не бык.
(*Черный жук*).

118. Ростом с щепочку, а голос пронизывает горы.
(*Кукушка*).

---

[1] Тана—большая перламутровая пуговица, пришиваемая к женским платьям; под „пуговицей" надо понимать белое пятно на зоду дикой козы.

119. Торадымнынъ кичімі тоғыс хадыл поладыр.

(*Чалаас ар уязы*).

120. Хоор тайым хойығ талнынъ аразына кір-парчых.

(*Хозан*).

121. Ағас аразында хазанағым хайнапча.

(*Хымысха уязы*).

122. Учух-париза,сылапча; чирге түссе, чир хасча.

(*Харахурт*).

123. Чир алтында чатча, позын позы эмчектепче.

(*Аба*).

124. Чайғыда—мүстіг, хысхыда—мүзі чох.

(*Сын*).

125. Нымағым пазы нынъмах хара аны тапаан кізінінъ пурны хара.

(*Хара хузурух*).

126. Чар алтында чағлығ тохнағым чатча.

(*Порсых*).

127. Күн көрбес көрбеетей[1].

(*Ойдатамас*).

128. Алты сағаллығ апсағас тас турада чуртапча.

(*Саглах*).

КІЗІДЕНЪЕР.

129. Тағданъ тахпай чылып одыр.

(*Пас таранғаны*).

119. У моего гнедого коня кичим[1] в девять слоев бывает.

(*Гнездо осы*).

120. Каурый мой жеребенок забежал в середину густого ивняка.

(*Заяц*).

121. В лесу мой котелок кипит.

(*Муравьиное гнездо*).

122. Летит—жужжит, а сядет—землю роет.

(*Жук*).

123. Под землей лежит и сам себя сосет.

(*Медведь*).

124. Летом с рогами, а зимой без рог.

(*Олень*).

125. У моей сказки конец круглый и черный, кто это не отгадает, у него—нос черный.

(*Горностай*).

126. Под яром (берегом) жирная колотушка лежит.

(*Барсук*).

127. Корбеетей[2], который, (никогда) не видит солнца.

(*Крот*).

128. Старичок с шестью усами в каменном доме живет.

(*Усач*[3]).

О ЧЕЛОВЕКЕ.

129. С горы щепка сползает.

(*Расчесывание головы*).

---

[1] Кичим—кожа, подкладываемая под седло; при оседлывании лошади на спину ей кладется потник (үчүргү), на него кичим, а на кичим седло.

[2] Корбеетей собственное имя.

[3] Усач—рыба из породы угрей.

130. Пір таг тооза чоллыг.

(*Сўрмес*[1]).

131. Кизек намачыны кўнге сістеп хурут-полбадым

(*Тіл*).

132. Пил азра—пичем, тоғас полбадым.

(*Харахтар*).

133. Ікі тирек тонъхар турлар.

(*Тулунънар*).

134. Пір кирпее толдыра ах хастар.

(*Тістер*).

135. Озарых хазынъ, пузарых хазынъ, ортызында ойланъа позрах ат.

(*Тіс, тіл*).

136. Отыс ойат аразында ойланъа позрахат.

(*Тістер, тіл*).

137. Пис харындас пус чўктен-парилар.

(*Пір холнынъ, салаалары; пўс—тырғатар*).

138. Аладым аттанъ чўгўрік.

(*Харах*).

139. Тарчыхтағы тазымны тастап тооспадым.

(*Сағыс*).

140. Пис адай пір інде чуртапчалар.

(*Мелейдегі хол*).

141. Хаяда хатхан хучалар тур.

(*Хулахтар*).

130. Одна гора вся в дорожках.

(*Девичьи косы*).

131. Грея на солнце маленькую заплатку, я не мог высушить ее.

(*Язык*).

132. Сестра живет за перевалом, но встретиться не могу.

(*Глаза*).

133. Два тополя вверх ногами стоят.

(*Косы у женщин*).

134. Один двор полон белых гусей.

(*Зубы*).

135. На той стороне березы и на этой березы, а посередине рыжий бегунец.

(*Зубы, язык*).

136. Среди тридцати буных коней рыжий бегунец.

(*Зубы, язык*).

137. Пять братьев лед несут.

(*Ногти пальцев*).

138. Мой пегий конь резвее всех лошадей.

(*Глаз*).

139. Я не могу выбросить всех камешков, находящихся у меня в мешке.

(*Мысли в голове*).

140. Пять собак в одной конуре живут.

(*Рука в рукавице*).

141. На скале[2] истощенные (буквально высохшие) бараны стоят.

(*Уши*).

[1] Сўрмес—девичьи косы. У хакасов девушки, в отличие от женщин, носили много кос, иногда до 18, женщины носят 2 косы (тулунъ).

[2] Под „скалой" имеется в виду голова.

142. Пис кізінінъ пилі пір.
(*Хол, салаалар*).

143. Аарлыг тазым ырах чирге тастадым.
(*Сагыс*).

144. Сўген істінде сортан тулгапча.
(*Чўрек*).

145. Пір таг тооза от, че ол отты мал чібинче.
(*Кізі сазы*).

146. Нымзахтанъ нымзах, нимедір?
(*Постынь холы*).

ЧУРТАС, ЧУРТАСТАҒЫ НИМЕЛЕР.

147. Ікі хас аах-оох ла полпарирлар.
(*Хыпты*).

148. Тло пазынанъ ыс пырлапча.
(*Ханьза*).

149. Пір таг тооза ла ўттіг.
(*Хурчу*).

150. Сарсых харахтыг иней тооза ниме итче.
(*Інье*).

151. Иб ибре ойлап-ойлап, иркін алтында чат-салды.
(*Сібіргі*).

152. Кўзенегеске кўгісче кірдім.
(*Ключты замокка сухханы*).

153. Пис кистінде тўгдўр хуча.
(*Сібіргі*).

142. У пяти человек одна поясница.
(*Рука, пальцы*).

143. Свой дорогой камень я в далекое место забросил.
(*Мысли*).

144. В верше щука бьётся.
(*Сердце*).

145. На одной горе много травы, но эту траву скот не ест.
(*Волосы человека*).

146. Что мягче всего?
(*Своя рука*).

БЫТ И ПРЕДМЕТЫ БЫТА

147. Два гуся все (беспрерывно) гогочут.
(*Ножницы*).

148. Из верхушки кочки клубится дым.
(*Трубка во время курения табака*).

149. Одна гора вся в дырах.
(*Наперсток*).

150. Одноглазая старуха все делает.
(*Игла*).

151. По избе бегала-бегала и под порогом легла.
(*Метелка, веник*).

152. В окошечко по грудь залез.
(*Ключ в замке*).

153. За печкой мохнатый баран.
(*Веник*).

154. Іки хусхун эк-наах алыс-пари.

(*Хыпты*).

155. Чахсылар килзе,чалаас оолаам тура тӱсче.

(*Самовар*).

156. Ырахтын килген адымны харчи тартып палгадым.

(*Замок*).

157. Узун ағас улупчадыр, узу минінъ холымда; саасханах сатрапчадыр, хузурин минінъ холымда.

(*Чатхан, хомыс*).

158. Кӧк інектінъ соонанъ ах інек килир

(*Інъе, чіп*).

159. Іки пиче суға сомарға парчалар.

(*Кӧнектер*).

160. Пабазы палазын сӱріп читпинче.

(*Ханъаа терпектері*).

161. Сағалы позынанъ узунох.

(*Чіптіг інъе*).

162. Чалаас оолах аалчы сағыпча.

(*Самовар*).

163. Пір хри тас, пір хри тимір, пір хри тууп.

(*Отых*).

164. Пір оймахта—чӱс оймах.

(*Хурчу*).

165. Ағастанъ артых ағас, ӧзені, тізенъ, чоғыл.

(*Харатас; таскӧмір*).

154. Два ворона бьются по щекам.

(*Ножницы*).

155. Как только добрые люди придут, так мой голый сынок тут как ту[illegible]

(*Самовар*).

156. Из далека пришедшего своего коня узлом привязал.

(*Замок*).

157. Длинное дерево воет, а вершина его в моих руках; сорока стрекочет, а хвост ее в моих руках.

(*Чатхан, хомыс*[1]).

158. За серой коровой белая корова идет.

(*Игла, нитка*).

159. Две сестры идут купаться.

(*Вейра*).

160. Отец догоняет сына, но догнать не может.

(*Колеса телеги*).

161. Имеет бороду длиннее себя.

(*Игла с ниткой*).

162. Голый мальчик гостей ждет.

(*Самовар*).

163. Одна сторона каменная, другая железная, а третья—кожаная.

(*Огниво*).

164. В одной яме—сто ям.

(*Наперсток*).

165. Дерево лучше всякой древесины, но сердцевины не имеет.

(*Каменный уголь*).

---

[1] Чатхан и хомыс национальные музыкальные инструмент

166. Ӱс солдат пір хурлыг.

(*Очых*).

167. Адаам ханынъ оолғы алтын пастыг сырайча.

(*Кӧйчеткен свечі*).

168. Алтында—суг, ӱстінде—от.

(*Лампа*).

169. Кӧдезееме ӱгре хайнадып, іссем, тоос-полбинчам.

(*Ханьзанань тамкы тартханы*).

170. Ӱзун агас пазында улуг хус одырча.

(*Тӱлгӱ пӧрік*).

171. Орандай[1] ансахты пис кізі алтандырча.

(*Пӧрік кискені*).

172. Позымны ибре хара чібек ойлачых.

(*Тон хумазы*).

173. Улуг иб, улуг ибнінъ істінде кічіг иб, кічіг ибнінъ істінде Кизендек.

(*Маймах, ух, азах*).

174. Иді-сӧбӧгі чох пис салаа.

(*Перчаткалар*).

175. Пис хазынь аразынанъ ай сыгын одыр.

(*Чӱстӱк*).

176. Аар парарда — хызыр, пеер килерде—поос.

(*Пос паза суглыг кӧнектер*).

---

[1] Орандай собственное имя.
[2] Кизендек собственное имя.

166. Три солдата одним поясом опоясаны.

(*Треножник, таганчик*).

167. Сын хана Адама в золотой шапке форсит.

(*Горящая свеча*).

168. Внизу вода, а вверху огонь.

(*Лампа*).

169. В чугуночке суп сварив, хлебаю, но никак не накушаюсь (не бываю сытым).

(*Курение табака из трубки*).

170. На вершине высокого дерева сидит большая птица.

(*Шапка свахи из лисьего меха*).

171. Старика Орандая пять человек подсаживают на коня.

(*Надевание шапки одной рукой*).

172. Вокруг меня чёрный шелк обтянут.

(*Оторочка, кайма шубы*).

173. Большая юрта, внутри большой юрты — маленькая юрта, а внутри маленькой юрты Кизендек.[2]

(*Обувь, чулок, нога*).

174. Пять пальцев, которые не имеют ни мяса, ни костей.

(*Перчатки*).

175. Между пятью березами луна выходит.

(*Нац. перстень с глазком*).

176. Туда идёт—не стельная, а обратно—уже стельная.

(*Ведра пустые и наполненные водой*).

177. Аар мондых пеер мондых, ічезінде ирке мондых.
(*Ызыргалар*).

178. Хырда хырғаях моонча.
(*Марха*).

179. Кизек чирде чоп-чохыр.
(*Ілгөр*).

180. Лөн хузурухтыг, молат тумзухтыг.
(*Інъе*).

181. Ікі талай пір түгееліг.
(*Ікі көнек суг паза инънес*).

182. Иркечеем күнөрте харагын нубысча, хараагызын азыбысча.
(*Лампа*).

ЧУРТ.

183. Хызыл киик чатхан чирде от өспес.
(*От оймагы*).

184. Тасты чалаас, істі түктіг.
(*Труба*).

185. Тимір таягым тигірге читче.
(*Ыс*).

186. Кірдім, сыхтым, кіндіктенъ хаптым.
(*Ізік тудазы*).

187. Ибде дее нимес, тасхар даа нимес.
(*Көзенек*).

188. Ах адым ахсын азып турчадыр.
(*Пес*).

189. Хырданъ сыхпинанъ хыылин халчых.
(*Түнүктенъ сыхxан хыбын*).

177. Туда такой, сюда такой, у матери ласковый такой.
(*Серьги*).

178. На хребте копчик давится.
(*Пуговица*).

179. На одном месте пестро-пестро.
(*Полка с посудой*).

180. Она имеет льняной хвост и стальной клюв.
(*Игла*).

181. Два моря на одной дуге висят.
(*Два ведра воды и коромысло*).

182. Мое ласковое дитя днем зажмуривается, а ночью смотрит.
(*Лампа*).

ЖИЛИЩЕ.

183. Там, где лежала красная коза, трава не растет.
(*Место костра*).

184. Снаружи—голый, внутри в волосах.
(*Труба*).

185. Мой железный посох до неба достает.
(*Дым*).

186. Выхожу, захожу—меня за пуповину хватаю.
(*Скоба двери*).

187. Ни в доме и ни в улице.
(*Окно*).

188. Мой белый конь разинувши рот стоит.
(*Печь*).

189. Выйдя из хребта, умчался.
(*Искра, вылетевшая из трубы*).

190. Аал көзіп парчых,
Алат кістеп халчых.
(*Чуртта халған столба*).

190. Улус откочевал, а пегий конь со ржанием остался.
(*Столб, оставшийся на старом стойбище, на месте откочевавшего улуса*).

191. Ікізі чатча, ікізі турча, пірсі ырлапча.
(*Ізік, төрт иркін*).

191. Двое стоят, двое лежат, а один поёт.
(*Дверь и четыре косяка*).

192. Пазынанъ тутса—сас, хузуриинанъ тутса—чабас.
(*Оттыг турун*).

192. Если схватить за голову—дикий; если же схватить за хвост—смирный.
(*Головешка*).

АС-ТАМАХ.

193. Алты хадыл тонныг апсах одырча, аны чалаастаан кізі ылғапча.
(*Муксун*).

193. Сидит старик в шести шубах, кто его раздевает, тот плачет.
(*Луковица*).

194. Чир өтре күн көрче.
(*Морковь*).

194 Сквозь землю солнце видит.
(*Морковь*).

195. Хызыл платтыг хыс хынған на кізіні ырлатча.
(*Хабах арага*).

195. Девушка в красном платке любого заставляет петь.
(*Водка в бутылке*).

196. Чары тимір, палыгынынъ сөбгі чөғыл, суу аарлыг.
(*Потхы*).

196. Берег — железный, у рыбы кости нет, а вода[1] дорогая.
(*Каша из муки и сметаны*).

197. Хырых хадыл тонныг хыр інейек.
(*Капуста*).

197. Одна седая старушка одета в сорок шуб.
(*Капуста*).

198. Адай іспес хара суг.
(*Арага*).

198. Родниковая вода, которую не пьет собака.
(*Вино*).

АНЪНАЧАНЪ ПАЗА ПАЛЫХТАЧАНЪ ТИРІГЛЕР.

199. Позы пір тудым, табызы таг талапча.
(*Мылтых*).

ОРУДИЯ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА.

199. Собой одна горсть в обхвате, а голос горы пронизывает.
(*Ружье*).

[1] Вода—масло; берег—край посуды, в которой варят.

200. Ічезіненъ пурун палазы төріпче.

(*Сүген*).

201. Өрге салза, кістебес, өленъе салза, оттабас.

(*Сана*).

202. Сырлыг ибге кіріп, сыгар чир таппадым.

(*Сүген, палых*).

203. Турам көзенеемненъ сых-пари.

(*Сөзірбе*; „*тура*"—*дуг*).

204. Том чиріне парабас, тобрах оостап килдім.

(*Тар*).

205. Тастынъ үстінде киндір өсче, киндір үстінде агас өсче.

(*Сөзірбе*).

206. Хыйыт ла тізе, хыыли түсче, тимір тайагы тазыли түсче.

(*Соган*).

207. Чол пілбес чолчанах, чобалбазанъ аны тап.

(*Сана*).

208. Сугзар чохыр адым кір-парир.

(*Сөзірбе*).

209. Пазы—агас, азагы—тас.

(*Сөзірбе*).

210. Таға сыхса, талбас, талган пирзе, чібес.

(*Сана*).

211. Табылгыча сыныг, таг өтре табыстыг.

(*Пырги*).

200. Ребенок родится рань
ше матери.

(*Верша и ее внутренн*
конус

201. В табун пустишь—н
ржет, на траву отпус
тишь—не пасется.

(*Лыжа*

202. Войдя в крашеную юр
ту, выхода не наше

(*Верша и рыба*

203. Моя изба из окна вы
ходит.

(*Сети. В значена*
избы—вода

204. Отправившись в Томск
я нагреб там земли.

(*Порох из Томска*

205. Поверх камня конопл
растет, а поверх коноп
ли дерево растет.

(*Нево*

206. Стоит только гукнуть—
прожужжит и желез
ным бадогом прогремит

(*Стрела, пущенная из лука*

207. Ласка никогда не нуж
дающейся дороги, если
не затрудняешься—по
пробуй отгадай, что эт

(*Лыжи*

208. Мой чубарый конь по
лез в воду.

(*Невод*

209. Голова[1] деревянная
а ноги каменные.

(*Невод*

210. Поднимаясь на гору, н
утомляется, если дать
талкан[2], то не ест.

(*Лыжа*

211. Ростом с таволожник,
голос слышится сквоз
горы.

(*Рог для приманки звер*

[1] „Голова"—поплавки; „ноги"—грузила.
[2] Талкан—(голокно) мука из поджаренного зерна.

АТ ТИРИИНЕНЪ КӨЛІГ.

212. Хытаттанъ садып алған хыймамны хырых чыл тайнап тооспадым.
(*Сугулух*).

213. Чис чайнигым сылаза, читі чир алтынанъ истілче.
(*Санъ*).

214. Чатса, оттанъ чабыс, Турза, аттанъ пӨзік.
(*Тӯгее*).

215. Чолданъ сыхпас чохыраам.
(*Терпек*).

216. Чайғыда ойда чатча, хысхыда аалға чӨрче.
(*Соор*).

217. Тепсем — тимір, одырзам — оймах.
(*Изер, ізеньe*).

ИБДЕГІ ЖИВОТНАЙЛАР.

218. Игір ағасха хар чухпас.
(*Мӯс*).

219. ТӨрт оол тӨӨле кӯченпарирлар, пір оол чаа пастап парир.
(*Ат: „тӨрт оол" — азахтары, „пір оол" — хамчы*).

220. ТӨкпес алтында тӨрт халас.
(*Інек имчегі*).

221. ТӨге алтында тӨрт терпек.
(*Ат туйғахтары*).

222. Син аар одыр, мин синінъ орнынъа одырим.
(*Париган аттынъ ізі*).

223. Харағы пар, тигір кӨрбинче; хулағы пар, турбаанда испинче.
(*Сосха*).

СБРУЯ И УПРЯЖЬ.

212. В Китае купленный сычуг за сорок лет не изжевал.
(*Удила*).

213. Если мой медный чайник зашумит, его за три девять земель слышно.
(*Колокольчик*).

214. Ляжет — ниже травы, а встанет — выше коня.
(*Дуга*).

215. Моя неструшка никогда не сходит с дороги.
(*Колесо телеги*).

216. Летом на спине лежит, а зимой в гости ездит.
(*Сани*).

217. Наступлю — железо, а сяду — яма.
(*Седло и стремя*).

ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ.

218. К кривому дереву снег не пристает.
(*Рога*).

219. Четыре парня бегут — стараются, а один парень войну начинает.
(*Лошадь и плетка*).

220. Под одной чуркой четыре калача.
(*Соски коровы*).

221. Под бревном четыре колеса.
(*Копыта лошади*).

222. Ты садись дальше, а я сяду на твое место.
(*Следы идущего коня*).

223. Глаза есть, а неба не видит, уши есть, но если не остановится — не слышит.
(*Свинья*).

224. Алтын абдрам азыбыссам, ах торғым чайылча; ах торғым азыбыссам, көк торғым чайылча.

(*Мал сохханы*).

225. Суға кірзе, чібібес, суғданъ сыхса, хахсабас.

(*Ат туйғағы*).

226. Өлігденъ тіріг төрпче; тірігденъ өліг гөріпче.

(*Таньах палазы паза нымырха*).

227. Ит пөріктіг сіліг оолах иртен иртөк ырлапча.

(*Петух*).

228. Тап-тап азахтығ тамаанда тонъарчахтығ.

(*Таньах, анынъ погозы*).

229. Пір бочканынъ істінде ікі пасха пиво.

(*Таньах нымырхазы*).

РУССКАЙЛАРНИНА ТӨЙ СИСПЕКТЕР.

230. Холы чох, азағы чох—тахта пудірче.

(*Соох*).

231. Ах скатерть прай чирні чаап салған.

(*Хар*).

232. Хысхыда даа, чайғыда даа көк.

(*Сыбы*).

233. Азағы чох чүгүрчедір, ханады чох учухчадыр.

(*Пулут*).

234. Суға кірзе, патапинча, отха кірзе, көйбинче.

(*Пус*).

224. Если золотую шкатулку открою, то белый шелк стелется, если же белый шелк раскрою, то синий шелк валится.

(*Убой скотины*).

225. В воду залезет—не размокает, из воды вылезет—не рассыхается.

(*Копыта лошади*).

226. От мертвого живой родится; от живого мертвый родится.

(*Курица и яйцо*).

227. Красивый мальчик в шапке из мяса рано-рано поёт.

(*Петух*).

228. Ножками топ-топ, а в горле мешочек.

(*Курица и ее зоб*).

229. В одной бочке пиво двух сортов.

(*Яйцо*).

ЗАГАДКИ, АНАЛОГИЧНЫЕ РУССКИМ.

230. Без рук, без ног, а мост строит.

(*Мороз*).

231. Белая скатерть всю землю покрыла.

(*Снег*).

232. И зимой и летом зеленая.

(*Елка*).

233. Без ног, а бегает, без крыльев—летает.

(*Облако*).

234. В воде не тонет, в огне не горит.

(*Лёд*).

■35. Азағы чоғыл, холы чоғыл хоостап салча.

(*Көзенектегі хро*).

■36. Чайғыда тоннығ, хысхыда чалаас.

(*Пүрліг ағас*).

■37. Чайғыда даа, хысхыда даа пір киптіг.

(*Харағай*).

■38. Азағы чоғыл — килче, тілі чоғыл — чоохтапча.

(*Письмо*).

■39. Чирі синелбеен, хойы саналбаан, пастуғы мүстіг.

(*Тигір, чылтыстар, ай*).

■40. Ахсы тілі чоғыл, чоохтасча.

(*Книга*).

■41. Тадылығданъ тадылығ нимедір?

(*Үйғу*).

■42. Табрахтанъ табрах, нимедір?

(*Сағыс*).

■43. Төрт харындас пір хур хурчан-салған.

(*Стол азахтары*).

■44. Төрт харындас пір пөріктіг.

(*Стол*).

■45. Ортызында от көйче, ибре хринда суғ ахча.

(*Самовар*).

■46. Өртек суғда, хузуруғы чарда.

(*Хамыс, көпчек*).

■47. Азағы чоғыл, холы чоғыл, көгенек кисче.

(*Подушка*).

235. Без рук, без ног, а рисует.

(*Заиндевевшее окно*).

236. Летом в шубе, а зимой голый.

(*Лиственное дерево*).

237. И летом и зимой в одной одежде.

(*Сосна*).

238. Без ног – приходит, без языка, а рассказывает.

(*Письмо*).

239. Земля не измерена, овцы не считаны, а пастух рогатый.

(*Небо, звезды, луна*).

240. Ни рта, ни языка не имеет, а разговаривает.

(*Книга*).

241. Что слаще всего?

(*Сон*).

242. Что быстрее всего?

(*Мысль*).

243. Четыре брата одним кушаком опоясаны.

(*Ножки стола*).

244. Четыре брата под одной шапкой стоят.

(*Ножки стола*).

245. В середине огонь горит, а вокруг вода бежит.

(*Самовар*).

246. Утка в море, хвост на заборе.

(*Ковш*).

247. Без рук, без ног, а рубашку носит.

(*Подушка*).

248. Көзенегі чох көк тура.

(Арбуз).

249. Түнүгі чоғыл, ізігі чоғыл, істінде кізі толдыра.

(Арбуз).

250. Чүс киптіг, пір ілбіктіг.

(Капуста).

251. Парча, парча чолы чоғыл, кисче, кисче ханы чоғыл.

(Сугча парчатхан киме).

248. Зеленый дом не имеет окон.

(Арбуз)

249. Без трубы и без дверей, а внутри полно людей.

(Арбуз)

250. Сто одежек—одна застежка.

(Капуста)

251. Едет, едет—следу нет, режет, режет — крови нет.

(Лодка, плывущая по реке)

Н. А. БАСКАКОВ,
доктор филологических наук.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА.

Великая Октябрьская социалистическая революция и ленинско-сталинская национальная политика возродили и сплотили хакасский народ в единую национальность с единым литературным языком. Хакасский народ в условиях братского содружества народов Советского Союза развивает свою национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру.

До образования Хакасской автономной области хакасский народ был раздроблен на несколько племен, имевших различные этнические связи с другими племенами и народами, свои этнографические особенности и свои племенные языки. Основными племенами, вошедшими в состав хакасского народа, являются: сагайцы, бельтыры, качинцы (с камасинцами), койбальцы и кызыльцы (с кюэрикцами). Современные хакасы, таким образом, являются живым примером объединения и консолидации в условиях социализма в единый народ различных по происхождению и языку племен.

Соответственно племенам, вошедшим в состав хакасского народа и современный хакасский народный язык состоит из нескольких диалектов, исторически восходящих к различным племенным языкам.

До объединения хакасов в единую национальность не было литературного хакасского языка. Существовали лишь отдельные языки или наречия: сагайское, бельтырское, качинское (с камасинским), койбальское, кызыльское (с кюэрикским) и шорское.

Итак, современный хакасский литературный язык является результатом консолидации хакасских племен и языков в единый национальный хакасский язык, являющийся ныне государственным языком Хакасской автономной советской социалистической области.

Хакасский язык входит в состав тюркской системы языков и относится к восточному ее разделу или подразделению,

т. е. к той части языков, которые развивались в составе племен и племенных союзов, входящих последовательно в восточно-хуннский племенной союз, восточно-тукюйский каганат и древне-уйгурское государство.

Из трех групп, составляющих восточное подразделение тюркских языков: 1. Тукюйской, к которой относится тукюйский язык (язык древне-орхонских надписей); 2. Киргизско-кыпчакской, к которой относятся современные киргизский и алтайский языки и 3. Уйгурской, самой большой группы — хакасский язык, вместе с современными живыми языками: тувинским, шорским, якутским, северными диалектами алтайского языка (туба, кумандинским и чалканским) и ганьсуйскими диалектами ново-уйгурского языка (сары-уйгурским и саларским); мертвым древне-уйгурским языком, относящимся также к последней Уйгурской группе.

Обладая общими признаками, характеризующими всё восточное подразделение тюркских языков: а) преимущественным наличием вторичных долгот; б) чередованием согласных **й—д—т—з** в словах типа **айак, адак, азак** «нога»; в) слабой дифференциацией глухих и звонких согласных фонем и преимущественным начальным глухим согласным; г) значительными следами скрещения с монгольскими, остяцкими и другими языками восточной Сибири и проч., а также общими признаками для Уйгурской группы тюркских языков: а) наличием чередующихся согласных **д—т—з** вместо **й** в других языках; б) наличием фонемы **ч** в позиции начального **й** других языков (**чол** вм. **йол** «путь, дорога») и проч., хакасский язык в совокупности всех объединяемых им диалектов имеет также и свои специфические черты, выделяющие его из других языков, составляющих Уйгурскую группу.

К характерным чертам современного литературного хакасского языка относятся следующие признаки: а) наличие трех узких негубных гласных фонем: **ы, и, і**, при общем составе других кратких и долгих гласных в языках данной группы[1]; б) отсутствием согласной фонемы **ш—ж**, что сближает его с якутским языком, в) характерным согласным **з** из чередующихся **й—з—д—т**, напр. в слове **азак** «нога», вм. **айак** в киргизском, **адак** в тукюйском, древне-уйгурском, карагасском и тувинском, **атах**—в якутском и прочее.

[1] Этот признак является общим и для татарского и башкирского языков, с которыми хакасский язык имеет весьма древние связи, а не непосредственное влияние в недавнее время, как думают некоторые ученые. Характерной особенностью, связанной с данным признаком, является и общее соответствие гласных: хак. тат. **и**—**е** в других языках, например, хак. **пис**, тат. **биш**—**беш бес** «пять» в других языках, но различие в соответствии **у—о**, например, тат. **кул**, хак.—**хол** «рука».

Однако, как уже отмечалось выше, хакасский язык не является монолитным языком, но распадается на несколько диалектов, которые также характеризуются особыми признаками, нередко отличными от современного литературного языка и сближающими отдельные диалекты хакасского языка с другими языками Уйгурской группы: шорским, тувинским и проч.

Классифицируя современные диалекты хакасского языка по признакам фонетико-морфологическим, выражающим лексико-семантические и синтаксические особенности, можно установить наличие двух групп диалектов. Первая группа Сагайско-бельтырская или группа свистящих диалектов состоит из современного сагайского диалекта и ассимилированного им, когда-то самостоятельного, бельтырского диалекта. Эта группа характеризуется ныне следующими общими признаками: а) отсутствием в словах основного фонда незаимствованной лексики шипящих согласных **ш—ж** и замещение их свистящими **с—з**. По данному признаку сагайский и бельтырский диалекты сближаются только с якутским языком, что подтверждает предположение В. Л. Серошевского об этнической общности сагайцев (сагай) и якутов (саха);[1] и б) переход **ч—ш—с** в конце слова, например, **ас**—вместо **ач—аш**—«открывать»—явление общее для бельтырского и сагайского диалектов, а также для якутского и башкирского языков, что также свидетельствует о древнейших связях этих языков, а не новейшим влиянием этих языков друг на друга.

Здесь мы коснулись только двух, наиболее характерных признаков сагайского и бельтырского диалектов, выделяющих их в особую группу свистящих диалектов хакасского языка.

Вторая группа — Качинско-койбальско-кызыльская или группа шипящих диалектов состоит из 1) качинского (вместе с камасинским диалектом), 2) койбальского (ныне ассимилированного, с одной стороны, сагайским, а с другой, качинским диалектом), 3) кызыльского (вместе с кюэрикским диалектом), который занимает несколько обособленное положение в современном хакасском языке, и, наконец, 4) шорского диалекта, по существу сближающегося с соседним шорским языком, имеющим свою систему диалектов и говоров.[2] Если первая группа свистящих диалектов по существу слилась ныне в один сагайский диалект с общими признаками, то группа современных шипящих диалектов хакасского языка ныне

[1] В. Л. Серошевский, Якуты, т. I, СПБ, 1896 г. См. специальную главу «О южном происхождении якутов» стр. 183—210.

[2] Н. П. Дыренкова, Грамматика шорского языка, Москва, Ленинград, 1941 г.

также разделяется только на три самостоятельных диалекта: качинский, кызыльский и шорский.

Все три диалекта отличаются от первой группы свистящих диалектов указанными выше признаками: а) наличием фонем **ш—ж**, б) наличием **ч—ш** в конце слов вместо **с** в свистящей группе, т. е., например, **ач—аш** вместо **ас**—«открывать». Вместе с тем каждый диалект имеет свои отличительные друг от друга признаки.

Качинский диалект характеризуется: а) наличием **ч** во всех позициях в слове вместо перехода этого звука в **ш** в других диалектах данной группы и **с** в группе свистящих диалектов, т. е., например, **чачым** «мои волосы», вместо **шешім** в кызыльском, **шажым** в шорском и **сазым** в сагайском диалекте и литературном языке; б) наличием большого количества стяжений сочетаний гласных и согласного **г** в долгие гласные, например, **азаам** „мои ноги" вместо **азағым** в сагайском диалекте; в) менее выраженной губной гармонией гласных, чем в других диалектах.

Кызыльский диалект характеризуется: а) преимущественной заменой согласного **ч** согласным **ш—ж** во всех позициях в слове, например, **шашым—шажым** «мои волосы», вместо **чачым** в качинском и **сазым** в сагайском диалекте и литературном языке; **шар** «берег», вместо **чар** в качинском и сагайском; **кижи** «человек», вместо **кізі** в сагайском диалекте и литературном языке; **шын** «правда», **сын** в сагайском диалекте и литературном языке; **тӧжек** „постель", вместо **тӧзек** в сагайском диалекте и литературном языке; б) более выраженной губной гармонией гласных и, в частности, огублением **е** в позиции после **ӧ** и **ӱ**, например, **ӧлзӧ** «если он умрет» вместо **ӧлзе** в других диалектах; **кӱнгӧ** «дню», вместо **кӱнге** в других диалектах.

Что касается шорского диалекта, то последний, как уже отмечалось, имеет общие признаки с существующим самостоятельно шорским языком.[1]

Итак, современный хакасский язык является результатом объединения нескольких племенных языков. В основу современного хакасского литературного языка положены два диалекта—сагайский и качинский. Однако развитие хакасского языка идет по линии наибольшего использования, как грамматических, так и лексических богатств всех диалектов.

Для более успешного освоения этих богатств необходимо более тщательное изучение всех диалектов хакасского языка. Эта большая и полезная работа начата хакасскими специалистами по языку. Для планомерного и эффективного

[1] Н. П. Дыренкова, Грамматика шорского языка, Москва, Ленинград, 1941 г.

изучения диалектов, а также для изучения сдвигов, которые произошли в языке за последнее время, необходимо также использовать и то научное наследство, которое оставлено учеными дореволюционной России. Это наследство должно быть освоено главным образом в части значительного и относительно точного фактического материала по диалектам хакасского языка, накопленного русскими учеными, так как совершенно естественно, что после тех огромных сдвигов в сознании и науке, которые произошли после Великой Октябрьской социалистической революции, методологическая сторона этих дореволюционных исследований в полной мере устарела.

Описание и изучение хакасского языка и хакасских диалектов началось в середине XIX века. Как по объекту, так и по характеру изучения все работы, посвященные хакасскому языку, разделяются на две группы: а) исследования по хакасским диалектам, относящиеся к дооктябрьскому периоду и б) исследования по хакасскому языку и хакасским диалектам, относящиеся к послеоктябрьскому периоду.

До Великой Октябрьской социалистической революции изучение и описание диалектов хакасского языка велось главным образом в плане собирания эмпирического материала по отдельным наречиям вне их увязки между собой, изолированно друг от друга, в аспекте сравнения с другими такими же изолированными наречиями. Все исследования дооктябрьского периода поэтому представляли собой либо тексты по данному наречию с переводами и, в лучшем случае, с некоторыми комментариями, либо сравнительные сопоставления фактов данных наречий с фактами других наречий без обобщения и постановки вопросов истории развития данных наречий и отдельных грамматических категорий в связи с историей данных конкретных народов и племен.

Крупнейшими дореволюционными учеными-исследователями наречий и диалектов, которые позже легли в основу хакасского языка, были исключительно представители русской науки: М. А. Кастрен, В. В. Радлов, В. И. Вербицкий, Н. Ф. Катанов и другие.

Первым по времени исследователем хакасских наречий был известный угрофинновед и тюрколог М. А. Кастрен. Во время своего продолжительного путешествия по Сибири, описанного им в «Путешествии в Сибирь в 1845—1849 годах», изданном его друзьями уже после смерти ученого в 1856 году, а затем в 1860 году переизданном на русском языке,[1]

[1] М. А. Кастрен, «Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири в 1838—1844, 1845—1849 годах», Собрание старых и новых путешествий, часть II, Москва, 1860.

М. А. Кастрен собрал обильный материал по хакасским наречиям, на основе которого им было опубликовано большое исследование о койбальском и карагасском наречиях.[1]

Хотя основной целью М. А. Кастрена было изучение самоедов на всем протяжении его путешествия, тем не менее им были собраны значительные материалы также и по другим сибирским наречиям. «Разыскания о происхождении самоедов и енисейских остяков,—пишет он,—завели меня в область языков тюркского и монгольского».[2] Но главное внимание после самоедов было сосредоточено А. М. Кастреном на хакасских племенах и наречиях. «Из прочих сибирских народов,—пишет он,—особенно занимали меня минусинские татары, как нравами и обычаями, так и религиозными их понятиями».[3]

В исследовании М. А. Кастрена, посвященном койбальскому и карагасскому наречиям, дано подробное описание этих наречий в сравнительном плане. Кроме введения, дающего общие сведения о данных наречиях и отношении их к другим наречиям, в работе дан очерк фонетических и морфологических особенностей койбальского и карагасского наречий. Позже Н. Ф. Катановым были изданы в академической транскрипции тексты и словарь койбальского диалекта по материалам, собранным М. А. Кастреном.

В своих работах М. А. Кастрен развивает гипотезу о том, что койбалы, карагасы и сойоты (урянхайцы, тувинцы), представляют собой небольшие самоедские и енисейско-остяцкие племена, ассимилированные более крупными тюркскими племенами. Проблема происхождения сибирских племен, имеющих самоназвание туба (тува, тума, туфа и проч.), к которым относятся тувинцы, карагасы, часть качинцев, черневые татары или тубалары Горно-Алтайской автономной области и проч., до сих пор не разрешена окончательно, хотя и ставилась неоднократно в различных работах исследователями Сибири.[4]

[1] М. А. Кастрен, Опыт изучения койбальского карагасского языков... СПБ, 1857.

[2] М. А. Кастрен, Путешествие... стр. 475.

[3] М. А. Кастрен, Путешествие... Донесение в Императорскую Академию Наук, стр. 475—476.

[4] И. Г. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 3, СПБ; 1799; Ю. А. Гагемейстер, Статистическое обозрение Сибири, ч. 2, СПБ; 1859; Н. А. Костров, Очерки быта минусинских татар. Труды IV Археологического съезда, Казань, 1884; Е. К. Яковлев, Этнографический обзор инородческого населения южного Енисея... Минусинск, 1900, Г. Ф. Миллер, История Сибири. 1937; 1941; т. I и II И. Е. Фишер, Сибирская история... 1774 и др.

Работы М. А. Кастрена в значительной мере уже устарели не только в теоретическом (не говоря уже о методологии) отношении, но и в части фактического материала, который имеет ныне только историческое значение образцов хакасского языка, относящихся к середине XIX века.

Кроме филологических работ, представляющих большой интерес для истории хакасского языка, М. А. Кастрен записал также большое количество фольклорных текстов и собрал огромный этнографический материал, который частично опубликован только после смерти ученого.[1]

Еще более значительные материалы и исследования по хакасским диалектам принадлежат крупнейшему тюркологу академику В. В. Радлову. В его многотомном собрании образцов фольклора тюркских народов и племен, из наречий, легших в основу хакасского языка, представлены: сагайский, койбальский, качинский и бельтырский диалекты,[2] которые позже были обработаны В. В. Радловым в лексикологическом плане в виде сравнительного словаря[3] и в грамматическом плане в виде специальных исследований, посвященных сравнительной фонетике[4] и сравнительной морфологии[5] тюркских языков.

Работы В. В. Радлова в части фактического материала отличаются большой точностью отражения особенностей языка хакасских племен, хотя не лишены и некоторых ошибок в транскрипции. Все тексты им были записаны относительно точной транскрипцией и все грамматические факты проверены у живых носителей данных наречий.

В. В. Радлов, точно также, как и М. А. Кастрен, собрал огромный этнографический материал, относящийся к тюркским племенам, входящим ныне в состав хакасского народа[6].

Обширные по своему объему и охвату фактов лингвистические и этнографические работы академика В. В. Радлова имеют теперь главным образом исторический интерес. Его диалектологические записи, отличаясь относительно точной, в пределах созданной им транскрипции, передачей фонетиче-

[1] М. А. Кастрен, Путешествие... См. также подробную библиографию и сведения о М. А. Кастрене, Сборник «Памяти М. А. Кастрена», Лнгр. 1927.

[2] В. В. Радлов, Образцы народной литературы северных тюркских племен, Том II, СПБ, 1868 г.; см. рецензию В. И. Вербицкого, «Алтайские инородцы», Москва, 1893 г.

[3] В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, I—IV; СПБ; 1888—1911.

[4] В. В. Радлов, Фонетика северных тюркских языков, Лейпциг, 1882—1883.

[5] См. рецензию В. Д. Смирнова, журнал министерства нар. просвещ. XI, 1884.

[6] В. В. Радлов, Из Сибири, Лейпциг, 1893.

ских особенностей описанных им наречий, представляют собой весьма ценный фактический материал, относящийся к средине и концу XIX века, который может быть положен в основу исторического изучения хакасского языка, его развития и тенденций этого развития. С теоретической же стороны анализ лингвистического материала, как в основных своих положениях, так и в деталях, уже в значительной мере устарел и может быть только критически использован в современных работах, посвященных диалектологии и грамматике хакасского языка.

Особую школу изучения хакасских наречий и других языков Алтая составляют ученые—миссионеры. Ставя перед собой практические задачи освоения языков населения Западной и отчасти Восточной Сибири, миссионеры добились значительных успехов в изучении хакасских и других алтайских наречий. Однако знание живых наречий и теоретическое изучение их было направлено на практическое использование в узких миссионерских целях обращения темной тогда массы хакасов и других народов в христианство. В качестве практических мероприятий в области языка следует указать, в частности, на создание миссионерами первого хакасского алфавита и хакасской письменности, которая, конечно, была разработана не для широкой массы хакасского народа, а только для издания церковных книг и преподавания основ христианской религии в церковных начальных школах. За время своей деятельности на Алтае со средины XIX века миссионеры успели издать значительное количество книг и в том числе несколько книг на диалектах хакасского языка.[1]

Крупнейшими представителями ученых миссионеров, занимавшихся практическим и теоретическим изучением хакасских наречий, являются С. Ландышев,[2] который занимался в большей степени организационной деятельностью в части переводов и издания церковной литературы на языках народов Алтая, и В. И. Вербицкий, крупнейший из миссионеров-знатоков алтайских наречий.

В. И. Вербицкий, ведя активную миссионерскую деятельность, вместе с тем оставил также и несколько специальных работ по языку и этнографии хакасов, шорцов, алтайцев и других алтайских племен. Крупнейшими его работами в области изучения языка являются—«Грамматика алтайского язы-

[1] Беседы готовящемуся к святому крещению об истинном боге и истинной вере (на наречии абаканских инородцев...), Томск, 1893.

Житие и страдания священномучеников Киприяна и Устины (на наречии абаканских инородцев), Томск, 1899.

[2] С. Ландышев, Сведения об алтайской духовной миссии за шесть лет 1856—1862 г.

ка»,[1] одним из основных авторов которой он являлся, а также не потерявший до настоящего времени своего научного значения сравнительно-диалектологический словарь тюркских языков Алтая.[2] Основной же работой этнографического характера является сборник «Алтайские инородцы»,[3] куда вошли наиболее крупные его статьи этнографического и филологического характера и в том числе весьма интересная рецензия на работу В. В. Радлова «Образцы народной литературы северных тюркских племен».

Работы В. И. Вербицкого, кроме «Грамматики алтайского языка» и «Словаря алтайского и аладагского наречий...», которые, и в особенности первая, были подвергнуты значительной переработке специалистами тюркологами и в первую очередь Н. И. Ильминским, страдают значительными недостатками, неточностью записи текстов, их перевода и толкований. В меньшей степени подвержены этим недостаткам указанные выше его две филологические работы, которые сыграли значительную роль в развитии не только отечественной, но и зарубежной науки о языках тюркской системы. Совершенно очевидно, что труды миссионеров и, в том числе, работы В. И. Вербицкого, также имеют сейчас только историческое значение, а этнографические его работы и записи фольклора требуют весьма критического подхода.

Крупнейшим представителем дооктябрьского хакасоведения является безусловно Н. Ф. Катанов[4]—профессор Казанского университета, автор многочисленных трудов по языку, этнографии и фольклору тюркских народов.

Наиболее известным и крупным исследованием Н. Ф. Катанова, непосредственно касающимся вопросов хакасского языка и диалектов, является прежде всего его капитальный труд «Опыт исследования урянхайского языка...»,[5] представляющий собой сравнительную грамматику тюркских языков, в которой среди 48 различных тюркских наречий и языков представлены также и все диалекты хакасского языка и наречия смежных племен и народов. Эта работа Н. Ф. Ка-

[1] Грамматика алтайского языка, составлена Членами Алтайской духовной миссии, Казань, 1869 г.

[2] В. И. Вербицкий, Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка, Казань, 1884; см. рецензию В. В. Радлова, записки Восточн. отд. т. III, 1888.

[3] В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы», Москва, 1893 г.

[4] (Н. Ф. Катанов был монархистом по убеждению, реакционером в науке—редактор Н. Г. Доможаков).

[5] Н. Ф. Катанов, Опыт исследования урянхайского языка..., Т. I, II, Казань, 1903; см. рецензию П. Мелиоранского в Записках Вост. Отд. т. XV, 1903 г.

танова не имеет себе равных по широте охвата лингвистического материала. В ней представлены фактические сведения по всем известным науке его времени тюркским языкам. Она служит сейчас прекрасным и достоверным справочником по отдельным фактам конкретных тюркских языков.

Вместе с тем данная работа Н. Ф. Катанова, несмотря на обилие привлеченного материала, не разрешает и не пытается разрешить не только основные вопросы истории развития конкретных тюркских языков, но и историю развития отдельных грамматических категорий. Работа является собранием и описанием отдельных фактов и явлений конкретных языков тюркской системы вне связи их между собой. В этом заключается основной недостаток этого капитального сочинения.

К этой же группе специальных работ Н. Ф. Катанова, посвященных хакасскому языку, следует отнести замечательное собрание текстов по основным хакасским диалектам: качинскому, койбальскому, бельтырскому, сагайскому, а также соседних народов карагасов и тувинцев, опубликованных в качестве IX тома радловской серии «Образцов народной литературы тюркских племен».[1] Эта работа имеет также исключительное значение для изучения истории хакасского языка и диалектологии.

Кроме специальных лингвистических работ, посвященных изучению диалектов хакасского языка, Н. Ф. Катановым издано большое количество исследований, связанных с вопросами фольклора и этнографии хакасов и соседних с ними племен, которые имеют чрезвычайно важное значение для истории хакасов и хакасского языка. Среди этих работ можно встретить и весьма близкие по тематике к вопросам изучения хакасского языка[2]. Значительная часть работ Н. Ф. Катановым посвящена хакасскому фольклору.[3] Некоторые его работы имеют чисто этнографический характер, но снабжены

[1] Н. Ф. Катанов, «Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов», «Образцы народной литературы северных тюркских племен» изд. В. В. Радловым, том IX, СПб, 1907 год.

[2] Н. Ф. Катанов, Сагайское стихотворение, Известия общ. Арх. Ист. и Этнографии, т. XII, 1894, его же, Сагайские названия месяцев, Казань.

[3] Н. Ф. Катанов, Сказания и легенды Минусинских татар, 1887, его же—«Золотая кукушка»,СПб 1885, его же—Замечания о богатырских поэмах Минусинских тюрков, СПб, 1885, его же—Сказки Минусинских татар, СПб, 1885, его же—«Тюркские сказки о человеке, понимающем язык животных», Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. при Казанском университете, т. XIV, 1897, его же—Сагайская сказка о трех братьях-богатырях, Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. т. XII, 1894, его же—Предания Присаянских племен о прежних делах и людях, Сборник в честь Г. Н. Потанина, Записки Географ. Общ. по Отд. Этнографии, 1909 и др.

либо текстами, либо интересной для лингвиста лексикой.[1] Наконец, к последней группе относятся работы Н. Ф. Катанова общего характера, затрагивающие вопросы классификации хакасского и соседних с ним народов и племен, а также общие вопросы хакасского и других тюркских языков.[2]

Н. Ф. Катанов, таким образом, явился одним из основоположников изучения хакасского языка и хакасской культуры. Его труды содержат весьма ценный фактический материал, необходимый для современного хакасоведа.

На этом собственно и можно было бы закончить перечень дореволюционных исследователей и их трудов, посвященных изучению хакасского языка. Однако список их был бы не полон, если бы мы не отметили также некоторых крупнейших этнографов и историков, в трудах которых содержится весьма много ценных сведений для тюрколога, занимающегося языками тюркских народов Алтая, Восточной и Западной Сибири.

К этой группе работ можно отнести, во-первых, исследования историко-этнографического содержания, а именно, известную работу Н. Аристова о родо-племенном составе тюркских народов,[3] общую работу А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова о хакасских племенах, их истории и этнографии,[4] а также их фольклорные работы,[5] этнографические исследования Д. Клеменц[6] и Орфеева,[7] этнографические и фольклорные работы

---

[1] Н. Ф. Катанов, Бубен и колотушка шамана, Изв. Томск. Университета кн. II, 1890 г., его же—О погребальных обрядах у тюркских племен Центр. и Восточн. Азии, Изв. общ. Арх. и Этногр. Казань, 1894. и др.

[2] Н. Ф. Катанов, Этнографический обзор тюркско-татарских племен, Казань 1894, его же—Сагайские татары Минусинского округа, «Живая Старина», 1893, Вып. IV, Отчет о поездке в 1896 г. в Минусинский округ. Казань, 1897, его же—Письма из Сибири и Восточного Туркестана, СПб, 1893 и др.

[3] Н. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, «Живая Старина», 1897, вып. 3 и 4.

[4] А. А. Кузнецова и П. Е. Кулаков, Минусинские и ачинские инородцы, 1878.

[5] А. А. Кузнецова, 6 сказок минусинских татар, Изв. Вост. Сиб. Отд. ИРГО 1890, т. XXII, вып. 4 и 5, ее же—4 сказки минусинских инородцев. «Живая старина», 1898, Вып. 1, П. Е. Кулаков, К новейшей истории минусинских и ачинских инородцев, Красноярск. 1897.

[6] Д. Клеменц, Из поездки в Качинскую степь, Восточной об. 1885, № 47, ее же—Минусинская Швейцария и боги пустыни, Вост. Об. 1884, № 5, 7, 9, 12, ее же—Несколько бубнов минусинских инородцев, Зап. Вост. Отд. ИРГО, 1890.

[7] Орфеев, Брачные обряды у инородцев Минусинского округа, Енисейские Епархиальные Ведомости. 1885, № 23, его же—Суеверия и предрассудки у инородцев Минусинского округа, Енис. Епарх. Вед. № 40, 1886. его же—Похоронные обряды у инородцев Минусинского округа, Минусинск. Церков 1886, № 32, его же—Шаманство у инородцев Минусинского округа, Енис. Епарх. Вед., 1885, и др.

Н. Кострова,[1] Титова[2] и некоторые работы Г. Н. Потанина,[3] Е. К. Яковлева,[4] С. Патканова[5] и др.

Итак, все исследования по хакасскому языку дореволюционной эпохи представляют собой, главным образом, эмпирический текстовой, лексический и грамматический материал без теоретических обобщений и без отношения изучаемых хакасских диалектов к истории хакасского народа и к хакасскому литературному языку, что стало возможным только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Принципиально иными являются исследования по хакасскому языку в послеоктябрьский период. Вместе с объединением хакасского народа и образованием Хакасской автономной области перед лингвистами-тюркологами, специалистами хакасского языка был поднят вопрос о разработке хакасского литературного языка.

Советское языкознание способствует изучению конкретных языков и диалектов на более высоком теоретическом уровне, на основе марксистско-ленинской методологии. Как уже отмечено выше, огромным толчком для изучения хакасского языка явилось национальное самосознание хакасов, возрожденных Великим Октябрем и ленинско-сталинской национальной политикой. Наречия и диалекты на территории Хакасской автономной области стали рассматриваться уже не как отдельные, изолированные друг от друга наречия, а как диалекты единого национального хакасского языка, который возник вместе с консолидацией и объединением племен—их носителей в хакасскую национальность.

Вместе с изменением самого объекта изучения изменились и методы исследования и собирания материала. Вместо эмпирического сбора текстов, главное внимание было обращено на практические вопросы языкового строительства, на вопросы разработки основы литературного языка, изучения путей его развития, источников его обогащения и проч. На повестку дня ставятся вопросы разработки хакасского алфавита, который в дореволюционную эпоху претерпел много изменений,[6] составления правил хакасской орфографии, уста-

[1] Н. Костров. Качинские татары. Казанская губ. Вед. 1852, 32—37 39, 40. Его же—Песни минусинских татар. Енис. губ. вед. 1859, № 30 и др.

[2] В. Титов. Богатырские поэмы Минусинских татар. Этногр. Обозр. VI, СПб. 1858.

[3] Г. Н. Потанин. Инородцы Минусинского округа. Сиб. Вестн. 1889—90. его же—Качинские татары, изв. Имп. РГО т. XX, 1884, его же—Материалы для истории Сибири, Москва, 1867 и др.

[4] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор... Минусинск, 1900 г., Вып. VI.

[5] С. Патканов. Статистич.—данные... Зап. ИРГО, т. II, вып. 2.

[6] А. И. Инкижековой посвящена специальная статья вопросам развития хакасской письменности «Советская власть дала хакасам письменность (К истории развития хакасской письменности)». 1951 г. См. настоящие „Записки".

новления принципов разработки терминологии, составления учебников по родному языку для хакасских школ и двуязычных русско-хакасских и хакасско-русских словарей для переводчиков, и, наконец, разработки теоретических вопросов научной грамматики хакасского языка и хакасской диалектологии.

Вся эта значительная по объему научно-исследовательская и практическая работа проводилась, с одной стороны, специалистами-тюркологами в крупных научных центрах Москвы и Ленинграда, а с другой стороны, силами своих новых национальных кадров-филологов в столице Хакассии — Абакане.

К первой группе исследований, касающихся непосредственно хакасского языка, следует прежде всего отнести небольшую по объему, но весьма ценную в теоретическом отношении работу члена-корреспондента Академии Наук СССР, проф. С. Е. Малова и Ф. А. Фильеструпа «К изучению тюркских абаканских наречий».[1]

В данной работе на основе текстов, записанных в Хакассии Ф. А. Фиельструпом у качинцев, бельтыров и сагайцев, дан прекрасный комментарий проф. С. Е. Малова, занимавшегося сибирскими тюркскими наречиями еще на студенческой скамье.[2] Комментарии проф. С. Е. Малова касаются не только существа данных текстов, но и весьма интересных вопросов грамматики и, в частности, вопросов происхождения и развития некоторых грамматических категорий и форм, их выражающих.

Особенно интересны выводы и гипотезы проф. С. Е. Малова о происхождении аффикса деепричастия прошедшего времени **—абаас—эбээс; —ибаас—ибээс** в качинском диалекте, а также его замечания о различных формах основы прошедшего времени на **—джык —джик; —чык—чик; чук—чӱк**, т. е. о том, что данный аффикс в качинском и сагайском диалектах может присоединяться либо прямо к корню или основе (**келджик**), либо к деепричастию настоящего-будущего времени (**четтире—параджыкпыс**), либо к причастию будущего времени (**аларджыкпын**).

Весьма интересными и важными для развития науки о хакасском языке, хотя и написанные на старых методических основах, являются работы члена-корреспондента Акаде-

[1] С. Е. Малов и Ф. А. Фиельструп, К изучению тюркских абаканских наречий. Записки Коллегии Востоковедов, том. III, Вып. 2, 1928 г.

[2] С. Е. Малов. Отчет о командировке студента Восточного факультета Сергея Ефимовича Малова в Томскую и Енисейскую губернию в 1908 году, Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 9, 1909 г.

мии Наук СССР, проф. В. А. Богородицкого,[1] которые, однако, должны ныне использоваться в значительной степени критически с учетом тех огромных сдвигов, которые произошли в советском языковедении за последние годы.

Наконец, значительным достижением советской науки о хакасском языке следует считать «Грамматику хакасского языка», покойной Н. П. Дыренковой,[2] автора двух, ранее написанных ею грамматик алтайского и шорского языков.[3]

Все три грамматики Н. П. Дыренковой написаны на основе огромного, собранного ею, лингвистического и фольклорного материала и содержат весьма интересный и свежий тюркологический материал.

Грамматика хакасского языка, к сожалению, осталась не законченной и была издана уже после смерти автора. Она содержит только две части: фонетику и морфологию. Но тем не менее эта грамматика по общему признанию является исключительным по своему значению трудом, положившим начало научному изучению хакасского языка.

Наконец, последней из работ этой группы является труд Ф. Г. Исхакова, Д. Ф. Коковой и А. Т. Казанакова. «Орфография хакасского литературного языка»,[4] которая явилась большим стимулом для установления норм хакасского литературного языка и для дальнейшего его развития.

Необходимые для изучения хакасского языка сведения по истории, этнографии, археологии и этногенезу хакасов мы находим в прекрасных историко-этнографических и археологических монографиях проф. Н. Н. Козьмина[5], проф. Л. П. Потапова[6] и, в особенности, в работах С. В. Киселева,[7] удостоенного звания лауреата Сталинской премии.

В настоящее время, когда Хакассия обладает уже своими высококвалифицированными кадрами филологов, кандидатов наук, основным центром научной работы по хакасскому языку становится Хакасский научно-исследовательский институт в Абакане. Начиная с 1939 года местные хакасские филологи издали не только учебники по языку для начальной

[1] В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание (дана классификация языков тюркской системы и, в том числе, хакасских диалектов. Казань, 1934, его же—Закочы сингармонизма в тюркских языках, сборник Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933, и др.

[2] Н. П. Дыренкова, Грамматика хакасского языка, Абакан, 1948 г.

[3] Н. П. Дыренкова, Грамматика ойротского языка, Москва, Ленинград. 1940, ее же, Грамматика шорского языка, Москва, Ленинград, 1941 г.

[4] Орфография хакасского литературного языка, Абакан, 1947 г.

[5] Н. Н. Козьмин, Хакасы, Иркутск, 1925 г.

[6] Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, Новосибирск, 1948; его же—Этнический состав сагайцев, „Советская Этнография", № 3, 1947.

[7] С. В. Киселев, Разложение рода и феодализма на Енисее, Ленинград, 1933, его же—Древняя история южной Сибири, М. Л. 1949.

и средней школы, но и развернули большую научно-исследовательскую работу в области истории, диалектологии, грамматики и лексикологии хакасского языка, а также в области фольклора и хакасской литературы.

Одним из крупнейших специалистов по хакасскому языку является один из создателей хакасской письменности А. Т. Казанаков—автор многочисленных учебников и учебных пособий по хакасскому языку. А. Т. Казанаков впервые стал известен широкому кругу тюркологов изданием своего учебника хакасского языка для русских.[1] Учебник А. Т. Казанакова не только дает учебный материал в виде кратких хакасских текстов и списка слов к ним, но и излагает также систематические сведения по грамматике хакасского языка, которые, после объединения хакасских диалектов в единый литературный язык, являются первыми сведениями по нормативной грамматике хакасского языка.

А. Т. Казанаков является также одним из участников разработки первого хакасского алфавита и автором большинства учебников по родному хакасскому языку для начальной и средней школы. Кроме элементарных учебников для начальной школы,[2] которые интересны главным образом с методической стороны, среди учебных пособий, им составленных, имеются также работы, представляющие несомненно и научное значение. К последним следует отнести «Орфографию хакасского языка»,[3] интересную ныне только в качестве материалов по истории развития хакасского литературного языка и хакасской письменности, т. к. ныне, как уже отмечалось выше, приняты иные, новые нормы хакасской орфографии, а также «Грамматику хакасского языка» часть II, Синтаксис,[4] которая интересна, как один из первых опытов разработки хакасского синтаксиса.

Вторым ведущим хакасским лингвистом является директор Хакасского научно-исследовательского института, кандидат филологических наук Н. Г. Доможаков—автор также нескольких учебников и учебных пособий, а также специальных исследований по истории и диалектологии хакасского языка.

[1] А. Т. Казанаков, Учебник хакасского языка для русских, Абакан 1937.

[2] А. Т. Казанаков, Букварь. I издание, 1939, и II издание, Абакан 1942, III издание, Абакан 1946 г.; его же Хакас тілінінъ учебниті, I и II части, Абакан, 1939г., его же—Правописаннеденъер упражнениелернінъ дорнигы Абакан, 1940 г. и др.

[3] А. Т. Казанаков, Хакасскай литературнай тілнінъ орфографиязы, Абакан, 1939.

[4] А. Т. Казанаков, Хакас тілінінъ грамматиказы, Абакан, 1942 (часть вторая, Синтаксис).

Кроме школьных учебников по хакасскому языку[1] для начальной школы, Н. Г. Доможаковым написаны также основные учебные пособия по систематической грамматике хакасского языка для средней школы, излагающие основы фонетики, морфологии и синтаксиса хакасского языка[2] и составлен значительный по объему первый «Орфографический словарь хакасского языка».[3]

Преследуя в первую очередь учебно-методические цели, автор в этих работах, вместе с тем, дал и относительно полные сведения по грамматике хакасского языка. Весьма значительный научный интерес представляет его специальное исследование по кызыльскому диалекту,[4] которое им было защищено в Ученом Совете Института русского языка и Института языка и мышления Академии Наук СССР в качестве кандидатской диссертации.

В этом исследовании Н. Г. Доможаков дает весьма подробное описание одного из диалектов хакасского языка — кызыльского, имеющего наибольшие расхождения с литературным хакасским языком, а также приводит весьма интересный текстовой и словарный диалектологический материал, собранный автором.

Работа Н. Г. Доможакова подводит итоги изучения этого диалекта, и дает новый, весьма интересный и фактический материал, являясь таким образом, хорошей монографией для специалиста-диалектолога.

Известными лингвистами—специалистами по хакасскому языку являются также Д. Ф. Кокова, один из авторов небольшого, школьного «Хакасско-русского словаря»[5] для начальных школ и обратного «Русско-хакасского словаря»,[6] составленных ею совместно с Ц. Д. Номинхановым и авторы школьных и методических пособий по хакасскому языку. И также И. Ф. Коков—автор учебников по хакасскому языку для начальных школ.[7]

Одним из молодых, но ведущих лингвистов-хакасоведов является недавно закончившая свою аспирантскую подготов

[1] Н. Г. Доможаков, Хакас тілі, Абакан, 1949. (учебник хакасского языка для 3 го класса).

[2] Н. Г. Доможаков, Хакас тілінінъ грамматиказы. Фонетика и морфология, I изд. 1940. и 2 изд 1947; его же, Хакас тілінінъ грамматиказы, Синтаксис, Абакан, 1948 и др.

[3] Н. Г. Доможаков, Орфографический словарь, Абакан, 1948.

[4] Н. Г. Доможаков, Кызыльский диалект хакасского языка (рукопись

[5] Ц. Д. Номинханов и Д. Ф. Кокова, Хакасско-русский словарь, Абакан 1948 г.

[6] Ц. Д. Номинханов, Русско-хакасский словарь, Абакан, 1948.

[7] И. Ф. Коков, Хакас тілінінъ грамматиказы, Абакан, 1949. (4 класс И. Ф. Коков и А. Т. Казанаков, Хакас тілінінъ грамматиказы (для 2 класса), Абакан, 1948.

у при Институте языка и мышления Академии Наук СССР, ныне кандидат филологических наук А. И. Инкижекова, автор весьма интересного исследования по сагайскому диалекту,[1] защищенного ею в качестве кандидатской диссертации в 1948 году на заседании Ученого Совета Института русского языка и Института языка и мышления Академии Наук СССР.

Работа А. И. Инкижековой посвящена описанию и исследованию одного из главных диалектов, положенных в основу современного хакасского литературного языка—сагайского диалекта. Монография А. И. Инкижековой по сагайскому диалекту, точно также, как и исследование Н. Г. Доможакова по кызыльскому диалекту, является значительным шагом вперед в деле теоретического изучения истории и диалектологии хакасского языка.

Обе монографии представляют собой большой вклад в диалектологию хакасского языка. Наличие такого рода описаний всех основных диалектов хакасского языка (сагайского, кызыльского, качинского, бельтырского, койбальского, а также соседних языков и наречий — карагасского, шорского, тувинского, северных диалектов алтайского языка: кумандинского, чалканского и туба), позволит установить общую картину распространения указанных диалектов и приступить к более детальному диалектологическому изучению отдельных говоров для составления диалектологического атласа Хакасской автономной области.

В заключение необходимо отметить некоторые значительные научные исследования и работы по смежной с проблемами языка тематике и, в частности, подготовленную старшим научным сотрудником Хакасского научно-исследовательского института М. А. Унгвицкой книгу «Хакасское стихосложение»,[2] которая одновременно является и кандидатской диссертацией автора, а также подготовленный к печати сборник хакасских пословиц, поговорок и загадок[3] и изданный институтом в 1946 году «Хакасский фольклор»—сборник героических сказаний и сказок.[4]

Сборники пословиц, поговорок и загадок, а также сборник героических сказаний и сказок представляют помимо художественной своей ценности также и прекрасный материал живого народного разговорного хакасского языка.

Все работы послеоктябрьского периода, как специалистов языковедов научных центров Москвы и Ленинграда, так и, в

[1] А. И. Инкижекова, Сагайский диалект хакасского языка (рукопись).
[2] М. А. Унгвицкая, Хакасское стихосложение (рукопись).
[3] Сборник пословиц, поговорок и загадок, под редакцией В. И. Доможакова (рукопись).
[4] Хакасский фольклор, Сборник под редакцией Н. Г. Доможакова и К. Манаргина.

особенности, местных специалистов Хакасской автономной области свидетельствуют о необычайном развитии изучения хакасского языка и в теоретическом плане и в плане практической разработки вопросов рожденного Октябрем национального хакасского литературного, письменного языка, которого до Октябрьской революции не было, да и не могло быть.

Всеми этими успехами хакасский народ обязан Великой Октябрьской социалистической революции и ленинско-сталинской национальной политике партии и правительства.

Однако, как хакасский литературный язык, так и научные исследования, посвященные ему—явление еще совсем новое. Планомерное изучение хакасского языка по существу только началось. Перед лингвистами хакасоведами стоят большие задачи изучения истории и диалектологии хакасского языка, его научной грамматики и лексики и, наконец, разработки практических вопросов хакасского литературного письменного языка.

Наиболее сложной и трудоемкой для изучения является проблема истории и диалектологии хакасского языка. Правда, уже в этой части проведена некоторая подготовительная работа. Из краткого обзора научной литературы по хакасскому языку видно, что собраны тексты не только по современным четырем диалектам: качинскому, сагайскому, кызыльскому и шорскому, но и по бельтырскому и койбальскому, которые ныне поглощены уже основными более мощными диалектами. По диалектам сагайскому и кызыльскому, а из прежних—по койбальскому имеются уже специальные монографические исследования.

Перед хакасскими языковедами стоят задачи монографического описания на основе новых достижений советского языкознания остальных диалектов качинского, шорского и бельтырского, а также изучения смежных наречий (кюэрикского, камасинского, карагасского) и языков (шорского, тувинского, северных диалектов алтайского: кумандинского, чалканского и туба).

Исследования по смежным, соседним языкам и наречиям должны вестись для изучения этнических и лингвистических связей между этими языками и наречиями в процессе их исторического развития. Материалы по диалектам хакасского языка, а также по смежным наречиям и языкам необходимы не только для более тщательного анализа собственно хакасских диалектов, но и для истории хакасского языка в целом, которая должна строиться в связи с экономической и политической историей хакасского народа, а вместе с ним и историей других народов СССР.

Общая постановка вопроса об истории хакасского языка и общий генеральный обзор диалектов хакасского языка

явится как бы первым концентром для более глубокого изучения вопросов истории и планомерного изучения говоров и диалектов по отдельным населенным пунктам и географическим районам для составления подробного диалектографического атласа Хакасской автономной области.

Второй большой проблемой является составление научной нормативной грамматики хакасского языка. Хотя в данной области науки о хакасском языке также уже предприняты некоторые шаги—имеются довольно полные учебники хакасского языка для средней школы, значительный фактический материал по фонетике и морфологии изложен в трудах академика В. В. Радлова и проф. Катанова, наконец, имеется и первая, правда не полная, описательная грамматика хакасского языка Н. П. Дыренковой—но все же, строго говоря, полная, исчерпывающая, не только историческая, но и описательная грамматика хакасского языка пока отсутствует в научной тюркологической литературе.

Необходимо как можно скорее мобилизовать все силы для разработки этой сложной, но насущно необходимой проблемы, успешное разрешение которой окажет значительную помощь хакасской школе и явится большим достижением в развитии национальной культуры.

Необходимыми пособиями для развития общения русского и хакасского народов между собою являются переводческие двуязычные Русско-хакасский и Хакасско-русский словари. Те небольшие школьные словарики, которые изданы в Хакассии, а также те небольшие по объему специальные работы в области хакасской лексикологии, каковыми являются словари В. В. Радлова (Опыт словаря тюркских наречий) и В. И. Вербицкого (Словарь алтайского и аладагского наречий) ни в какой степени не удовлетворяют возросшие потребности хакасского народа в пособиях этого типа. Могучее влияние русской культуры, потребность в переводах произведений классиков марксизма-ленинизма, художественной, общественно-политической и научной литературы, ставит перед хакасскими лингвистами задачу составления полных хакасско-русских и русско-хакасских словарей. Ныне ведется успешная работа по составлению того и другого словаря, которая в 1950—1951 годах будет закончена и насущная потребность в этом роде пособий будет удовлетворена. Однако с выпуском первого опыта переводческих словарей работа по хакасской лексикологии не должна приостанавливаться. Должны не только совершенствоваться и пополняться переводческие двуязычные словари, но и составляться другие типы словарей и, в первую очередь, полный толковый словарь хакасского языка.

Наконец, последним кругом вопросов, требующих постоянного внимания и систематического изучения, являются вопросы практического языкознания, вопросы дальнейшего совершенствования как письменного литературного языка (алфавит, орфография, терминология), так и устного, разговорного литературного языка (орфоэпия). Последняя проблема—выработка орфоэпических норм для устного литературного языка для хакасов, имеющих многодиалектную основу литературного языка, требует особого внимания, так как правильное произношение и установление норм произношения имеет не только общее значение для развития культуры данного народа, но и практическое значение — обучение детей в школе, язык сцены, язык радиовещания и прочее.

К вопросам практического языкознания следует также отнести еще две отрасли культурного строительства. Это прежде всего повышение культуры и техники перевода — задача весьма ответственная, если иметь в виду все более растущую потребность масс в переводах произведений классиков марксизма-ленинизма и научно-политической литературе, и, во вторых, улучшение работы по составлению учебников для начальной и средней школы и учебных и методических пособий для учащихся и учителей.

Переводы и составление учебников ведутся часто не на должном теоретическом уровне и не подвергаются систематическому контролю со стороны научной общественности. В результате этого язык некоторых переводов бывает весьма тяжелым, непонятным для широких масс трудящихся. То же следует сказать и про учебники, которые иногда страдают не только методическими недостатками, но нередко имеют также и ошибки фактического характера.

Научно-исследовательский институт Хакасской автономной области за короткий срок своего существования успешно развернул свою работу и имеет уже сейчас некоторые научные и практические достижения. Следует пожелать, чтобы в дальнейшей своей работе он учел также не только теоретические, но и все практические задачи, поставленные перед ним хакасским народом, касающиеся вопросов языка, его дальнейшего развития и расцвета в условиях братской дружбы советских народов во всем Советском Союзе.

Д. Ф. ПАТАЧАКОВА

ЗАМЕТКИ О ПЕРЕВОДЕ.

На переводческие кадры Хакассии ложится ответственнейшая задача—*ознакомить хакасов на их родном языке* произведениями классиков марксизма-ленинизма, произведениями классиков русской и советской литературы. Выполнить эту почетную и ответственную задачу может человек, который в совершенстве знает родной и русский языки, располагает достаточным словарным запасом того и другого языка, владеет вполне грамматиками названных языков.

Переводчик не технический работник, он проводит большую политическую работу. Плохой перевод общественно-политической и художественной литературы может принести большой вред делу коммунистического воспитания трудящихся. Надо помнить указание Белинского о том, что «переводы делаются не для одной забавы и не для одного эстетического наслаждения, но и для образования...»[1]

Теоретические обобщения практики хакасских переводчиков еще ждут своего исследователя.

Переводчику необходимо знать семантику каждого падежа русского языка при предложном и беспредложном управлении и соответственно—какой падежной формой нужно перевести его в хакасском языке, для чего необходимо знать семантику каждого падежа и родного языка.

В дальнейшем будет изложено о каждом падеже русского языка при предложном и беспредложном управлении и о соответствующих им падежных формах хакасского языка.

Родительный падеж. Родительному падежу русского языка соответствует по своему смысловому значению притяжательный (**тартылғы**) падеж хакасского языка. Но это соответствие неполное, поэтому необходимо указать, в каких смысловых значениях они соответствуют, и когда родительный падеж можно передавать притяжательным падежом.

[1] Белинский, В. Г., соч. т. 1, стр. 295, 1896.

Притяжательный падеж по своей семантике соответствует родительному принадлежности (дом отца, книга брата), родительному места с предлогами: **у, около, из-под, из-за, между, среди**; родительному причины с предлогом **„из-за“** также соответствует родительному принадлежности с предлогом **„у“** (у дуба, у отца и т. д.) и родительному цели с предлогами **„для“** и **„ради“**. Из этого следует, что родительный падеж в вышеперечисленных значениях можно передавать притяжательным падежом, при этом каждый предлог будет переводиться соответствующим послелогом. Предлогам **„у“ „около“** при родительном места соответствует послелог **„хринда“**, предлогу **„из-под“—„алтынанъ“**, предлогу **„из-за“—„кистіненъ“**, предлогам **„между“** и **„среди“—„аразында“**, но предлог **„из-за“** при родительном причины передается послелогом **„ўчўн“** и иногда **„сылтаанда“**. Предлог **„у“** при родительном принадлежности передается беспредложной формой притяжательного падежа. Для ясности приведем некоторые примеры:

1. Родительный падеж принадлежности. **Сталинская программа послевоенного развития *страны* ставит перед нашим сельским хозяйством большие и ответственные задачи** (газ. „Сов. Хак.“) *Страна*нынъ чаа соонда ўзерінінъ сталинскай программазы пістінъ аал хонынынъ алында улуғ ответственнай задачалар турғысчы.

Вершина высокой *горы* и летом остается под снегом (*Щ.*)—Пўзік *тағнынъ* узы чайғыда даа хар алтында чаладыр.

...**героизм *лётчика*—*лётчиктынъ*** героизмы.... **цель *работы*—*тоғыстынъ*** целі, **директор *завода*—*заводтынъ*** директоры.

2. Родительный места с предлогами **у, около, из-под, из-за, между, среди**: **Бои развернулись *у озера*** Хасан. Чаалар Хасан *кўлнінъ хринда* пол-сыханнар. **Около *дороги* скопилось много народу.**—*Чол хринда* кўп чон чыыл-дартыр. ***Из-под снега* появились первые весенние цветы.**—*Хар алтынанъ* пастағы часхы порчолар ўткленп килгеннер. ***Из-за* высоких *сосен* показалось солнце.** — Пўзік харағайлар кистіненъ кўн сых-килген. ***Среди дороги.***—*Чол ортызында*.

3. Родительный принадлежности с предлогом **„у“**: **Свинья *у дуба* корни стала подрывать** (*Кр.*). — *Сосна дубтынъ* чилгелерін хас-сыххан. ***У него* есть знакомые в городе.**—Городта *анынъ* таныстары пар. ***У пограничника* была хорошая собака.** — *Пограничниктінъ* чахсы адайы пар полған.

4. Родительный места и времени с предлогом **с, из, от**; родительному падежу с предлогами **с, из, под,**

обозначающему место и время (с предлогом „с") в хакасском языке соответствует исходный (сыгынғы) падеж, обозначающий исходный пункт действия. Поэтому родительный падеж в данном значении нужно переводить не притяжательным, а исходным падежом. При этом исходный падеж может стоять без послелога и с послелогом (**пеер, сыгара, андар**).

Например: **Основы высокого урожая заложены уже *с лета* и *осени* этого года** (газ. „Сов. Хак."). — Пу чылда пӧзік урожай алары *чайғыдаҥ* паза *кӱскӱдеҥ сыгарох* тимнелпарған. **Сдернул *с плеча* ружье.** — Мылтинн *иҥніненҥ* сурып алған... ***из города* выехали в сумерках** — *городтаҥ* харасхы полыбысхада сыххабыс... **Недалеко *от нас* раздался выстрел.** *Пістенҥ* ырах нимес мылтых тазыли тӱскен.

5. Родительный места и времени с предлогом „до".

Предлогу „до" в хакасском языке соответствует послелог „**читре**", употребляется с дополнительным падежом, обозначающим с данным послелогом место (конечный пункт) действия. Следовательно, родительный падеж места и времени с предлогом „**до**" будет передаваться на хакасский язык дательным падежом с послелогом „**читре**", как, например: **Утки *без крика* и *шума*, слепо выполняя чью-то команду, доплыли до берега.** — Ӧртектер, кемнінҥ-де командазын толдырчатхан чіли, *суум-саам чох* чарға читре чӱскилгеннер.

6. Родительный образа действия: родительный падеж с предлогом „**без**", обозначающий образ действия, будет передаваться именительным падежом с помощью отрицательного слова „**чох**" (см. выше: **утки без шума и крика...**)

7. Родительному косвенного объекта с предлогом „**для**" соответствует дательный падеж косвенного объекта хакасского языка с предлогами „**за**" и „**вместо**" притяжательный с послелогами „**ӱчӱн**" и „**орнына**". Например:

Настали трудные дни *для Федора Ивановича* (*из журнала*). — *Федор Ивановичха* сидік кӱннер читтілер. ***За него* высказывался брат.** — *Анынҥ ӱчӱн* харындазы чоохтанған. ***Вместо портфеля* вручили какие-то бумажки.** — *Портфель орнына* хайдағ-да чачыннар туда пиргеннер.

8. Родительный разделительный, показывающий отношение части целого, родительный отрицания и цели, употребляемые при переходных глаголах и обозначающие объект переходного глагола в хакасском языке, передаются винительным падежом, т. к. прямой объект переходного глагола обозначается на хакасском языке только винительным падежом.

Например: **Купили *килограмм сахару*.** — Пір килограмм *сахар* садын алғабыс. **Колхоз успел в течение зимы**

принять ***много решений***, **связанных с подготовкой к весне.**—Колхоз, хысхы ирткенче, часхы тарыға тимненерденъер көп *чарадығлар* сығар-салған. **Маруся, принесла** ***воды?***—Маруся, *сує* ағылдынъ ма? **Слышишь, бывало журчанье, а** ***воды*** **не находишь.**—Сугнынъ хорлапчатханы исчезінъ, *суун*, тізенъ, таппинчазынъ.

Итак, родительный падеж, в зависимости от смыслового значения, с различными предлогами в хакасском языке передаётся притяжательным, дательным, винительным и исходным падежами с послелогами и без послелогов.

Дательный падеж. Дательному падежу русского языка по своей семантике соответствует одноименный (пирілгі) дательный падеж хакасского языка. Поэтому дательный падеж во всех значениях, кроме дательного субстантивного управления, дательного места с предлогом „к", причины с предлогом **„благодаря"** и дательного в страдательных оборотах следует переводить дательным падежом хакасского языка. Сюда будет относиться дательный косвенного объекта без предлога и с предлогом **„к"**, дательный времени с предлогом **„к"**.

Разберем примеры.

1. Дательный косвенного объекта. **Учительница раздала** ***ребятам*** **по пять тетрадей.**—Ўгретчі *олғаннарға* пизер тетрадьтанъ пирген. ***Лошади*** **дали корм.** Атха от пиргеннер.

2. Дательный косвенного объекта с предлогом **„к". Газета призывает нас** ***к*** **серьезной** ***работе.***—Газета пісті серьезной *тоғысха* хыгырча. **Дети готовились** ***к урокам.*** Олганнар *уроктарға* тимненгеннер. **Лесные жители готовились** ***к встрече*** **зимы.**—Ағас аразында чуртанчатханнар хысхыны *удурлирға* тимненчеткеннер.[1]

3. Дательный времени с предлогом „к". ***К*** **десяти часам.** Он *часха*. ***К утру.***—*Иртенге*.

4. Дательному субстантивного управления и дательному причины с предлогом **„благодаря"** при глагольном управлении соответствует притяжательный падеж хакасского языка, предлог **„благодаря"** передается послелогом **„сылтааида"**.

[1] Отглагольные существительные при переводе на хакасский язык снова переходят в глаголы и принимают форму либо причастия, либо инфинитива. В данном предложении слово „встреча" образовано от переходного глагола „встречать", что значит на хакасском языке „улурлирға", а переходный глагол от управляемого им слова требует постановки в винительном падеже, поэтому „зимы" родительный падеж переводится винительным падежом „хысхыны", а не „хысхынынъ".

Например: **Каждый должен знать цену своей *жизни*.**—Полған на кізі позынынъ чуртазынынъ арлиин пілерге кирек (дат. субст. управ). ***Благодаря* своевременному *удобрению* мы добились высокого урожая.**—Кирек туста *удобрять полған сылтаанда* піс пöзік урожай алғабыс. ***Благодаря товарищу* мы из тайги вышли благополучно.**—Арғызымнынъ сылтаанда піс тайғаданъ хайди-піди полбин сығып алғабыс.

5. Дательный места, с предлогом „к". Дательный падеж с предлогом „к" обозначает место, направление действия. А так как направление действия в хакасском языке обозначается специальным направительным падежом, то дательный падеж в данном значении будет передаваться направительным падежом без послелога.

Например: **И кто бы *к нему* не зашел, он без чаю не отпускал** (*Ш.*) ***Анынъзар*** кем дее кірзе, ол аны чай ізірбеенде, позытпачанъ. **Вы завтра к десяти часам зайдете *к заведующему*.**—Сірер танъда он часха ***заведующайзар*** кірерзер.

6. Дательный места с предлогом „по". В хакасском языке нет падежной формы, соответствующей дательному падежу с предлогом „по", обозначающему место Эта функция дательного падежа в хакасском языке выполняется аффиксом „ча" (мягкий вариант „че"). Поэтому дательный места с предлогом „по" в хакасском языке следует передавать формой на „ча"—„че" Например: ***По дороге* бродят волки.**—*Чöлча*—пӱӱрлер чöрчелер...***по направлению***—направлениече.

Дательный с предлогом „по", являющийся дополнительным членом в предложении, будет передаваться формой исходного падежа без послелога: ***по алгебре***—*алгебрадань*...

7. Дательный падеж в страдательном обороте. При переводе предложений со страдательным оборотом во многих случаях страдательный оборот переходит в действительный. Дательный же падеж при этом, обозначающий субъект, передается именительным падежом.

Например: ***Мне* что-то сегодня не спится.**—*Мин* пӱӱн нога-да узун полбинчам. (Я что-то не могу сегодня уснуть). ***Мне* не читается.**—*Мин* хығыр-полбинчам.

В других случаях перевод дательного падежа, как и других падежей, будет зависеть от того, в каком смысловом значении употребляется дательный падеж и какой падеж хакасского языка выполняет его функцию, и каким глаголом управляется.

Винительный падеж. Винительный падеж хакасского языка при беспредложном управлении обозначает объект

переходного глагола, а с послелогами **„пастыра“, „хоостыра“, „азра“, „кизіре“, „тобыра“**, обозначает образ действия. Послелог **„пастыра“** выполняет функцию предлогов **„через“, „сквозь“** при винительном падеже, выражающем образ действия, а предлог **„через“** при винительном, выражающем время, передается послелогом **„соонда“**, употребляемый с притяжательным падежом. Отсюда можно сказать, что винительный падеж русского языка следует переводить одноименным падежом тоже в двух значениях: винительный беспредложного управления при переходных глаголах и винительный образа действия с предлогами **„через“** и **„сквозь“**.

Например: **Солнечный луч осыпал *их* блеском разноцветных огоньков.**—Күн харағы *оларны* өнъ-пазы чарыхнанъ чарыдыбысхан. **Яша Шлейман перешагнул *через куст* боярышника, пробрался *сквозь* густые *заросли* шиповника и скрылся.**—Яша Шлейман, тоо *ағазын азра* алтабызып, хойыг өскен хатыг тігенні тобырып, көрінмин парыбысхан.

Винительный падеж в других значениях, не указанных выше, будет передаваться другими падежными формами, соответственно выполняемой фукции в том или другом словосочетании.

1. Винительный падеж места с предлогами „в“, „на“. Винительный падеж с предлогами **„в“** и **„на“** обозначает место, вернее, конечную точку при глаголах, обозначающих движение. А как известно, эту функцию в хакасском языке выполняет дательный падеж без послелогов, следовательно, винительный места с предлогами **„в“** и **„н“** следует передавать формой дательного падежа без послелогов, а не формой направительного, как часто бывает в устном разговоре на хакасском языке.

Например: **Выходить *на мороз* не хотелось.**—*Соохха* сығарға кізінінъ көнъні килбинчеткен. **Дети пошли *в школу*.**—Олғаннар *школаа* парчалар (а не *школазар*). ***На забор* глянешь—воробьи рядком сидят.**—*Ханазар* көрібіссенъ—хусхачахтар хости одырғлапчалар.

2. Винительный места с предлогами **„под“, „за“** и винительный косвенного объекта с предлогом **„за“**. Предлогам **„под“** и **„за“** в хакасском языке соответствуют именные послелоги **„алтына“, „кистіне“** и **„ўчўн“**, при винительном косвенного объекта, которые употребляются с притяжательным падежом. Поэтому винительный падеж в данных значениях будет переводиться притяжательным падежом с послелогами **„алтына“, „кистіне“ и „ўчўн“**, но винительный косвенного объекта может переводиться и без послелога дательным падежом.

Например: **Чемоданы поставили** ***под стол.*** —Чемоданларны *стол алтында* турғысхлап салғаннар. **Гостей посадили** ***за большой стол.***—Аалчыларны улуғ *стол кистіне* дыртхлап салғаннар. **Отец радовался** ***за сына, за*** **его боевые** ***заслуги*** —Пабазы *оолғынынъ ўчўн*, анынъ боевой *заслуғаларына* ӧрінген (винт. косв. объекта). **Забыв о своей ране, Гуля взялась** ***за винтовку.***—Позынынъ палининанъар ундубызып, Гуля *винтовкаа* тыынған.

3. Винительный времени с предлогами „в", „на", „через". Винительному, обозначающему время с предлогом „в", соответствует местный падеж хакасского языка с предлогом „на", дательный падеж и либо исходный без послелога, либо притяжательный с послелогом. В последнем случае предлог „через" передается послелогом „позынынъ", употребляемый с притяжательным падежом.

Примеры: ***В ясную погоду*** **отсюда бывает виден весь город.**—*Аяс кўнде* мыннанъ прай город кӧрінедір. ***В этот день.***—*Ол кўнде.* **Зашел** ***на пять минут.***—*Пис минутаа* ла кірген... ***на зиму***—*хысхаа.* **Вернусь** ***через одну минуту.***—*Пір минутаданъ* айланам (или *пір минута пазынанъ* айланам) ***А через пять лет*** **Гуля уже играла главную роль в картине „Дочь партизана".**—*Пис чылданъ* (или *пис чыл пазынанъ*) Гуля „Партизаннынъ хызы" тіп картинада ӧн рольны ойнаан.

4. Винительный образа действия. Винительный падеж с предлогами „в" и „по" может обозначать и образ действия. Это значение в хакасском языке передается дательным падежом без послелога, послелогом „читре" либо при помощи аффиксов: „ча", „че".

Например: **Играть** ***в деньги.***—*Ахчаа* ойнирға, ***по горло***—*тамахха читре* или *тамахча,* ***по локоть***—*чығанахха читре,* или *чығанахча.*

Творительный падеж. Творительный падеж хакасского языка без послелога соответствует творительному падежу косвенного объекта с предлогом „с", творительному, способа действия, орудия и образа действия. Следовательно творительный падеж русского языка в указанных значениях на хакасском языке можно передавать только формой творительного падежа, но бывают исключения. Так, например, творительный образа действия, когда подразумевается сравнение с помощью союзного слова „как", передается формой именительного падежа с послелогом „чіли".

Такое же исключение будет составлять творительный падеж косвенного объекта с предлогом „с". Здесь необходимо указать на то, что когда творительный косвенного объекта указывает на наличие какого-либо предмета при

каком-либо предмете, тогда творительному падежу соответствует форма имен на **„лыг“—„ліг“ (тыг—тіг, ныг—ніг)**, употребляемая в данном значении творительного падежа русского языка.

Творительный, как часть составного сказуемого, передается формой именительного падежа.

Разберем примеры. 1. Творительный косвенного объекта с предлогом **„с“**.

Все читали *с интересом* статьи в газете и смеялись над карикатурами.—Газетадағы статьяларны прайзы тынъ хынып хығырғаннар, паза анынъ *карикатураларына* хатхырысханнар. ...***С Иваном Кузьмичом***... *Иван Кузмичнанъ*... **Я прошел мимо большого дома с *мезонином и террасой*.**—Мин *мезонинныг* паза *террасалыг* туранынъ хринча ирткем. **Домой-то мы пришли *с пустыми руками*.**—Ибзер піс *хуруг халлыг* айланғабыс.

2. Творительный способа, орудия и образа действия. а) **На заводе он жил очень *интересной жизнью***—Заводта ол тынъ *көгліг чуртаснанъ* чуртаан (способ действия)... **идет *шагом***—...*пазытнанъ* парча. б) **Размахивая *папкой***.—*Папкананъ* пулған... **рвали *динамитом***—*динамитнанъ* чара саптырғаннар... и т. д. (орудие действ.) в) **Подружки после долгого путешествия заснули *крепким сном***.—Ӱр чӧр-килген соонда, ӧрелер *халын уйғунанъ* узубысханнар. **Шагать *крупными шагами***.—*Улуг халананъ* чӧрерге. **Писать *красивым почерком***.—*Сіліг почеркнанъ* пазарга (образ действ. 1 вариант) **Самолёт над нами пронесся *соколом***.—Самолёт пістінъ ӱстібісче *ылчын чіли* учух-парыбысхан. **Арагва тянется *серебряной нитью (III.)***—Арагва *кӱмӱс чіп чіли* ахча... **промчаться *стрелой*** *соған чіли* иртерге и т. д.

3. Творительный падеж—часть составного сказуемого. **Мой брат *является лётчиком***.—Минінъ *харындазым лётчик* полча. **Всегда *первым организатором* был товарищ Иванов**.—Пастағы *организатор* хачанда Иванов аргыс полчанъ.

4. Творительный места с предлогами: **„под“ „над“, „перед“, „за“, „между“** и творительный времени с предлогом **„между“**.

Данным предлогам соответствуют следующие послелоги, употребляемые с притяжательным падежом: **под—алтында над—устінде, перед—алнында, за—кистінде** и **соонда, между—аразында.**

Поскольку перечисленные послелоги употребляются с притяжательным падежом, творительный падеж места и времени с указанными предлогами следует переводить формой

притяжательного падежа с соответствующими послелогами. При этом нужно напомнить, что именные послелоги, как часть речи, не утерявшая значения, могут менять свою форму, сообразно управляющему глаголу, т. е. принимать форму требуемого падежа.

Например: **В это время *над лесом* пролетела птица.** —Ол туста *ағастар үстінче* хус учух-парыбысхан. **Лампа висит *над столом*.**—Лампа *стол үстінде* хыс-салған турна. ***Перед нами* стоит большая задача.**—*Пістінь алныбыс*ла улуғ задача турча. **Перед их глазами возникли картины тяжелой борьбы *с врагами*.**—Оларнынъ харахтарынынъ *алнында ыырчынанъ* улуғ күрезіг апарғаннары полурыбысхан. **За нависшим *над водой* кустом**...—Сүг үстінер бөнъейе өскен *ағас кистінде*...

Мы с этой задачей справились *между делом*. Піс пудачаны ниме *иткен аразында ла* толдыр-салғабыс. ***Между сменами*.**—*Сменалар аразында*...***Между деревьями*.** *ағастар аразында*.

5 Творительный цели с предлогом **„за“** и косвенного объекта с предлогом **„над“**.

Цель действия в хакасском языке обозначается дательным падежом без послелога, следовательно, творительному цели будет соответствовать дательный падеж хакасского языка без послелога.

Например: **Собрались мы с Иваном Кузьмичом *за* кедровыми *шишками*.**—Иван Кузьмичнанъ піс *хузухха* прарға тимненібіскебіс. **Мать ушла *за водой*.**—Ічем суға парыбысхан. **Зашли в библиотеку *за книгой*** —Библиотекаа *книга аларға* кіргебіс.

Дательным же падежом переводится в большинстве случаев творительный косвенного объекта с предлогом **„над“**.

Например: **Смеяться *над человеком*.**—*Кізее* хатхырға и т.д.

Предложный падеж. Функция предложного падежа, обозначающего время и место с предлогами **„в“** и **„на“** и предложного места с предлогом **„при“** в хакасском языке выполняется местным падежом. Поэтому предложный падеж можно переводить на хакасский язык местным падежом без послелога. Но предложный с предлогом **„при“** в других значениях будет передаваться формами других падежей. Например, предложный падеж условия или уступка будет передаваться именительным падежом, являющимся подлежащим условного или уступительного предложения, когда послелог показывает чье-либо присутствие—притяжательным падежом с послелогом **„көзіне“**.

Примеры:

1. Предложный места и времени с предлогам „в“ и „на“. **Час спустя *в* кожаном *кресле* сидел профессо Кузнецов.**—Пір частанъ туун *креслода* профессор Кузне цов одырчатхан. **В ней, как в *зеркале*, отразились остры вершины ели.**—Сыбы ӱстыг пастары анда көріндест чіли, көрінгеннер. **Мы долго служили *в одном по ку*.**—*Пір полкта* піс хада ӱр служить полгабыс. ***В март* начинает таять снег.**—*Мартта* хар хайылын ластапч

***В этом году* зима будет продолжительной.**—*Пу чы да* хысхызы узах полар. (Пр. времен.)

2. Предложный места с предлогом „при“: ***При шко ле* организовали кружок юных натуралистов.**—*Школад* юнай натуралисттарнынъ кружогын организовать полганнар ...***При каждой комнате.**—*Полган на комнатада*.

3. Предложный условия: ***При наличии дене* можно купить.**—*Ахча полза* садып аларга чарир. ***При ра боре*.**—*Разбор итчетсе*...

4. Предложный с предлогом „при“, показывающий присутствие: ***При мне* не разговаривали.**—*Минік көзіме* чоохтаспаанар. ***При детях* так разговариват нельзя.**—*Олганнарнынъ көзіне* іди чоохтазарга чарабас.

5. Предложный косвенного объекта с предлогом „о“ (об). Предложному падежу, обозначающему косвенный объект с предлогами „о“, „об“ соответствующе падежной формы в хакасском языке нет. Предложный падеж в данном значении передается формой исходного падежа помощью послелога „ар“, превратившегося в настояще время в аффикс и приобретшего себе мягкий вариант „ер“

Например. **Заботиться *о детях*** — *Олганнарданъа* сагысырырга, ***беспокоиться о работе*** — *тогыстанъар сагысырырга* и т. д.

Этим значение предложного падежа не исчерпывается В этих значениях предложный падеж передается в одних случаях формой на **лыг—ліг, ныг—ніг, тыг—тіг,** прибавляемых к именительному падежу, как: ***на лыжах*** — *санылыг*, ***на телеге*** — *ханъаалыг*, ***в белой рубашке*** — *ах көгенектіг*, ***в синей обложке*** — *көк облошкалыг*; в других случаях—дательным падежом, как, например: **радостно стало *на сердце*.**—*Чурекке* өріністіг полыбысхан. **Приопершись *на локте*** — *Чыганахтарына* кодіріліп и т.д.

Таково в основном синтаксическое соответствие падеже русского и хакасского языков по их смысловому значению по их функциям в том или другом словосочетании.

ТАБЛИЦА СИНТАКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ ПАДЕЖЕЙ РУССКОГО И ХАКАССКОГО ЯЗЫКОВ.

Падежи русского языка	Соответствующие падежи хакасского языка
Родительный без предлога.	Притяжательный.
Родительный с предлогами: **у, около, из, под, из-за, между, среди, для, ради, за.**	Притяжательный с послел.: **хыринда, алнынанъ, кистіненъ, аразынанъ, ўчўн.**
Родительный с предлогами: **с, из, от.**	Исходн. с послел.: **пеер, сыґара, андар** и без послелогов.
Родительный с предлогом **до.**	Дат. с послелогом **читре.**
Родительный разд., отриц., **цели.**	Винительный.
Дательный без предлога.	Дательный.
Дательный с предлогом **к.**	Дательный направительный.
Дательный с предлогом **благодаря.**	Притяжательный с послел. **сылтаанда.**
Дательный с предлогом **по.**	Исходный и форма на **„ча-че“.**
Винительный без предлога.	Винительный.
Винительный с предлогами **через, сквозь.**	Винительный с посл. **пастыра, хоостыра, азра, тобыра, кизіре.**
Винительный с предлогами **в, на.**	Дательный направит.
Винительный с предлогами **под, за.**	Притяжательный с посл. **алтына, кистіне, ўчўн.**
Творительный без предлога.	Творительный.
Творительный с предлогом **с.**	Творительный и форма на **лыґ—ліґ.**
Творительный с предлогами **под, над, перед, за, между.**	Притяжательный с посл. **алтында, ўстінде, алнында, кистінде, аразында;** дат.
Предложный с предлогами **в, на, при.**	Местный падеж, притяж. с посл. **кўзіне.**
Предложный с предлогами **о, (об).**	Исходный пад с аффиксом **ар-ер.**

ПРИМЕРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ НЕКОТОРЫХ ПРЕДЛОЖЕНИ

Оригинал	Перевод.
1. Простое бессоюзное предложение.	
Значение идейно-теоретической подготовки для работников народного образования особенно велико.	Чон ўгредиинінъ тоґ ыларыны идейно-теоретиc скай тимненерінінъ знач ниезі тынъ улуґ волча.
Идеологическое воспитание достигается в процессе изучения студентами всех дисциплин учебного плана.	Студенттар идеологич скай воспитаннані, ўгре планынынъ прай предме рін не ўгреніп, алчалар.
2. Предложения с противительными союзами.	
Очень многие десятиклассники выбрали для сочинений свободную тему: „Народу русскому пределы не поставлены, перед ним широкий путь".	Оныпчы класстагы илее көп ўгренчілер сочинен пазарга мыидаг свободн тема алып алганнар: „Ру скай чонга тохтаг идер турґызылбаан, анынъ алны да аллыг чол.
Мы привыкли воду считать прозрачной, однако вода прозрачна только в сравнительно тонком слое.	Сугны піс ётре көрік тіп санап ўгрен-парґабыс, суґ тынъ тиренъ нимес чирлерде ётре көрінче.
3. Союз „и" в сложно-сочиненных предложениях.	
Она побежала, открыла калитку, и Павел не совсем уверенно пошел за ней.	Ол, чўгўр-парып, калі каны азыбысхан, Паве ікінчілен-ала анынъ соон пастырґан.
Туман заметно густел, но крыши домов были еще видны, и горы неясно выступали в дали.	Тубаннынъ халыннапча ханы іле көрінген, че тў хырлары ам даа көрінче кеннер, паза ырахта таґла пўлес көрінчеткеннер.
4. Предложения с разделительными союзами „то-то", „или".	
Идут тихим путем. То птица из-под ног у них выпорхнет, то краснобокая лисица в кусты цветущие нырнет.	Амыр сымзырах парчала Піреде азахтарынынъ алт нанъ хус сыґара учуґыбы ча, піреде хизыл хабырґа лыг тўлґў порчоланчатха сарыптар аразына кире чў ґўрібісче.

Вдруг на воде сверкнула узкая серебряная полоска. То мелькнула зашедшая с моря крупная рыба, или поднялась встревоженная стая диких гусей.

Суғда кинетін піскечек күмүс полоса көрін-халған. Ол алай ба талайданъ сыхкилген улуғ палых полған полар, алай ба піре нимеденъ хуйған чазы хастырынынъ өрі учуғыбысхан полар.

5. Безличные предложения.

Не спится, няня! Здесь так душно!

Вьюга мне слепает очи, все дороги занесло; хоть убей, следа не видно; сбились мы, что делать нам!

Уйғум килбинче, уучанъ Мында тынарға уғаа тар полча!

Пурғун маға көрерге пирбинче, чол прай туу тасталпарған; өдіртее-сал, чол көрінминче; астығыбыстыбыс піс, хайди полаанъ.

6. Предложения с союзами „как, так", „не только, но и".

Он хорошо знает как русскую, так и иностранную литературу.

Мы должны стараться быть отличниками не только в учебе, но и по дисциплине.

Ол русскай даа, иностраннай даа литератураны чахсы пілче.

Піске ўгредігде ле нимес, че дисциплинаданъ даа отличник поларға харазарға кирек.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПОДЧИНИТЕЛЬНЫМИ СОЮЗАМИ.

7. Предложения с союзами „кто" и „что".

Мост таков, что легко может провалиться.

Маленький холмик, что виднелся вдали, заинтересовал нас своими очертаниями.

Деревня, где мы провели лето, чрезвычайно живописна.

Опыты показали, что молекулы в свою очередь могут быть разделены еще на мелкие части, обладающие совсем иными свойствами, чем молекулы, из которых они получены.

Тахта оой талалар иде иділ-парған.

Ырахта көрін-турған кічичек төнъічек пісті позынынъ көріміненъ позынзар тартхан.

Піс чайғыда чуртаан деревня тынъ сіліг полған.

Опыттар молекулаларнынъ пазох чардыхтарға чарылчатханын көзіткеннер. Ол оох чардыхтар постары сыхханъ молекулаларданъ пасха свойстволыг полчаттырлар.

Видно было, что Алексей Максимович серьезно относился к оформлению анкеты и остальных документов.

Что написано пером, того не вырубишь топором.

Лес, куда ребята ходили за грибами, находился по ту сторону реки.

Необозримое поле, изрезанное неглубокими оврагами, блестело мокрою зеленью.

На краю горизонта виднеется серебряная цепь снеговых вершин, которая начинается Казбеком и оканчивается двухглавым Эльбрусом.

Среди лип, которые тянулись аллеями, мелькали старые сосны с бледножелтыми стволами и великолепные ясени, которые высоко поднимали там и сям свои одинокие верхушки.

Учебное кино, как одно из средств обучения и воспитания, уже давно получило широкое применение и распространение в советской школе.

Алексей Максимовичтын анкетаны паза даа пасх документтарны тынъ сибер сағынып, пасчатханы чары көрінген

Перонанъ пазылған нимс ні, палтынанъ кизе саа полбассынъ.

Олғаннар чистектеп чөр ген арығ, сығнынъ тігі хрш да полған.

Тиренъ нимес оймахтар нанъ хазыл-парған узы-паз чох чалбах чазы өсчеткен ө көк отнанъ чылтрапчатхан

Харлығ тағларнынъ, Ка бектанъ пасталып, ікі азы лығ Эльбруста тоозылчатха устары күмүс ілчірбе чіл горизонтча тартылчалар.

Аллеяли тартылып парч хан липаларнынъ аразынд тігде мында, чалғыс, пөзі устарын устайтып, ясеньна паза сарғамдых харағайла көрін-турғаннар.

Учебнай кино олғаннарн үгредер паза воспитыват поларында, советскай шк лада көп применяться по лып, прай странача хачано тарап парған.

А. И. ПИНКИЖЕКОВА,
кандидат филологических наук.

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ХАКАССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

В октябре 1950 года исполнилось 20 лет Советской Социалистической Хакассии. Двадцатилетие Советской Хакассии—это живой пример проведения ленинско-сталинской национальной политики, которая дала возможность хакасскому народу ликвидировать свою экономическую и культурную отсталость, являющуюся тяжелым наследием дореволюционного прошлого.

Ещё в 1925 г. в своей речи „О политических задачах университета народов Востока" И. В. Сталин показал, что между национальной формой и социалистическим содержанием культуры, которая создаётся и строится в условиях советского социалистического строя, нет противоречия. Многочисленный советский народ строит пролетарскую социалистическую культуру. Но пролетарская культура, социалистическая по содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство, в зависимости от различия языка, быта и т.д. „Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме,—такова та общечеловеческая культура, к которой идёт социализм. Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а даёт ей содержание. И, наоборот, национальная культура не отменяет пролетарской культуры, а даёт ей форму." (И. В. Сталин, соч., т. 7, стр. 138).

На основе доклада И. В. Сталина, X съезд партии принял резолюцию, в которой дана конкретная практическая программа работы партии по развитию национальной культуры в период диктатуры пролетариата. В резолюции говорилось, что задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию.

Благодаря последовательному осуществлению этой мудрой и дальновидной ленинско-сталинской национальной по-

литики, Хакассия превратилась из отсталой окраины царской России в передовую социалистическую область, с высокоразвитой индустрией, механизированным сельским хозяйством, передовой социалистической культурой.

Быстро растёт культура Хакассии. Навсегда ушли в историческое прошлое бревенчатая юрта с дымящимся очагом на земляном полу, тяжелая кочевая жизнь, нищета, голод и неграмотность. Так, на месте бывшего улуса Усть-Абакана вырос областной город Абакан, который имеет десятки промышленных предприятий, два ВУЗа, научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, педагогическое училище, сельскохозяйственный техникум, национальный государственный драматический театр, музыкальную школу с классом национальных инструментов и другие школы.

Проведена успешная борьба с тяжёлым наследием царизма—неграмотностью взрослых. Один за другим возникали культурные очаги по ликвидации неграмотности—ликпункты. В 1925—26 гг. их насчитывалось, по неполным данным, до 55, в 1926—27 гг.—уже 73. За небольшой промежуток времени, за 1925—26 учебный год 1.030 хакасов ликвидировали свою неграмотность, а в 1926—27 году—1.463 человека. К 1932—33 учебному году был разработан подробный план полной ликвидации неграмотности среди населения Хакассии в возрасте от 16 лет и старше. И в настоящее время неграмотность в области ликвидирована.

Прежний „инородец" царской России—хакас—стал строителем социализма, равноправным гражданином Советского Союза. Среди передовых людей в сельском хозяйстве и промышленности Хакассии немало Героев Советского Союза, награждённых за подвиги в Великой Отечественной войне, много замечательных мастеров высоких урожаев и передовиков колхозного и совхозного животноводства, удостоенных высокого звания Героя Социалистического Труда.

До революции хакасы не имели своей письменности. И это понятно. Создание литературы на родном языке прямо противоречило интересам царского правительства, которое было заинтересовано держать в темноте национальные окраины бывшей Российской империи.

В „просвещении" нерусских народов царизм опирался, как на свое орудие, на церковь. Для этой цели в России были организованы миссионерские братства и общества, как например, Казанское братство св. Гурия, алтайская и киргизская, иркутская, енисейская, якутская и др. миссии. „Основной задачей этих обществ и духовных миссий было оказание содействия распространению христианства между

язычниками[1]". Миссионерские организации создавали письменность для этих народов, которая исчерпывалась богослужебными и религиозными книгами. Правила об образовании инородцев—христиан 1870 г. устанавливали следующую основную задачу: „Начальные школы для инородцев-христиан должны иметь целью религиозно-нравственное их образование и утверждение в православной вере, а также обрусение путем утверждения в православной вере и ознакомление с русским языком". Отсюда ясно, что царское самодержавие проводило руссификаторскую политику в просвещении хакасов. Школы открывались по специальному разрешению начальства, а обучение хакасов велось на русском языке. Для детей трудящихся масс двери школы были закрыты, школа для них была недоступна. В ней учились лишь дети баев. Имелись случаи, когда не было желающих учиться.

Так, в губернском отчете Степной думы соединённых племён за 1883 г. в разделе VI „Народное образование" говорится: „Для обучения в науках инородческих детей при Степной думе учреждена сельская одноклассная школа в 1859 г. С разрешения начальства, в ней в 1885 г. обучалось инородческих мальчиков 12 и 2 русских и девочек инородческих 5 и 3 русских, всего 22 чел. Против прошлого года менее на одного человека, по неимению желающих".[2]

В „Обзоре Думы" за отчетный период в разделе 5-м „Народное просвещение"[3] написано: „Имеется одно учебное заведение—Аскизское инородческое одноклассное училище, в котором учащихся всего 22, из них мальчиков 14, девочек 8". „Образование в народе,—читаем мы далее,—вводится постепенно, посредством обучения грамоте инородческих детей в сельской школе. Других же предприятий к распространению образованности в населении не предпринимается. Учебных обществ, музеев, библиотек и проч. не имеется".

Таково было положение со школами в старой Хакассии.

Письменность, в подлинном смысле этого слова, появляется у хакасов лишь после Октябрьской революции. Однако, мы допустили бы ошибку, если бы стали утверждать, что до Октября не делалось никаких попыток в этом отношении. Нам известны две попытки создать хакасский алфавит: одну из них сделали миссионеры, а другую академик Радлов и некоторые другие ученые.

[1] См. Миссионерские общества, Энциклопедический словарь, Брокгауз и Эфрон, стр. 447.
[2] Абаканский архив, фонд № 915, связка 23, § 112, стр. 52.
[3] Абаканский архив, ведомость № 8.

Остановимся на первом опыте. Мы уже сказали, что царское правительство в своей руссификаторской деятельности опиралось на церковь с её миссионерской службой. Как известно, „в тогдашней Енисейской губернии не было особых миссионеров, обязанности их исполняли священники так называемых миссионерских приходов, из которых 7 находилось в Минусинском и Ачинском округах среди инородцев тюркского племени".[1]

Священники миссионерских приходов в целях облегчения проповеди христианства приспособили для коренного населения Хакассии церковно-славянский и русский алфавиты. Явившись в Хакассию вслед за казаками и торговцами, они делают первые в истории Хакассии попытки создания письменности на некоторых диалектах для печатания духовнонравственной литературы. Так, нам известны две книжки подобного содержания, выпущенные, как сказано в заглавии, „на наречии абаканских инородцев". Это— 1) „Беседы готовящемуся ко святому причащению"[2] и 2) „Житие и страдания святого священномученика Киприана и Иустина".[3]

Эти книжки напечатаны так называемым „миссионерским алфавитом", составленным Киргизской миссией (Томской епархии). Он состоит из 34 букв:

Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Зз, Ии, І („и" с точкой)[4] Ѵ (ипсилон), Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, н (інъ), Оо, Öö, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Ўў, Фф, Хх, Цц, Чч, Ыы, (еры), ь (ерь), Ээ, Юю, Яя, (ять).

В отношении вышеприведенного алфавита и фонетических особенностей языка миссионерских книг необходимо сделать несколько замечаний, а именно:

1. Для специфических звуков хакасского языка были введены только четыре буквы: „І", „н", „ö", „ў", а в современном алфавите мы имеем ещё букву „ғ" для обозначения глубоко-заднеязычного фрикативного звука и букву

[1] См. Миссионерские общества. Энциклопедический словарь, Брокгауз и Эфрон, стр. 447.

[2] Полное заглавие книжки: „Беседы готовящемуся къ святому крещенію объ истинном б ге и истинной вере". На наречіи Абаканскихъ инородцевъ Минусинскаго округа Енисейской губернии Переводъ священника Усть-Есинской Евдокіевской миссіонерской церкви. Томскъ".

[3] «Кудайлын ўчўн прелеткен ага ыг Кипріянман устинавын конытыг. Житіе и страданія святого священномученика Кипріана и Іустины, на наречіи Верхне-Абаканских инородцев, Минусинскаго уезда, Енисейской губерніи. Переводъ священника Усть-Есинской Евдокіевской Миссіонерской церкви Симеона Чисмочакова. Томскъ. Типография епархіального братства 1 99.

[4] В скобках даём название буквы.

„ч“ для звонкой переднеязычной аффрикативы. Звуки „ж“, „ш“, „щ“ совершенно отсутствовали.

Отсюда видно, что современный алфавит более совершенный, и передает все звуки речи хакасского языка.

2. Долгие гласные, образовавшиеся от стяжения двух гласных, при выпадении интервокального „ғ“ или „г“, не обозначались в письме. Например:

МИССИОНЕР. КН.	ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
чоохтан — „сказавший“	чоохтаан
килбен — „не пришедший“	килбеен

3. Встречаются сочетания гласных: „іи“, „ій“, которыми иногда пользовались для обозначения долгого гласного „ӣ“ (**кіир, тіир, тійлер**).

4. Губная гармония распространяется на аффиксы словоизменения:

МИССИОНЕР. КН.	ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
кӧрӧр — будем смотреть	кӧрер
уруп — наливая	урып
ӱрӱнӱрлер — будут радоваться (они)	ӧрінерлер
ӱстӱне — на верх (его)	ӱстіне

После корневых гласных 1-го слога „о“, „ӧ“ происходит огубление широкого гласного узкими гласными, чего не наблюдаем сейчас.

Например:

МИССИОНЕР. КН.	ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
полуп — дееприч. от пол „будь“	полып
полузып — дееприч. от полус „помогай“	полызып
кӧзӱнек — „окошко“	кӧзенек

5. Часто вместо диссимиляции согласных в современном языке встречаются явления прогрессивной ассимиляции, например:

МИССИОНЕР. КН.	ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
тӧлгӱ — „ворожба“	тӧлке
чалдыс — „звезда“	чылтыс

6. Буква „х“ почти не употребляется в незаимствованных словах. Здесь же следует отметить о звуковом соответствии литературного „х“ с миссионерским обозначением „к“ во всех позициях:

МИССИОНЕР. КН.	ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
худай — бог	худай
хорык — боюся	хорых
харам — скупой	харам
сыккан — вышедший	сыххан

7. Совершенно очевидно, что миссионерские книги были написаны не на шорском языке или диалекте, как некоторые склонны предполагать, а на сагайском диалекте хакасского языка. В этом нас убеждают результаты сравнительного изучения фонетических особенностей диалектов хакасского языка. Так, алфавит, составленный Алтайской духовной миссией для шорцев (а, о, у, ы, е, ӱ, ӧ, і, л, р, с, з, ш, ж, ч, м, н, п, к, г, п, б, т, д, й, ь, я, э) отличается от хакасского, главным образом, наличием букв „ш", „ж". Кроме того, устанавливаемые звуковые соответствия, которые мы приводим ниже, являются характерными только для сагайского диалекта.

миссионер. кн.	сагайский диалект[1]	качинский диалект	литерат. язык
сӱӱле — скажи	сӱле	сӧле	сӧле
ӱрӱн — радуйся	ӱрӱн	ӧрін	ӧрін
мен — я	мен	мін	мин
сен — ты	сен	син	син
кел — приходи	кел	кил	кил
кирек — дело	керек	кирек	кирек
меге — мне	меге, мее	маґа	маґа
слер — вы	слер	сірер	сірер
маарсак ласковый	маарсах	паарсах	паарсах

8. Упомянутые нами миссионерские книги были мало известны хакасскому народу. Это говорит о том, что незначительная литература, издаваемая миссионерами, оставалась чуждой местному населению. Вполне понятно, что она не могла достичь своей цели: привить у населения Хакассии покорность эксплоататорским классам, которые смотрели на Хакассию, как на сырьевую базу и рынок сбыта своих промышленных товаров.

Остановимся теперь на другом опыте, связанном со сравнительным изучением диалектов хакасского языка академика В. В. Радлова, а затем профессора Катанова и других.

[1] В записях проф. Н. Ф. Катанова эти слова транскрибировались так же, как в миссионерских книгах, но сейчас сагайцы говорят эти слова как и качинцы.

В 1868 г. академик В. В. Радлов издал во втором томе „Образцы народной литературы тюркских племён“ сагайские, качинские, койбальские, бельтырские и кызыльские тексты. Профессор Катанов продолжал работу Радлова. Он несколько раз выезжал в научные командировки в Хакассию для сбора материалов по различным диалектам хакасского языка. Собранные во время этих поездок материалы были опубликованы им в том же издании, в IX томе. В нём приведены записи речи качинцев, кайбал, бельтыров и сагайцев. Следует отметить, что эти записи являются наиболее точными из всех имеющихся фонетических записей дореволюционного периода, в том числе и записанных акад. В. В. Радловым. Во многих случаях записи профессора Катанова позволяют судить об истории отдельных слов и некоторых грамматических норм. Так, например, он отмечает долготы, теперь исчезнувшие из языка, аффикс направительного падежа пишет через дефис, повидимому, считая послелогом и др. Основное содержание записей В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова представляет собой интересный и чрезвычайно обширный материал по хакасскому фольклору и этнографии (сказки, былины, обычай, нравы, песни, пословицы, загадки и др.).

Указанные материалы были напечатаны по научной академической транскрипции В. В. Радлова, употребляемой Академией наук для записи нерусских текстов.

В отношении указанной транскрипции необходимо сказать следующее:

1. Из знаков транскрипции мы видим, что в основном русский алфавит был приспособлен к звуковым особенностям диалектов хакасского языка.

2. Для передачи долготы гласного был введён надстрочный знак над буквой.

3. Основным недостатком научной академической транскрипции, основанной на фонетическом принципе, является то, что одна и та же фонема могла передаваться на письме посредством двух различных знаков.

Необходимо отметить также и то, что до наших дней научная академическая транскрипция В. В. Радлова была совершенно неизвестна массе трудового населения Хакассии. Она не находила применения ни в изданиях, предназначенных для просвещения народа, ни для установления письменности, ни для практического пользования письмом. Эта транскрипция имела весьма узкую научную цель в исследованиях по сравнительному изучению восточных языков: облегчить фонетическую запись диалектов хакасского языка.

Таким образом мы можем сказать, что до Октябрьской социалистической революции хакасы не имели своей письменности. Ни академическую транскрипцию В. В. Радлова, которая была предназначена только для научных целей, и тем более миссионерский алфавит, на котором напечатано несколько книг религиозного содержания, мы не можем считать за письменность в собственном смысле слова. Хакасский народ до Советской власти продолжал оставаться неграмотным и был вынужден пользоваться зарубками, узлами и пиктографическим письмом.

В истории создания и развития хакасской письменности можно установить три этапа:

I — когда при разработке хакасского алфавита был взят за основу русский алфавит;

II — переход на латинизированный алфавит;

III — возвращение к алфавиту, в основе которого лежит русская графика.

Рассмотрим каждый из указанных этапов.

Первый этап развития хакасской письменности охватывает период с начала Октябрьской революции по 1928 г. включительно. Первые шаги в деле создания письменности на хакасском языке были затруднены отсутствием какой-либо культурной базы, как и отсутствием квалифицированных национальных кадров. Достаточно вспомнить о том, что в Хакассии до первой мировой войны насчитывалось всего 13 начальных школ и ни одной—повышенного типа. Потребовалось предварительно создать национальную школу, подготовляющую национальную интеллигенцию, а затем уже перейти к вопросу о создании национальной письменности. С этой задачей хакасский народ, под руководством коммунистической партии, справился и к 1924 году в области было создано уже 66 школ, а в 1928 г. их число возросло до 120. После этого, естественно, возник вопрос о составлении хакасского алфавита и о переводе обучения в хакасских школах на родной язык.

Исходным моментом в деле создания национальной хакасской письменности мы можем считать 1924 г., когда Хакасский Уревком пришел к решению о непосредственном переходе к письменности на хакасском языке. С этой целью он командировал в Москву учителя А. Т. Казанакова и других, поручив им ознакомиться с подготовкой и изданием учебной литературы.

После их возвращения, при Уревкоме была создана комиссия по созданию хакасской письменности и изданию учебников. В ноябре 1924 г. члены вышеуказанной комис-

сии составили хакасский алфавит,[1] в основу которого был положен русский алфавит, с некоторыми добавлениями и изменениями. Как только был составлен алфавит, приступили к созданию букварей, книг для чтения и задачников на родном языке. В июне 1925 года был написан букварь, первая книга для чтения после букваря и задачник, которые были посланы для издания в Москву.

К 1927 г. были составлены: книга для чтения 2 класса, задачник для 2-го класса, составлен букварь для взрослых, а также начался перевод политической и культурно-просветительной литературы, например: „Политчитка", „Памятка пионеров", „Будем сильны и здоровы", „Партия, комсомол и юные пионеры" и другие. Всю эту учебную литературу, напечатанную в Москве, Хакассия получила в 1926 г., а с сентября 1926 г. началось в школах обучение на хакасском языке. Создание алфавита и выход в свет учебников на хакасском языке являются датой появления письменности у хакасов. Вот почему 1924 г. вошел в историю Хакассии, как знаменательная дата утверждения хакасской письменности.

Хакасский алфавит, в основе которого лежала русская графика, имел следующий вид:

Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, (пис.), Оо, Öö, о (пис.), Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Ўў, у (пис.), Фф, Хх, Цц, Чч, Іі (дж), Іі (пис.), Шш, Щщ, Ыы, Ь, Ээ, Юю, Яя.

Составленный таким образом алфавит страдал некоторыми недостатками.

1. Он не отражал фонетические особенности звуков хакасского языка. Так, например, в составе алфавита отсутствовали буквы для обозначения двух звуков, специфических для хакасского языка, а именно: глубоко-заднеязычного фрикативного звука „г" и звука „і" („и" с точкой).

2. Некоторые буквы отличались в печатном и письменном начертании.

3. Долгота гласных не всегда обозначалась, в то время как в хакасском языке она имеет принципиальное значение, служа одним из признаков фонем.

Что касается орфографии и пунктуации, то в этот период она была совершенно не разработана. Так, несложные глаголы имели слитное написание. Явления сингармонизма не распространялись на аффиксы. В сложном предложении придаточное предложение не отделялось запятой и др. Вопрос о написании заимствованных слов не был правильно разрешен, в связи с чем такие слова, как „революция",

[1] Абаканский архив, фонд № 915, связка 23—112, стр. 91.

„город", „флаг" и др. писались применительно к разговорной речи неграмотных хакасов: „рэбэлутоэ", „корат", „плакт" и другие.

В последующие годы этого периода в алфавит вносились некоторые изменения. Так, например, были введены в алфавит „h" и „i" для передачи специфики хакасского языка.

Введение письменности и школьного обучения на хакасском языке явилось подлинной культурной революцией. Хакасы получили широкую возможность учиться и учить новое подрастающее поколение на родном языке. Мы снова напомним цифры роста школ. Если в 1885 году обучалось 14 мальчиков и 8 девочек, то в 1924 г. обучалось 2.228 детей, а в 1928/29 учебном году охват детей в школах Хакассии доходит до 3.248 человек. Такие же значительные и убедительные цифры по школе повышенного типа, где число учащихся от 149 человек доходит до 1.943.

Второй этап развития хакасской письменности охватывает 1929—1938 годы; это период латинизации хакасского алфавита.[1] В 1929 г., в связи с переходом ряда народов СССР на латинизированные алфавиты, хакасский алфавит, в основе которого лежала уже русская графика, был заменен новым латинизированным алфавитом и уже с 1930 г. вся литература и газеты стали печататься новым алфавитом. Еще в 1928 г. при Хакасском областном исполнительном комитете была организована Комиссия Нового алфавита, которая вела разъяснительную работу о значении латинизации хакасского алфавита. Проект нового алфавита для хакасов был выработан при Всесоюзном центральном комитете Нового алфавита. Новый латинизированный алфавит был принят в 1929 г.

В последующие годы существования нового алфавита вносились в него изменения и добавления, так, в 1936 г. знак „э" для обозначения гласного „е" был заменен знаком „е", ввели „i" для обозначения мягкости согласных звуков, в заимствованных словах добавили знак—апостроф („'"), например, кул'тура, промышленност' и т. д.[2]

В работе по введению латинизированного алфавита принимала участие общественность Хакассии, многие вопросы по усовершенствованию алфавита, вопросы орфографии и терминологии подвергались широкому обсуждению, проводились областные и районные языковедческие конференции.

[1] Это был регрессивный период развития хакасской письменности, период господства буржуазного национализма в вопросах хакасского языкового строительства. (ред. Доможаков Н. Г.).

[2] Ввиду отсутствия латинских шрифтов примеры даются знаками русской графики. (Н. Г. Доможаков).

Так, в 1923 г. в целях упрощения и унификации хакасского и шорского алфавита, некоторые считали целесообразным и необходимым исключать из хакасского алфавита букву „і“ („и“ с точкой), заменив её буквой „і“ („и“). Дискуссия по этому вопросу нашла отражение на страницах газеты „Советская Хакассия“ (статья т. Сейд-Задэ „Долой букву „ять“ из хакасской письменности“, помещенная в №№ 6, 7 и 8 за 1934 г.). После долгих споров в хакасском алфавите был оставлен звук „і“, как самостоятельная фонема, а не как разновидность „ы“.

Проблема создания литературного языка, принципы и основы которого доводились до сознания широких трудящихся масс, в этот период не всегда правильно решалась. Так, например, в основу создания литературного языка был взят лишь один качинский диалект, тогда как другие хакасские диалекты были оставлены без внимания.

Отдавая должное ведущему диалекту в формировании хакасского литературного языка, мы не можем забывать о неиссякаемых возможностях других диалектов в поступательном развитии единого литературного языка.

Однако, с течением времени становилось всё более и более ясным, что распространение латинизации в Хакассии и новый латинизированный алфавит стал фактором, задерживающим рост социалистической культуры, стал тормозом общего хода социалистического строительства.

1. Прежде всего латинизированный алфавит сам по себе имел крупные недостатки по сравнению с алфавитом, в основе которого была русская графика. В нём отсутствовал ряд букв: ю, я, ё, е, ц, щ, и, ь, в связи с чем многие заимствованные слова из русского языка писались и читались в искаженном виде, например, синкавый завот (цинковый завод), сотсиализым (социализм) и т. д. Далее, вместо йотированных букв писались сочетания гласных. Последнее затрудняло и письмо и чтение, например: счйот (счёт) и др. Затем вместо мягкого знака ставили апостроф („'“), это тоже затрудняло чтение. Наконец, из-за отсутствия в алфавите буквы „е“, неправильно писали и читали заимствованные слова, как экономист (экономист).

2. Новый латинизированный алфавит представлял затруднения для учащихся, ввиду сложности начертания букв. Мало того, школьники должны были изучать два различных алфавита: русский и латинизированный.

3. Латинизированный алфавит стал орудием борьбы против социалистического строительства в руках националистов. Последние старались задержать развитие хакасской пись-

менности: хакасский язык противопоставляли русскому языку, унижали русскую письменность, отстаивали и внедряли латинизированный алфавит, искажали термины и переводы. Они всячески засоряли хакасский язык, придумывая недоступные для масс термины и отдельные слова, как-то улуглар (большевики), сабысчы (ударник) посхайнатхыс (самовар), оортартхыс (паровоз), чахырым (верста), уйа (ячейка) и др.

Трудящиеся Хакассии под руководством партии Ленина—Сталина нанесли решающий удар по представителям буржуазного национализма. Наряду с этим, в 1932 г. при Хакоблисполкоме была создана Областная терминологическая комиссия, которая занималась вопросом освоения научной и др. терминологии. Работа комиссии должна была внести ясность в орфографию хакасского языка.[1]

Период латинизации хакасского алфавита, с 1929 по 1938 гг., затормозил развитие хакасской письменности. Как уже сказано, хакасы до Октябрьской революции не имели своей письменности, последняя была создана только при Советской власти, и в основу хакасского алфавита сразу же была положена русская графика. Вот почему весь период латинизации письменности в Хакассии следует рассматривать таким периодом, который задержал развитие хакасской культуры — национальной по форме, социалистической по содержанию.

Третий этап развития хакасской письменности охватывает период с 1939 года и до наших дней. Характерным для него является отказ от латинизированного алфавита, тормозящего развитие письменности, и возвращение к алфавиту, в основу которого положена русская графика.

3 марта 1939 г., по просьбе трудящихся Хакассии, Советом Народных Комиссаров РСФСР был утвержден новый хакасский алфавит на основе русской графики, и тем самым были созданы условия для дальнейшего успешного развития письменности. В связи с этим, в области были проведены ряд срочных мероприятий: приобретены шрифты нового алфавита; были утверждены правила орфографии; изданы новые учебники и с 1939-40 учебного года обучение в хакасских школах было переведено с латинизированного алфавита на алфавит с русской основой; национальная газета „Хызыл аал" стала издаваться на новом алфавите с 1-го августа 1939 года.

Алфавит хакасского языка в первое время состоял из следующих 36 букв:

---

[1] Но комиссия ничего существенного не сделала, а только усугубляла дело националистическими тенденциями. (Ред. Доможаков).

А а, Б б, В в, Г г, Д д, Е е, Ж ж, З з, И и, Й й, К к, Л л, М м, Н н, НЪ нъ, О о, Ö ö, П п, Р р, С с, Т т, У у, Ӯ ӯ, Ф ф, Х х, Ц ц, Ч ч, Ш ш, Щ щ, Ъ ъ, Ы ы, Ь ь, Э э, Ю ю, Я я.[1]

Что касается произношения этих букв, то ряд их, а именно: а, б, г, д, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, х, ч, ъ, ы, ь, э, ю, я произносятся, как и в русском языке. Для специфических звуков хакасского языка были введены только 4 буквы: „і", „ö", „ӯ", „нъ". Буквы „в", „ф", „ц", „щ", „ш", „ж", „е", „ь", „ъ", встречаются в хакасском языке только в заимствованных словах из русского языка.

Продолжалась работа и по упорядочению орфографии. Так, в начале этого этапа Казанаковым А. Т. была составлена „Орфография хакасского литературного языка", где был дан краткий свод орфографических правил хакасского языка. Нужно отметить, что А. Т. Казанаков является одним из основателей хакасской письменности, им проведена большая работа по изучению хакасского языка и изданию учебников для хакасских школ.

Систематическая научно-исследовательская работа по изучению вопросов создания и развития письменности хакасов началась лишь с 1944 г., когда был организован Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Создание этого института в суровые дни Великой Отечественной войны является ярким выражением огромной заботы большевистской партии и Советского правительства о развитии национальной культуры. Хакасский научно-исследовательский институт немедленно приступил к изучению языка и письменности, литературы и фольклора, истории и археологии, этнографии и антропологии, а также искусства хакасского народа и других народностей, населяющих территорию Хакассии. В своей работе он применил марксистско-ленинский метод и руководствовался новейшими достижениями советской науки. В задачи института входила также и подготовка квалифицированных кадров, способных активно участвовать в строительстве культуры. За время своего существования сектор языка института проделал большую работу, провел несколько лингвистических экспедиций по изучению диалектов хакасского языка, собрал большое количество фольклорного материала. Из других работ института важное значение для формирования хакасского литературного языка имела „Орфография хакасского языка",

[1] См. А. Т. Казанаков, Хакасскай литературнай тілнінъ орфографиязы, 1-ны издание, Красноярскай край ГИЗ-нынъ Хакасскай филиалы. Абакан, 1939 чыл.

составленная под руководством Ф. Г. Исхакова. Она получила утверждение Министерства просвещения РСФСР 3 октября 1946 г.

В виду значения этой работы[1] мы вкратце рассмотрим те основные положения, на которых построена современная орфография хакасского языка.

1. **В отношении алфавита.** Алфавит хакасского языка построен на основе русского алфавита и в соответствии с принципами русской графической системы. Долгие гласные хакасского языка обозначаются в письме при помощи удвоенного написания соответствующих букв. Для специфических звуков хакасского литературного языка к буквам русского алфавита добавлены особые письменные знаки: „і", „нъ", „ӧ", „ӱ", „ч" и „ғ". Таким образом, в 1947 г. в алфавит была введена буква „ч" (дж), представляющая самостоятельную фонему и буква „ғ" которая является вариантом фонемы „г", буква же „ғ" была введена по педагогическим соображениям, т. к. произношение „ғ", от „г" резко отличается.

Нам представляется целесообразным внести в дальнейшем некоторые изменения в установленный порядок алфавита хакасского языка. Все специфические буквы хакасского языка (і, нъ, ӧ, ӱ, ч, ғ) не следует относить на конец алфавита, как это делается в настоящее время, а поставить после тех звуков, к которым они ближе всего по звучанию, а именно: „і" за „и", „нъ" за „н", „ӧ" за „о", „ӱ" за „у", „ч" за „ч", „ғ" за „г".

2. **В отношении орфографии.** В основе хакасской орфографии лежит фонетико-морфологический принцип. В основу литературного языка положены качинский и сагайский диалекты, благодаря этому при установлении тех или иных орфографических правил принимаются во внимание, в первую очередь, особенности грамматики и произношение этих диалектов, с учётом в необходимых случаях особенностей и других диалектов.

3. **В отношении орфографии гласных и согласных.** Правописание слов, заимствованных из русского языка, установлено в соответствии с их русским написанием. Законы сингармонизма в хакасском языке не полностью распространяются на заимствованные слова. Даже в коренных словах для звука „и" допускается исключение: в словах, как

[1] Свод правил новой орфографии хакасского языка состоит из следующих шести разделов: 1) алфавит (§§ 1—10); 2) принципы орфографии (§§ 12—14); 3) орфография гласных и согласных (§§ 15—52); 4) правописание отдельных слов (§§ 53—63); 5) правила аффикасации (§§ 64—66); 6) правописание заглавных и строчных букв (§§ 67—68).

с мягкими, так и с твёрдыми слогами он передается согласно произношению.

В отношении беглых гласных было введено новое правило, в силу которого эти гласные не пишутся лишь в 20 словах, во всех случаях их изменения. Этот порядок правописания вызван трудностями обобщения частных случаев сильной редукции узких гласных. Было установлено новое правописание чередования различных диалектов „с" с „з" и „ч". В орфографии устанавливается написание таких слов только в озвученной форме [сас (волос), сазы (его волос), а не чачы и т. д.].

Приведённое нами выше правило о беглых гласных вызывает определённые сомнения. Установленный порядок затрудняет запоминание, а, во-вторых, вносит путаницу, т. к. беглые гласные пишутся в глаголах 2-го лица повелительного наклонения, например: ибір (вращай, объезжай), а в слове „ибре" (вокруг, кругом) мы не должны писать „і" и др.

4. **В отношении правописания отдельных слов** был устранён тот большой разнобой, который существовал в этой области до 1947 г. Прежде всего, установленные правила упорядочили правописание сложных слов. Так, например, если сложное слово образовано по типу сочинения, то между отдельными словами, входящими в его состав, следует ставить дефис (ідіс-хамыс—посуда, домашняя утварь). Если же сложное слово образовано по типу подчинения, то отдельные компоненты (слова), входящие в его состав, пишутся раздельно и без дефиса (таг харагады)—крыжовник. Слитно пишутся сложные сокращенные слова как ӱлӱкӱн—праздник, харахус—орел и др. В сложных глаголах между усеченным деепричастием и вспомогательным глаголом (пассалган—написал) ставится дефис. Также было упорядочено и правописание частиц. Что же касается сложных и сложно-сокращенных слов, усвоенных из русского языка, то они пишутся согласно принципа русской орфографии, например: водопровод, дот, СССР, ВКП(б) и другие.

5. **Правописание аффиксов** в основном было подчинено фонетическому принципу в соответствии с их произношением. Правила построены без допущения большого числа исключений.

6. **Правописание заглавных и строчных букв** было согласовано с правилами правописания заглавных и строчных букв русской орфографии.

Новая орфография хакасского литературного языка, получившая одобрение со стороны тюркского сектора Института языка и мышления Академии Наук СССР, безусловно, является дальнейшим шагом в развитии хакасской письмен-

ности. В основе её лежат последние достижения марксистско-ленинского языкознания и опыт построения орфографии других народов СССР. Орфография 1947 г. отображает особенности хакасского языка, она показывает изменения в хакасском языке, происшедшие в связи с изменениями в экономике и быте хакасского народа в послеоктябрьский период.

В настоящее время издана значительная литература на хакасском языке: учебная, общественно-политическая и художественная. Имеются все учебники на родном языке для начальных и семилетних школ. По созданию учебников и учебных пособий для хакасских школ проделали большую работу Н. Г. Доможаков, Д. Ф. Патачакова, И. Ф. Коков и др. На хакасский язык переводятся труды классиков марксизма-ленинизма. Изданы на хакасском языке „Краткий курс истории ВКП(б)", „Конституция СССР", „Конституция РСФСР", „Краткая биография И. В. Сталина" и др. Переводятся и издаются художественные произведения русских классиков и советских писателей. Из оригинальной же литературы изданы произведения хакасских поэтов, писателей и сказителей. Составляются русско-хакасский и хакасско-русский словари, разрабатываются отдельные вопросы грамматики хакасского языка, продолжается работа по сравнительному изучению диалектов. Хакасский язык развивается и в дальнейшем будет развиваться на основе народного языка трудящихся хакасов, активно участвующих в социалистическом строительстве и путем обогащения за счет русского языка. Русский язык во всех школах Хакассии введён с подготовительного класса,—это открывает хакасскому народу доступ к сокровищам русской культуры.

Таков путь развития хакасского языка и письменности. Он стал возможным лишь благодаря неуклонному осуществлению ленинско-сталинской национальной политики, благодаря огромной помощи русского народа, благодаря мудрому водительству нашего вождя и учителя товарища Сталина.

Направляющие и руководящие указания товарища Сталина, содержащиеся в его работах, указывают пути дальнейшего развития советской науки и культуры. Гениальное произведение тов. Сталина „Относительно марксизма в языкознании" является блестящим образцом творческого развития марксизма-ленинизма в языкознании. Оно вооружает наших историков, философов, лингвистов новыми положениями, двигающими вперёд марксистско-ленинскую науку.

Л. А. АЛЯБЬЕВА

ХРОНИКА.

О работе института.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории создан по постановлению Совета Народных Комиссаров РСФСР в г. Абакане 1 октября 1944 г. Организация научного учреждения области в суровые дни Великой Отечественной войны является ярким доказательством неустанной заботы нашей партии и правительства о развитии национальной по форме и социалистической по содержанию культуры хакасского народа.

В «Положении о Хакасском научно-исследовательском институте», принятом Наркомпросом РСФСР, четко сформулированы большие и сложные задачи по проведению научно-исследовательской работы, определены профиль и организационная структура института, основные методы организации научной работы. В первых двух пунктах «Положения» говорится, что институт имеет своей целью: «Марксистско-ленинское изучение языка и письменности, литературы и фольклора, истории, археологии, этнографии, искусства и просвещения хакасского народа и других народностей, населяющих Хакассию», подготовку преданных социалистическому отечеству высококвалифицированных кадров, способных активно участвовать в строительстве культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию».

Первейшими задачами института являются:

«а) организация научно-исследовательской работы в области языка, литературы и истории Хакасской автономной области, способствующей правильному разрешению важнейших вопросов национально-культурного строительства в Хакассии и дальнейшему обогащению культуры хакасского народа путем усвоения культурного достояния великого русского народа;

б) издание научно-исследовательских и научно-популярных работ, посвященных изучению языка, литературы и истории Хакассии;

в) разработка и публикация научного наследства в области языка и письменности, литературы и фольклора, истории и этнографии;

г) выращивание и выдвижение работников науки из хакасской национальности;

д) популяризация и пропаганда научных знаний и новейших достижений науки в области языка и письменности, литературы и фольклора, истории, археологии и этнографии;

е) оказание практической помощи учительству, партийно-советскому активу, работникам печати и искусства в области языка, литературы и истории Хакассии путем организации консультаций, семинаров, научных конференций, рецензий и заключений по некоторым вопросам».

Осуществляя эти цели и задачи, институт, в составе трех секторов: языка, литературы и истории, приступил к работе. Был разработан тематический план научно-исследовательской работы на 1945 г. Первое расширенное заседание Ученого Совета, состоявшееся 26 декабря 1944 г., и было посвящено обсуждению и утверждению этого плана.

Прошло семь лет со дня основания института и теперь необходимо подвести некоторые итоги научно-исследовательской работы.

Научные конференции.

В 1945 г. были проведены две научные конференции. Первая конференция состоялась 24 и 25 июля 1945 г. Обсуждались результаты работы института за первое полугодие. Отчет о работе сделал директор института Н. Г. Доможаков. В работе конференции приняли участие учёные Москвы—начальник Алтае-Саянской экспедиции С. В. Киселёв и старший научный сотрудник Государственного исторического музея Л. А. Евтюхова, представитель ЦК ВКП(б) т. Капустин и др.

С докладом об орфографии хакасского литературного языка выступил зав. сектором языка Ф. Г. Исхаков. Сектор составил орфографический словарь и проект орфографии хакасского литературного языка. В основу создания хакасского литературного языка положен сагайский и качинский диалекты. Докладчик говорил, что в алфавит необходимо ввести дополнительные знаки Г и Ч (дж), которые сохраняли бы специфические звуки хакасского языка. Укоренившиеся заимствованные слова оставить в существующем виде, а остальные вводить без изменения основы слова. В составлении орфографии деятельное участие принимали научные сотрудники института Д. Ф. Кокова и А. Т. Казанаков.

Доклад об издании хакасского фольклора, сбор которого ведут работники сектора литературы, сделал директор института Н. Г. Доможаков.

На конференции был заслушан доклад композитора Кенель А. А. о результатах поездки в районы области по сбору музыкального фольклора. Композитор побывал в Ширинском, Таштыпском, Аскизском районах и записал более 600 песен и мелодий. Работа Кенель представляет ценность для развития музыкального искусства хакасов и для изучения истории музыкальной культуры народов Сибири. Конференция поручила А. А. Кенель подготовить к печати лучшие образцы хакасских мелодий с текстами и подстрочным переводом на русский язык.

Кандидат исторических наук В. П. Левашева сделала доклад о многолетних археологических раскопках, проводимых на территории Хакассии. Найденные экспонаты представляют большую научную ценность и свидетельствуют, что местность, на которой сейчас расположена Хакассия, уже в древнейшие времена была заселена и население ее получило быстрое развитие в бронзовом и начале железного веков. Раскопки таштыкских погребений дают богатый материал для изучения времени сложения внутриплеменной дифференциации во II в. до н. э. Раскопки дают возможность установить подробные детали жизни древнего хакасского государства, его культуры, связь с другими соседними государствами.

На обсуждение научной конференции был представлен большой антропологический очерк «Алтае-Саянские тюрки», написанный профессором А. И. Ярхо. Эта работа подвела некоторые итоги антропологическим исследованиям тюркских народов в Алтае-Саянском нагорье и, в частности, хакасов. (Труд выпущен институтом в 1947 г. и получил положительную оценку).

* * *

С 10 по 15 декабря 1945 г. проходила вторая научная конференция, посвященная 15-летию Хакасской автономной области. Конференция совпала с годовщиной работы института и, естественно, на ней были подведены первые итоги научной деятельности. Конференция охватила большой круг вопросов, на повестке дня было 10 докладов: о происхождении хакасов, о ремеслах и торговле в древнем хакасском государстве, о развитии золотодобычи, новейших исследованиях в области языка. В работе конференции приняло участие около 100 человек, в том числе представители Красноярского крайкома ВКП(б), Краевого музея, научные работники Тувинского научно-исследовательского института, Минусинского музея имени Мартьянова, руководители облисполкома и обкома партии, работники Абаканского педагогического и учительского институтов и другие.

С большим интересом участники конференции заслушали доклад В. П. Левашевой «Ремесло и торговля в древнем хакасском государстве». Впервые был поставлен вопрос о древнем производстве гончарных изделий, о металлургии, приведены интересные данные о ремеслах, внутренней и внешней торговли (Эта работа опубликована в первом выпуске «Записок» института за 1948 г.).

Доклад научного сотрудника Хакасской опытной станции орошаемого земледелия В. И. Федорова касался результатов обследования древнего канала на землях колхоза «Аргыстар», Ширинского района. Докладчик считает, что канал построен между средним и поздним Тагаром и использовался, главным образом, для нужд скотоводства.

Научный сотрудник института Ю. А. Шибаева сделала доклад «Пережитки родового строя у хакасов». Доклад ставит своей целью на основании этнографического изучения установить у хакасов существование в прошлом первобытно-общинного строя и выявить его специфику. Докладчик отмечает сохранение у хакасов деления на сеоки—отцовские роды и делает их перечисление и систему родовых делений. Приводятся факты сохранения в преданиях памяти о родоначальнике, общем происхождении, древнем роде и территории, о судьбе сеоков. Хакасская фамилия является пережитком родового имени и к ней во многих случаях перешли права и функции рода (экзогамия, тамги, религиозные праздники).

Анализируя номенклатуру родства и основываясь на существовании в недалеком прошлом сарората и авункулата, докладчик доказывает существование у хакасов на более раннем этапе развития материнского рода, предшествовавшего отцовскому, а также бытования моногамной патриархальной семьи, парной семьи и семьи «пуналуа».

Доклад старшего преподавателя Абаканского пединститута П. П. Немировой «Описание русских говоров села Иудино» явился первым результатом начатого исследования особенностей говоров русских старожилов в Хакассии.

Научный сотрудник института Д. Ф. Кокова сделала доклад о принципах ударения в хакасском языке. Это первая попытка установить основные закономерности ударения в хакасском языке, написанная на основе наблюдений над живым произношением.

В заключение работы конференции зав. сектором истории П. И. Каралькин сделал сообщение о результатах раскопок в 1946 г. «Развалин древнего дворца» около колхоза «Сила». Исследование памятника началось в 1940 г., но война прервала работу и она возобновилась только в 1943 г., а в 1946 г. раскопки были закончены. Исследование вела Алтае-

Саянская экспедиция Академии Наук под руководством профессора С. В. Киселева. Академик В. М. Алексеев относит памятник к Танской династии. Памятник датируется приблизительно III в. до н. э. и началом III в. н. э.

В актовом зале Абаканского пединститута, где проходила научная конференция, была организована выставка находок из «Развалин дворца».

* * *

С 23 по 26 января 1947 г. проходила третья научная конференция. Директор института Н. Г. Доможаков, выступивший с докладом «Н. Ф. Катанов — первый хакасский учёный», подробно рассказал о жизни и научной деятельности учёного, который собрал огромные материалы по языку, этнографии, фольклору, не теряющие до сих пор свою научную ценность.

Докладчик отметил также, что научное наследие Катанова нуждается в критической оценке, т. к. многие его взгляды антинаучны и даже вредны.

Зав. сектором литературы М. А. Унгвицкая выступила с докладом «Хакасское стихосложение», где она говорит об особенностях хакасской ритмики, делает заключение о том, что ритмика хакасского стиха возникла одновременно с мелодией и что в современный хакасский стих проникает силлабо-тоническая система ритмики.

Доклад о памфлете Т. М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца» сделал учёный секретарь института М. В. Минокин. Автор изучал рукописи и письма Т. М. Бондарева в архивах Минусинска, Красноярска, Москвы, в музее Л. Н. Толстого. С великим писателем Бондарев был связан большой дружбой. Наш земляк, крестьянский деятель и писатель, одарённейший человек — он писал политические сочинения-памфлеты, направленные против помещиков и царя. Одним из таких гневных сочинений является памфлет «Трудолюбие и тунеядство». Основная мысль памфлета — каждый человек должен трудиться. Докладчик показал Бондарева, как борца за счастливое будущее своего народа. Позднее эта работа вошла в кандидатскую диссертацию Минокина. (В декабре 1948 г. Учёный Совет провёл специальное заседание, посвященное 50-летию со дня смерти Т. М. Бондарева, где Минокин прочёл доклад о жизни и деятельности крестьянского писателя. Учёный Совет обратился с ходатайством к облисполкому о переименовании села Иудино, где провёл последние годы жизни Т. М. Бондарев, в село его имени, о необходимости восстановить могилу-памятник писателя).

Доклад «Расслоение улуса у койбальцев» сделал зав. сектором истории П. И. Каралькин.

Доклад о пережитках патриархального рода у хакасов сделала Ю. А. Шибаева.

Доклад «Мелодика хакасской песни» сделал композитор А. А. Кенель.

В работе научной конференции приняло участие более 200 человек, в числе их—руководящие партийные и советские работники Хакассии, педагоги и студенты Абаканского педагогического и учительского институтов, работники издательства, редакций газет и радиокомитета. Все доклады вызвали оживлённые обсуждения присутствующих.

* * *

26 сентября 1947 г. проходила научная конференция, посвящённая 20-летию работы Алтае-Саянской археологической экспедиции Академии Наук СССР на территории Хакассии. Итоговый доклад сделал руководитель экспедиции профессор, доктор исторических наук С. В. Киселёв, посвятивший изучению древней истории области 20 лет научной работы. Большое участие в работах экспедиции принимала кандидат исторических наук Л. А. Евтюхова.

Докладчик остановился на истории археологических раскопок в Хакассии и отметил, что настоящее научное и систематическое изучение и исследование истории и археологии хакасского народа началось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Алтае-Саянская экспедиция ведёт археологические работы на территории Хакассии с 1927 г. и они дали ценнейшие материалы по истории народа.

Юбиляров тепло приветствовали представители партийных и советских организаций, научных учреждений области. Отмечая большие заслуги С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой в организации изучения Хакассии, облисполком наградил их Почётными грамотами и ценными подарками.

* * *

В начале декабря 1947 г. состоялась юбилейная сессия института, посвященная 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. На повестке дня стояли вопросы, иллюстрирующие рост Хакассии, достижения науки, хозяйства и культуры за годы советской власти. На сессии присутствовало около 200 человек.

Первым был заслушан доклад зам. директора Абаканского пединститута Устинова «К вопросу установления Советов в Хакассии». Основываясь на документах, докладчик говорит, что в декабре 1917 г. власть переходит в руки Ми-

нусинского Совета рабочих и солдатских депутатов, который принимает Положение о Хакасских Степных Советах, отвечающих интересам и чаяниям всего хакасского народа. Подробно рассказывает, как большевики, совместно с Советами, руководили борьбой трудящихся хакасов против белогвардейцев и иностранной интервенции, о классовой борьбе трудового народа с баями и буржуазными националистами. 20 октября 1930 г. постановлением ВЦИК Хакасский округ преобразован в Хакасскую автономную область.

Доклад «О хозяйственных и культурных достижениях Хакассии за годы Советской власти» сделал зав. сектором истории П. И. Каралькин.

Кандидат исторических наук Ю. А. Шибаева прочитала доклад «Хакасская женщина в прошлом и настоящем».

Доклад «К вопросу о создании хакасской музыки» сделал композитор А. А. Кенель. Он говорил о современной хакасской музыке и путях её дальнейшего развития, о плодотворном влиянии на неё русской музыкальной культуры. Новая советская тематика требует и новые музыкальные формы. Появилось многоголосье, общие песни для всех хакасов, увеличивается объём и диапазон песни, появляются новые музыкальные инструменты, совершенствуется чатхан.

Во время конференции в фойэ Хакасского национального театра, где проходила конференция, была организована выставка работ художников области—Д. Черепанова, Г. Аткнина, А. Новосёлова и других, выставка научных трудов сотрудников института.

* * *

В июле 1948 г. состоялась сессия, посвященная 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского. Зав. сектором литературы М. А. Унгвицкая сделала доклад: «Белинский в борьбе за идейность в литературе». Писатель-фольклорист А. В. Гуревич прочитал интересный доклад — «Белинский и Сибирь». Он сообщил материалы, которые до этого не ставились при разработке наследства великого критика.

* * *

В начале января 1950 г. в зале заседаний Дома Советов состоялась научная сессия института, посвященная 70-летию со дня рождения И. В. Сталина. С докладами: «И. В. Сталин— великий продолжатель бессмертного дела В. И. Ленина» и «И. В. Сталин и национальная политика большевистской партии» выступили члены Учёного Совета института тт. С. А. Бордонский и Н. С. Мартынов. В работе сессии приняли участие работники Абаканского педагогического

и учительского институтов, национального театра и театра русской драмы им. М. Ю. Лермонтова, издательства, представители облоно, школ города и других организаций города.

* * *

С 25 по 30 октября 1950 г. проходила научная сессия, посвященная XX-летию Хакасской автономной области. В работе сессии приняли участие учёные самых различных специальностей, в том числе виднейшие учёные нашей страны, занимающиеся изучением Хакассии, научные учреждения: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, опытная станция орошаемого земледелия, Абаканский пединститут, Южно-Енисейская комплексная экспедиция Совета по изучению производительных сил Академии Наук СССР. Общественность области проявила живейшее внимание к работе юбилейной сессии: на заседании присутствовало около 300 человек — работники народного образования, искусства, литературы, печати и издательства, студенты высших учебных заведений, специалисты сельского хозяйства и промышленности области, работники партийных и советских органов.

На сессию были вынесены ценные научные доклады, отражающие плодотворную работу научно-исследовательских учреждений области и имеющие важнейшее значение как для изучения, так и для дальнейшего развития народного хозяйства и культуры Хакассии. Работники Хакасской опытной станции орошаемого земледелия и Южно-Енисейской экспедиции выступили с группой интересных докладов, имеющих большое практическое значение по разработке насущных вопросов промышленности и сельского хозяйства области. Интересным и актуальным темам были посвящены доклады историков, языковедов, литераторов. Сессия показала тесную связь учёных с жизнью, с производством, с нашей социалистической действительностью.

На пленарном и специальном заседаниях сессии было прочитано десять докладов:

«Основные этапы истории хакасов» — профессор, доктор исторических наук Л. П. Потапов;

«К вопросу происхождения хакасов в свете достижений советской исторической науки» — лауреат Сталинской премии, профессор, доктор исторических наук С. В. Киселёв;

«Работа товарища Сталина по языкознанию и проблемы изучения хакасского языка» — кандидат филологических наук Н. Г. Доможаков;

«Формирование хакасской социалистической нации» — зав. сектором истории Хакасского НИИЯЛИ Н. С. Мартынов;

«Основные пути развития сельского хозяйства»—профессор, доктор сельскохозяйственных наук К. П. Горшенин;

«Успехи промышленного развития Хакассии за 20 лет»—зав. отделом промышленности и транспорта Хакасского ОК ВКП(б) П. В. Бутанаев;

«Климат Хакасско-Минусинской котловины» — научный сотрудник Южно-Енисейской экспедиции Г. Б. Гавлина;

«Основные итоги работ Южно-Енисейской комплексной экспедиции Академии Наук СССР» — начальник экспедиции, кандидат геолого-минералогических наук Л. В. Громов;

«Перспективы развития чёрной металлургии Хакасской автономной области» — кандидат экономических наук В. Б. Бродский.

«Перспективный план развития сельского хозяйства Хакассии на 1951—1956 гг.» — кандидат экономических наук Н. М. Добродеев;

На сельскохозяйственной секции прочитано десять докладов:

«Генезис почв Хакассии» — зав. отделом агрономии и почв опытной станции орошаемого земледелия Н. И. Карнаухов;

«Почвы Хакассии и пути повышения плодородия» — кандидат сельскохозяйственных наук Н. Д. Градобоев;

«Современная ветровая эррозия в Хакассии, её причины и последствия» — кандидат геолого-минералогических наук Л. В. Громов;

«Схема лесомелиоративных мероприятий по Хакасской автономной области» — кандидат сельскохозяйственных наук Е. П. Верховцев;

«Лесоразведение в условиях Хакассии» — зам. директора по науке опытной станции орошаемого земледелия П. Ф. Фомин;

«Перспективный план гидромелиоративных мероприятий по Хакассии» — О. В. Яворский;

«Новая система орошения в Хакассии» — зав. отделом гидротехники опытной станции орошаемого земледелия А. Г. Турбин;

«Механизация орошаемого земледелия» — кандидат сельскохозяйственных наук Н. Г. Мясников;

«Естественные кормовые ресурсы Хакассии и перспективы их использования» — кандидат биологических наук Л. М. Черепнин;

«Состояние и перспективы развития животноводства в Хакасско-Минусинской котловине» — кандидат сельскохозяйственных наук С. И. Иванов и И. Ф. Ноздрачев, научный сотрудник В. Ф. Червинский.

На заседании секции языка, литературы и истории было прочитано шесть докладов:

«Социалистическая культура хакасов» — зав. отделом пропаганды и агитации Хакасского ОК ВКП(б) Д. И. Нагрузов;

«Борьба за власть Советов в Хакассии»— зам. директора Абаканского пединститута А. Н. Устинов;

«Хакассия — страна древней металлургии» — кандидат геолого-минералогических наук Л. В. Громов;

«Вопросы новейшей истории в трудах И. В. Сталина»— кандидат исторических наук В. Э. Скорман;

«Вопросы развития лексики хакасского языка» — зав. сектором языка Хакасского НИИЯЛИ Г. Ф. Бабушкин;

«Литература советской Хакассии» — зав. сектором литературы Хакасского НИИЯЛИ М. А. Унгвицкая.

Все доклады, прочитанные на юбилейной научной сессии, посвященной XX-летию Хакассии, будут изданы отдельным сборником.

Помимо научных конференций несколько раз в год проводятся заседания Учёного Совета, на которых рассматриваются текущие вопросы научно-исследовательской работы.

Экспедиции

Одним из основных видов сбора научного материала являются полевые работы, которые проводятся ежегодно. Первая месячная экспедиция была организована в 1945 г. Основная задача её состояла в сборе фольклорного и лингвистического материала. Этим было положено начало одному из важнейших мероприятий института, рассчитанному на ряд лет, — всестороннему и последовательному изучению диалектов хакасского народа и его устного народного творчества. Научным руководителем экспедиции был Ф. Г. Исхаков. Члены экспедиции побывали в 20 населённых пунктах области и собрали 74 сказки и легенды, 228 пословиц, 564 загадки, произвели запись живой речи по основным диалектам хакасского языка, заполнили словник в 938 страниц. К работе по сбору фольклора и диалектов привлекли 30 педагогов, студентов и учителей. В этом же году композитор А. Кенель проводил сбор и запись музыкального фольклора в четырёх районах области.

В последующие 1946, 1947 и 1948 гг. экспедиции носили комплексный характер, в них принимали участие этнографы, историки, археологи, языковеды и фольклористы. Маршруты экспедиций были построены таким образом, чтобы в течение ряда лет охватить изучением всех говорящих по-хакасски, всесторонне изучить устное народное творчество и быт хакасов. Собран значительный разнообразный материал. Особенно

много материалов собрала экспедиция в 1948 г., возглавляемая научным сотрудником Академии Наук СССР профессором Б. К. Пашковым, и побывавшая в Таштыпском и Аскизском районах. Намеченные планы выполнены полностью. Сделано 280 фотоснимков и 60 зарисовок материальной культуры и орнаментов, сделаны большие записи по лексике и фонетике бельтыров и койбалов, по фольклору. Записанные материалы, самые разнообразные по жанру, составляют 600 страниц. Среди них имеются легенды и сказки, представляющие большой научный интерес для тюркологии. Не мало современных песен, пословиц, загадок, характеризующих собой язык нашего времени. Записи дают возможность уточнить и пополнить хакасскую диалектологию и составить проект первой диалектологической карты хакасского языка, дают богатый материал для разработки научной грамматики.

Этнографическая экспедиция собрала значительный материал по производству и материальной культуре: одежде, жилищу, охоте, о ранних формах земледелия, обычаях и поверьях у охотников-таёжников. Экспедиция установила, что под влиянием нового колхозного быта повышается культурный уровень населения. В самых отдалённых улусах имеются школы, избы-читальни, медицинские пункты, телефон, бани, на полях колхозов установлены культстаны. По материалам экспедиции на юге Хакассии можно сделать предварительные выводы об этническом составе хакасов. Художником Черепановым произведены зарисовки орнамента хакасской одежды и украшения быта (резьба по дереву, раскраска бытовых предметов и т. д.).

В 1950 году институт организовал археологическую экспедицию, имеющую целью продолжить исследование археологических памятников Хакассии, проводившееся успешно с 1927 г. по 1947 г. Саяно-Алтайской археологической экспедицией ИИМК АН СССР и ГИМ под руководством лауреата Сталинской премии, доктора исторических наук, профессора С. В. Киселёва. Объектом работы был избран Сырский чаа-тас, расположенный в Аскизском районе, который ранее никем не был исследован. В результате раскопок склепа Сырского чаа-таса, относящегося к таштыкской эпохе (I в. до нашей эры — IV в. нашей эры), найдены многочисленные и ценные исторические материалы. Обнаружены хорошо сохранившиеся портретные маски предков хакасов, богатый инвентарь, большое количество тканей, сосудов, украшения и т. д. Ценнейшим приобретением археологической экспедиции 1950 г. являются две уникальные статуи ездовых оленей—древнейшее доказательство домашнего оленеводства. Полученные материалы экспонируются в областном музее краеведения.

На основании собранного экспедициями материала написаны следующие труды:

1. Сагайское племя в этническом отношении. Профессор Потапов Л. П. (Напечатано в журнале «Советская этнография», 1947 г., № 3).

2. Пережитки эпохи матриархата у хакасов. Шибаева Ю. А. (Напечатано в журнале «Советская этнография», 1948 г., № 1).

3. К истории хакасского жилища. Шибаева Ю. А.

4. Пережитки родового строя у хакасов в системе родства и семейно-брачных отношений. Шибаева Ю. А. (Кандидатская диссертация).

5. Современные похороны у бельтыров. Шибаева Ю. А.

6. Хакасская женщина в прошлом и теперь. Шибаева Ю. А.

7. Кызыльский диалект хакасского языка. Доможаков Н. Г. (Кандидатская диссертация).

8. Система родства у хакасов. Шибаева Ю. А.

9. Сравнительный словарь диалектов хакасского языка. (Рукопись).

10. Сборник пословиц, поговорок, загадок хакасов.

11. Музыкальный фольклор хакасов. Кенель Л. Л. (Рукопись).

12. Сагайский диалект. Ишкижекова А. И. (Кандидатская диссертация).

Материалы экспедиции после каждой поездки систематизируются и обрабатываются в соответствующих секторах.

Издания института.

За истекшие годы институтом изданы:

Проф. А. И. Ярхо. Алтае-Саянские тюрки. Абакан. Хакоблнациздат. 1947 г.

Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан. Хакоблнациздат. 1948 г.

Орфография хакасского литературного языка (на хакасском языке), Абакан. Хакоблнациздат. 1947 г.

Орфография хакасского литературного языка (на русском языке). Абакан, Хакоблнациздат, 1947 г.

Н. Г. Доможаков. Орфографический словарь хакасского языка (для средних школ). Абакан. Хакоблнациздат. 1948 г.

Н. Г. Доможаков. Грамматика хакасского языка (Фонетика и морфология). Издание 3-е. Абакан. Хакоблнациздат. 1946 г.

Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка (на русском языке). Фонетика и морфология. Абакан. Хакоблнациздат. 1948 г.

Д. Ф. Кокова. Хакасско-русский словарь (для начальных школ). Абакан. Хакоблнациздат. 1948 г.

Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Выпуск 1-й. Хакоблнациздат. 1948 г.

Первые шаги. Литературно-художественный сборник. Абакан. Хакоблнациздат. 1947 г.

Поэты Хакассии. Сборник избранных стихов и поэм хакасских поэтов (на русском языке). Издательство «Советская Хакассия», Абакан, 1949 г.

Сборник избранных произведений М. Аршанова, П. Штыгашева, М. Кокова (на хакасском языке). Хакоблнациздат, 1949 г.

Сборник хакасских песен (на хакасском и русском языках). Хакоблнациздат, 1950 г.

Проф. С. В. Киселёв. Краткий очерк древней истории хакасов. Хакгиз. Абакан. 1951 г.

Алыптыг ныматхар (героические сказания) на хакасском языке. Хакгиз. Абакан. 1951 г.

Албынжи (героическое сказание) на русском языке. Хакгиз. 1951 г.

Кроме изданных трудов, более 50 названий научных работ хранится в рукописных фондах библиотеки.

За последние годы научные сотрудники института написали и защитили четыре кандидатских диссертации по темам: «Сагайский диалект хакасского языка» — А. И. Инкижекова; «Описание кызыльского диалекта хакасского языка» — Н. Г. Доможаков; «Пережитки родового строя у хакасов»— Ю. А. Шибаева; «Проблемы крестьянства в творчестве Л. Н. Толстого (80—90-е годы XIX в.)» — М. В. Минокин. Написана кандидатская диссертация у зав. сектором литературы М. А. Унгвицкой «Хакасское стихосложение». Зав. сектором языка Г. Ф. Бабушкин готовит диссертацию по теме «Грамматическая категория прилагательных», зав. сектором истории Н. С. Мартынов — по теме «Роль русского народа в истории хакасов».

В настоящее время сотрудники института работают над проблемами: по сектору истории — центральная проблема— очерки по истории Хакассии. Затем исследование вопроса о формировании хакасской социалистической нации и вопроса о роли русского народа в истории хакасов. По сектору языка— создание больших двуязычных словарей: хакасско-русского и русско-хакасского, сравнительного словаря диалектов хакасского языка и разработка принципов перевода. По сектору литературы—разработка темы: формирование советской хакасской литературы и хакасское стихосложение.

Научно-пропагандистская работа и практическая помощь работникам школ, печати, искусства, литературы.

Институт, наряду с развёртыванием научно-исследовательской работы, ведет разностороннюю научную пропаганду тех знаний, которые входят в круг изучения института. Сотрудники выступают в печати, по радио с популярными лекциями и статьями на хакасском и русском языках, проводят массовую работу в районах области во время экспедиций и командировок. Институт постоянно оказывает практическую помощь учительству, партийным и советским работникам, работникам издательства, газет, молодым поэтам и писателям. Все они обращаются в институт со всевозможными вопросами и находят здесь постоянную поддержку и помощь.

Работники сектора языка и литературы повседневно помогают национальному издательству и областной национальной газете при редактировании отдельных книг, изданий, при переводе статей, брошюр и т. д. Сектор языка только в первой половине 1950 г. два раза обсуждал вопрос о терминологии и опыте переводов общественно-политической литературы национальным издательством, вопрос о языке газеты «Хызыл аал». Работники этого сектора рецензировали переведённую на хакасский язык «Краткую биографию И. В. Сталина», многие учебники для хакасских школ. Большую повседневную помощь консультациями, рецензиями, заключениями сектор оказывает институту усовершенствования учителей в составлении учебников, программ для хакасских школ. Так, сектор составил грамматическую терминологию, а институт усовершенствования учителей издал её в методическом сборнике, программу по хакасскому языку для педагогического училища, просмотрел программу по хакасскому языку для учительского института, сборник орфографических упражнений для 5—7 классов и сборник упражнений по синтаксису для 6—7 классов. Научный сотрудник Д. Ф. Патачакова составила «Хрестоматию для 7 класса».

Сектор литературы помогал систематически в составлении программ по хакасской литературе и фольклору, по литературному чтению для 5—7 и 8—10 классов хакасских школ. Давал консультации составителям «Хрестоматий» Патачаковой, Шулбаеву и Астанаевой. Учебники были обсуждены на заседании сектора, внесены существенные поправки. Сектор постоянно рецензирует не только учебники, но и издания молодых поэтов и прозаиков Хакассии.

Сектор литературы проводит особенно большую работу с народными сказителями, певцами, начинающими поэтами и писателями. Ежегодно созываются семинары, совещания, лучшие сказители вызываются специально для записи от них

фольклора. На местах созданы корреспондентские пункты для записи фольклора, с которыми институт поддерживает постоянную связь.

5-дневный семинар сказителей был проведён в 1946 г. Писатель-фольклорист А. В. Гуревич сделал доклад об опыте работы фольклористов со сказителями. На семинаре была известная красноярская сказительница Е. И. Чичаева. Она поделилась опытом своей работы. Такой же большой семинар сказителей и начинающих писателей состоялся в конце 1947 г. Десятидневное совещание — семинар сказителей совместно с писателями и поэтами области был проведён в 1948 г. Были сделаны доклады о задачах народных сказителей и молодой советской хакасской литературы, выяснен репертуар сказителей, производилась запись фольклора. В 1949 г. проведено 10-дневное совещание сказителей и певцов совместно с членами литературного объединения. Участникам совещания прочтены доклады о задачах советской хакасской литературы в связи с решением пленума ССП СССР и о хакасском фольклоре и задачах сказителей, была организована запись фольклора.

Работники сектора литературы оказывают систематическую помощь молодым поэтам и писателям области в их творческой работе. В 1948 г. при секторе было создано литературное объединение начинающих писателей, а в конце 1949 г. создано Отделение Союза Советских писателей и в члены и кандидаты ССП принято 4 человека. Сектор помог молодым авторам—Доможакову Н. Г., Кычакову И. С., Котюшеву И. Г., Костякову И. М. выпустить свои сборники произведений, положив начало изданию литературно-художественного альманаха «Огни Хакассии», полностью подготовил и выпустил в свет два номера и сейчас принимает активное участие в выпуске альманаха. Сектор организовал выступление по радио лучших сказителей Хакассии — П. Кадышева, А. Янгулова, Е. Миагашева, Тоданова и других. Работники сектора выступали в печати и по радио со статьями о зачинателях хакасской литературы, о хакасском фольклоре, о молодых писателях и поэтах Хакассии. И после организации отделения ССП сектор не порывает связи с литераторами области, часто проводит совместные заседания, обсуждает новые стихи, пьесы, повести и рассказы.

Сектор истории ведет большую работу по реконструкции всех разделов областного музея краеведения. Сотрудники сектора возглавляют эту работу и непосредственно сами разрабатывают наиболее важные экспозиции по новой истории и истории послеоктябрьского периода. Сектор постоянно помогает внештатным исследователям в выборе и разработке тем, составлении планов, обсуждает их работы на заседании сектора,

Писатель-фольклорист А. Гуревич написал по поручению института работу «Хакасские хайджи и нымахчи». Это первое исследование о хакасских сказителях, методах их работы и репертуаре. Сектор литературы сделал подстрочные переводы хакасского устного народного творчества и стихов хакасских поэтов для литературных переводов.

* * *

Доктор филологических наук Н. А. Баскаков и кандидат филологических наук А. И. Инкижекова заканчивают составление первого большого хакасско-русского словаря. Коллектив авторов под руководством директора института, кандидата филологических наук Н. Г. Доможакова закончил составление большого русско-хакасского словаря.

* * *

Кандидат исторических наук Ю. Шибаева закончила работу «Жилище у хакасов». К работе подготовлен альбом чертежей и планов жилища. Использованы 55 планов-чертежей и 61 фотоснимок. Она же собрала материал по хакасской одежде (качинцев, сагайцев, шорцев, бельтыров), подготовлено 24 чертежа выкроек, 27 рисунков орнамента одежды и закончено составление альбома по хакасской одежде.

Художники Д. Черепанов и Калинин сделали 214 рисунков (графических и акварельных) по хакасскому орнаменту для альбома «Хакасское искусство».

* * *

Большую помощь институту оказывают видные ученые Москвы и Ленинграда — С. В. Киселев, Л. П. Потапов, Н. А. Баскаков, Н. К. Дмитриев, С. Е. Малов, Н. В. Кюнер, Л. А. Евтюхова и др. Профессор С. В. Киселев написал монографию по древней истории Хакассии, Л. П. Потапов—книгу «Краткие очерки по истории и этнографии хакассов» (XVII-XX вв.). Н. Кюнер закончил работу над темой: «Новые китайские материалы по этнографии хакасов», Л. Евтюхова написала работу по археологическим памятникам енисейских кыргызов (хакасов).

А. Ф. УСТИНОВА

БИБЛИОТЕКА ХАКАССКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА.

Хакасский научно-исследовательский институт начал свою деятельность совершенно не имея книг. С открытием института началась работа по созданию библиотеки.

С первого года существования института значительная часть годовой сметы (до 20.000 руб.) шла на приобретение книг. Из года в год росли книжные фонды библиотеки. Сейчас она имеет более 11 тысяч томов.

Первые книги поступили из личных библиотек научных сотрудников института: Доможакова Н. Г., Исхакова Ф. Г. и других. Директор института Доможаков Н. Г. передал все свои книги (96 томов) по различным вопросам языкознания: Исхаков Ф. Г. — десятки книг по тюркским языкам. Инженер Яворский О. В. (г. Абакан) подарил институту 20 томов, среди них: «Урянхайский край», изд. Иркутского военного округа, вып. 1913 г.; «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Спафария Н. в 1675 году» и др. книги.

Исследователь Сибири профессор Ярилов А. А. подарил библиотеке личный архив, свои труды и другие книги, касающиеся Хакассии. Среди них такие ценные книги, как «Кызыльцы и их хозяйство», изд. 1899 г., «Мелецкие инородцы», изд. 1899 г. и другие.

Хакасское национальное издательство передало библиотеке ценные книги, такие как Радлов В. В. — «Опыт словаря тюркских наречий», СПБ, 1905 г.; Катанов Н. Ф. — «Опыт исследования урянхайского языка...», Казань, 1905 г.

В комплектовании библиотеки оказали большую помощь Московский и Ленинградский Государственные литературные фонды, откуда поступило в 1947—48 гг. более двух тысяч книг научной и художественной литературы. С 1946 г. библиотека состоит постоянным абонентом «Академкнига» и получает платные экземпляры академических изданий, за счет которых идет, главным образом, комплектование библиотеки.

Библиотека пополняется также за счет обмена изданиями институтов Академии Наук СССР, научно-исследовательских институтов союзных, автономных республик и областей, с которыми она имеет постоянную обменную связь. В мае 1950 г. библиотека выслала свои издания ученым Москвы и Ленинграда и получает в обмен их труды.

Ежегодно библиотека выписывает периодическую литературу: журналы — 35 названий и газеты — 13 названий.

Книжный фонд библиотеки комплектуется главным образом по отделам, которые соответствуют профилю института — по языку, литературе, истории. Тщательно собирается специальная литература, необходимая для научных работников. Библиотека имеет много ценных и редких книг по марксизму-ленинизму, языку, литературе и истории. К числу таких книг относятся: основные труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина; «Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири 1032—1882 гг.» И. В. Щеглова, изд. 1883 г.; «Путешествие по Сибири, России и Татарии» Шталенберга; «Хакасы» Козьмина, изд. 1925 г.; «Живописная Россия», т. XII, части 1 и 2; «Сибирь в XVII веке» Титова, изд. 1890 г.; «Древняя история Южной Сибири» Киселева С. В. и другие.

В библиотеке имеется более 100 названий книг на хакасском языке местного национального издательства. Среди них: «Краткий курс истории ВКП(б)», «Краткая биография И. В. Сталина» и др. Есть книги, изданные нациздатом в 1926 г. Имеется библиография по Хакассии, составленная государственной библиотекой имени В. И. Ленина и библиографический указатель литературы по археологии и древней истории Хакассии и прилегающих к ней районов.

Ценным материалом библиотеки являются альбомы Ю. А. Шибаевой, отражающие хакасскую национальную одежду, планы и чертежи жилища хакасов с подробным их описанием, альбомы художников Черепанова Д. П. и Калинина. Кроме того, рукописный фонд пополняется диссертациями своих научных сотрудников: Н. Г. Доможакова — «Кызыльский диалект», Ю. А. Шибаевой — «Пережитки родового строя у хакасов», А. И. Инкижековой — «Сагайский диалект».

Библиотека установила постоянный междубиблиотечный абонемент с Московской государственной библиотекой имени В. И. Ленина, с Красноярской и Минусинской библиотеками. Междубиблиотечный абонемент оказывает помощь научным работникам, он даёт возможность получать необходимую литературу, которой не имеется в г. Абакане.

Своим книжным фондом библиотека обслуживает работников своего института, внештатный актив института и некоторую часть интеллигенции города. В библиотеку за библиографическими справками обращаются самые разнообразные

общественные, учебные, научные, культурно-просветительные учреждения и организации области.

Отрицательно сказывается на работе библиотеки то, что она занимает небольшое помещение и не имеет читального зала. А книжные фонды увеличиваются, посещаемость неизменно растёт, и уже возникла настоятельная потребность в расширении помещения библиотеки.

ОТ РЕДАКЦИИ

В «Записках» Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории печатаются неопубликованные работы сотрудников института по вопросам языка, литературы и истории, а также работы внештатных авторов по представлению соответствующего сектора института.

В «Записках» могут быть представлены работы, написанные на русском и хакасском языках.

Объем статьи, представляемой в «Записки», не должен превышать, как правило, 2 авт. листа (80.000 печ. знаков).

Рукописи должны представляться в совершенно готовом для печати виде, хорошо обработанными литературно и подписанными авторами. Авторская правка ни в правках, ни в сверстанных листах не допускается.

Статьи представляются в редакцию в двух экземплярах, четко переписанные на машинке на одной стороне листа через два интервала.

Непринятые рукописи авторам не возвращаются.

Адрес редакции: Абакан, Партизанская, 19.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

А. В. Кюнер. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII-VIII вв. н. э. 3
М. В. Минокин. Тимофей Михайлович Бондарев 17
В. И. Доможаков. Хакасские загадки 60
Н. А. Баскаков. К истории изучения хакасского языка 85
Д. Ф. Патачакова. Заметки о переводе 105
А. И. Инкижекова. К истории развития хакасской письменности . . 119

ХРОНИКА

Л. А. Алябьева. Работа института 135
А. Ф. Устинова. Библиотека Хакасского научно-исследовательского института 151
От редакции 155

Редакторы: Н. Доможаков, И. Чебодаев.

Корректоры: Н. Тясто, А. Чеменева. Техредактор Н. Корнеев

Подписано к печати 18 декабря 1951 г. АЧ00037. Печатных листов 9¾. Уч.-издательских листов 9
Тираж 800 экз. Зак. 2881. Типография из-ва „Советская Хакассия", г. Абакан. Цена 5 р

1943

50 коп
5 рублей.